

О б этом переводе слухи ходили давно. Касались они священника Елисея Ковшова, многое сделавшего по восстановлению церковной жизни в отдаленном селе и полюбившегося прихожанам. Минуло два месяца с того благословенного дня, когда при большом стечении верующих храм был освящен митрополитом, поставившим в пример местному благочинию способность Елисея к послушанию. И это было справедливо, ибо церковь Казанской иконы Божией Матери прежде являлась примером запущенности, а радением Елисея засияла куполом среди полей и перелесков.

Слухи не рождаются из ничего. Это подтвердилось в середине мая, когда пришло сообщение из епархии о переводе отца Елисея в старинный город, где решили восстанавливать церковь, так как для этого удачно сложились многие обстоятельства. Узнав о переводе, Елисей долго рассматривал на карте указанное место, мысленно начертал предстоящий путь, не такой уж и протяженный.

Епархиальные приказы не обсуждаются. Через несколько дней после известия батюшка сдал дела прибывшему юному иерею Алексан-

дру, рьяному от волнения и молодости, собрал сумку с одеянием, сложил в рюкзак книги и приготовился к отъезду. Признаваясь самому себе, он ежился от колючей мысли, напоминавшей о скором прощании с обжитым местом, хотя и понимал, что такая привычка свойственна любому человеку, если он не авантюрист и не отпетый проходимец, спасающийся бегством, для которого подобное действие — работа. Для Елисея же широкое и раздольное село Владыкино, стоящее на черноземах, стало по-настоящему своим по многим обстоятельствам, тем более, что на кладбище близ возрожденной церкви минувшей осенью он похоронил матушку, находившуюся на сносях. Нестерпимый случай полгода вводил в уныние, он боролся с ним, и это у него начало получаться, но пришло новое испытание. Елисей помнил, что всегда надо быть готовым к переезду и исполнению послушания там, где повелит Господь, и усердно обогреть каждое место своим сердечным дыханием, но все равно новое испытание показалось сокрушительным.

Перед отъездом, находясь в нерадостном и шатком расположении духа, он побывал на могилке матушки Елены, с которой познакомился в Москве задолго до завершения учебы. После венчания и принятия им сана она безропотно рассталась с комфортной столичной жизнью и отправилась за своим батюшкой... И вот он помолился за ее покой, за Царствие Небесное, где она теперь пребывала вместе с младенцем, так и не увидевшим Божьего света.

До города, откуда ходили автобусы до областного центра, батюшку доставил взволнованный диакон Михаил. Он появился во Владыкине позапрошлой весной и был направлен в помощь Елисею, ранее помыкавший с матушкой по многим благочиниям. Здесь они купили пустующий бревенчатый дом, сделали пристройку с отдельным входом и отдали ее в пользование Елисею и Елене, снимавшим жилье. Этот поступок окончательно сблизил две семьи, а в минувшие полгода после несчастья Елисей стал для Михаила и его матушки Марины, бывших бездетными, словно младшим братом. Или даже сыном. Особенно для Михаила, всячески опекавшего его. Как старший по возрасту, он видел в этом свое особое предназначение, правда, чувств не высказывал, но зачастую они прорывались сами собой.

Вот и сейчас, всклоченный от суеты, горестно вздыхавший от неминуемого расставания, Михаил выглядел столь подавленным, будто провожал батюшку на поле брани. И чуть не прослезился, когда около автовокзала Елисей напутствовал, осенив крестным знамением:

— Возвращайся домой с Богом!

Батюшка купил билет и, ожидая автобус, присел на лавочке рядом с Михаилом. Елисей не выделялся ни ростом, ни сложением, одет был почти по-зимнему: из-под выцветшей скуфьи выбивались прямые русые волосы до плеч, куртка нараспашку, а из-под черного подрясника, перетянутого ремнем с пряжкой, выглядывали новые кирзовые сапоги, подаренные недавно отставным военным. Много из вещей Елисей оставил Михаилу, но с солдатскими кирзачами не пожелал расстаться, зная, что они пригодятся на новом месте.

Они дожидались автобуса и не знали, о чем говорить в эти прощальные минуты. Пытались говорить о чем-то несущем, понимая, что это не те слова, какие нужны в этот момент, а нужные не находились.

Ковшов совершенно не знал, что его ждет, каким образом он сумеет наладить церковную жизнь в Свибле. Если восстановление храма будет идти, как и во Владыкине, то это свершится нескоро. Несколько полновесных лет придется провести в тяжком труде и беспрестанных заботах, прежде чем по-настоящему возгорится церковная жизнь. Но как бы ни было, какие бы труды и заботы ни одолевали, все надо принимать и переносить с верой в Бога, с возможностью служения Ему. С этой согревавшей мыслью он и отправился в путь.

Добравшись до области, Елисей нанял такси и поехал в епархиальное управле-

ние, где вскоре был принят митрополитом — достаточно молодым, подвижным, с мягкой улыбкой на сероглазом лице. В короткой беседе за чаем он поздравил с назначением, спросил, все ли дела переданы на прежнем месте, с каким настроением покидал его, есть ли какие вопросы по сути назначения. Елисей отвечал стандартно, почти односложно, понимая, что задаваемые вопросы — это проявление вежливости, ибо все вопросы были обговорены заранее.

Не выходя из управления, Елисей позвонил в свибловскую администрацию, представился и, договорившись о встрече, вернулся на автовокзал. На пути в Свиблу он воображал, представляя новое место, и невольно сравнивал с оставленным; опять вспомнилась матушка. Ему все еще не верилось, что он покинул ее, сохранив лишь в душе, и теперь будет связан с ней молитвами да воспоминанием о тех благостных годах, пролетевших, оказывается, как во сне.

2

Елисей вышел из автобуса на въезде в Свиблу, так как автобус оказался проходящим, и сразу попал в стихию, где хозяином был ветер, струившийся от реки, светлеющей вдали прихотливым изгибом, от заречных зеленых полей, убежавших за пределы речной долины. Спросив у шедшей женщины в длинной серой юбке и выгоревшей кофте о наличии в городе общественного транспорта, узнал от нее, что таковой отсутствует.

— Батюшка, да откуда же ему взяться-то, если начальники на машинах разъезжают, хотя, грешить не буду, и о нас думают — недавно такси запустили: за полтинник на любую улицу отвезут. Только мы пешком привыкли. Вы-то далеко путь держите? — спросила она, сняв с плеча лопату, хотя по всему было видно, что спешила по делам.

— В администрацию.

— Ой, вы, наверное, к нам присланы. Как же мы ждем вас! Благословите ради Христа! — Она подошла к Елисею, склонилась и поцеловала руку Елисею, когда он перекрестил ее.

— И что же, у вас тут все священника ждут?

— Не все, конечно, но многие, а некоторые так и с нетерпением. Вас, может, проводить? А то с вещами громоздко идти. Хотя сейчас вам такси вызову.

Женщина позвонила, сказала:

— К перекрестку, где автобусы останавливаются. Долго ждать?.. Хорошо, ждем! — И обратившись к Елисею, пояснила: — Через пять минут будет машина. Деньги-то у вас имеются?

— Уж пятьдесят-то рублей найду! — улыбнулся он. — Даже могу вас подвезти.

— Не, спасибо. Мне в другую сторону, под гору — одинокой бабушке надо парочку грядок вскопать да воды принести.

— Ну, с Богом! — напутствовал Елисей, но женщина уходить не собиралась.

— А мы тут гадаем, когда же, когда священника пришлют, а то приезжий коммерсант собирается выкупить здание клуба под склад! — доложила она, прицепившись, похоже, всерьез.

— Ну и пусть выкупает...

— Да как же — ведь это бывшая церковь.

— Тогда другое дело.

— Могу вас проводить... — женщина сняла и заново низко повязала белый платок, явно желая продолжить разговор, но вскоре подъехало такси, и, поблагодарив за помощь, Елисей отбыл в администрацию.

В дверях здания из силикатного кирпича он назвал себя охраннику, и тот, видимо, предупрежденный, указал на лестницу:

— Проходите на третий этаж. Вещи можете оставить у нас.

Елисей поднялся, секретарь — женщина далеко не юного возраста, но молодящаяся даже перед батюшкой — доложила о нем по внутренней связи и, наигранно улыбаясь, сказала:

— Проходите.

Ковшов открыл дверь, рядом с которой красовалась солидная табличка, представился Илье Леонидовичу — приветливому и круглолицему главе, на вид крепкому и уверенному в себе, но почему-то с беспокойно бегавшими глазами. Представившись, Елисей долго слушал лекцию по истории города, но ничего нового не узнал — все те же известные книжные истины, с примесью местного колорита. Окончив рассказ, глава администрации посчитал дело сделанным и предложил:

— А теперь, отец Елисей, получите ключи от храма у нашей управделами — это через две комнаты по коридору направо — и, как говорится, с Богом! Очень рад вашему прибытию, всегда поможем, чем можем. Так что не стесняйтесь — обращайтесь в любую минуту!

Получив ключи у черноглазой нарядной управделами, как значимо представил ее глава, Ковшов отправился из администрации на противоположную окраину, не столь, как оказалось, отдаленную. По пути Елисей ловил удивленные и значительные взгляды прохожих, кивал в ответ, зная, что кто-то из них будет его прихожанином, а может, и помощником.

У храма с наполовину усеченной надвратной колокольной он остановился. Положив вещи, обошел его вокруг, присматриваясь, заметил несколько пристроек явно не церковного назначения и, неожиданно для себя, остался доволен увиденным, вспомнив почти разрушенную владыкинскую церковь, которую пришлось восстанавливать пять лет. Эта же церковь выглядела совершенно по-иному. Можно сказать, повезло ей, если такое определение к растерзанному Божьему месту применимо, что долгие годы в ней размещался районный Дом культуры, и это ее спасло от основательного разрушения.

Перекрестившись на паперти, Елисей, отворив скрипнувшую под натиском ветра дверь, подумал: «Как же много ветра в Свибле. Ну что же, значит, не одинок я здесь, буду на первых порах с ним разговаривать». Приглядев место в углу, он сложил вещи и развернул на подвернувшихся стульях походный иконостас, достал флакон освященной воды. Прочитав молитвы из Требника по малому чину, окропил храм водой, прочитал молитву на освящение напрестольных облачений, и их окропил.

Сделав то, что должно было сделать, Ковшов отправился за покупками, потому что хочешь не хочешь, а после молитв именно с этих забот приходилось начинать новое послушание. В хозяйственном отделе универсама купил два ведра, пакет мелкой посуды, а в продовольственном — еды на самый первый случай. Вернувшись и наломав за храмом прошлогоднего бурьяна, батюшка связал из него веник, подмел облюбованный угол, потом принес от колонки ведро воды и вымыл пол тряпкой от какого-то лозунга. Из сваленных в кучу пыльных стульев отобрал несколько, привел их в порядок; среди стульев нашел раскладушку, чему очень обрадовался, и ее отмыл от пыли и оставил сбоку от паперти сушиться. После чего соорудил из стульев подобие обеденного стола и, сотворив молитву, перекусил тем, что Бог послал.

После обеда решил прогуляться по городу, зная, что он древний, со своей необычной историей. Выйдя на окраину, Елисей неожиданно оказался на высоченном холме, с которого открывался замечательный вид окрестностей. Из литературы он знал, что именно на этом холме стояла в древнем граде крепость, которую монгольский тумен одолел лишь за три дня. Центр княжества надолго потерял свое значение, но потом вновь отстроился, хотя и не осталось теперь архитектур-

ных напоминаний давнего периода. Лишь рельеф — изгиб реки справа и необычно холмистая котловина слева, да еще напротив холма возвышавшийся иной холм, наполовину оплывший и заросший понизу березами, — был немым свидетелем ушедших времен.

Он не заметил, как солнце начало скатываться к горизонту, а когда спохватился, то вернулся в храм, начал готовиться к вечерней молитве. Не успев по-настоящему и рта раскрыть, услышал непонятное шевеление и невнятный глухой голос, будто некий человек разговаривал на паперти сам с собой. Прервав молитву, Елисей выглянул из храма и увидел удалявшегося худосочного человека, уносящего раскладушку.

— Стой, мошенник! — попытался батюшка остановить его.

Тот замер, оглянулся, высветив на лице удивление, даже испуг, увидев бородастое незнакомое лицо.

— Ты кто? — спросил человек неуверенно, не скрывая удивления на загорелом лице. — Беглый, что ли, какой?!

— Я тебе укажу, какой я беглый! А ну положи кровать на место, не смей красть!

— Так ведь цветной металл — чего зазря валяется.

— Не тобой положено, да не тобой возьмется!

Батюшка поспешно подошел к несуну, а тот, увидев перед собой настоящего священника, опустил долу серые выцветшие глаза, говорившие о значительном возрасте.

— Простите, батюшка! — уважительно перешел мужчина на «вы». — Думал, бесхозная. Чего же пропадать. А так все прибавка к пенсии.

— Теперь не бесхозная, теперь она вновь послужит, а ты какой ловкий выискался. И на что она тебе, эта железяка?

— Известно на что. Килограмм дюралья сейчас стоит шестьдесят рэ, а в раскладушке его килограмма четыре будет. Вот и считайте!

— И часто сюда ходишь?

— Хватились. Не я один. По пятому-десятому заходу рыскаем, мелочь подбираем. А было время — машинами возили. А вы, значит, теперь батюшкой у нас будете?

— Да, получил послушание на восстановление храма. И буду рад, если и ты придешь на помощь, как и другие жители его места. И не только местные. Как зовут-то тебя?

— Николаем... А фамилия Зельцов.

— А я — раб Божий Елисей.

— Это хорошо, что Елисей — запомнить легко. И чего теперь делать будете?

— Сейчас вот молюсь, а с завтрашнего дня начну работу.

— Смешно говорите-то. Чего же вы один-то молитесь?

— А ты видел, если так говоришь?

— Да уж заглянул сейчас, чтобы удостовериться, не без этого. Поэтому и смешно.

— Это ты смешон, если не понимаешь простых вещей. Молюсь я Богу и служу ему, а если присоединишься, то и тебе, Николай, буду служить.

— В следующий раз. Некогда мне. Надо еще в одно место заглянуть. Там наверняка разживусь, а сюда, считай, попал случайно. Мимо шел. Еще удивился, когда увидел раскладушку: не было, и вдруг нарисовалась! Так что не сердитесь.

— Не сержусь. Приходи, — пригласил Елисей и продолжил молиться.

Зельцов так и ушел, до конца не высказав дальнейших планов. Но Елисей почему-то был уверен, что он вернется, когда вспоминал его удивленные глаза, словно увидевшие не священника, а инопланетного пришельца.

Пусть не сразу, но вернется.

То ли кому рассказал Николай о встрече, то ли вместе с майским теплым ветром прошел слух по городу, но на следующее утро к Елисею пришла делегация из трех женщин. Все они выглядели аскетично, все в строгих одеяниях, в темных платках. Говорила за всех одна.

— А я вас знаю! — улыбнулся Елисей, вспомнив вчерашнюю знакомую. — Вы мне такси вызывали. Мне вас Господь послал. Виноват, что не спросил тогда вашего имени. Меня зовут Елисеем, назначен в сей храм настоятелем, как вы поняли.

— А я — Варвара... Вот, батюшка, собрали что могли. Здесь картошечка вареная, яички, творог, лук зеленый и огурчики прошлогоднего урожая в банке. Все свойское.

— Спасибо, дорогие мои, ваши подарки и внимание придадут мне сил в совместном служении Господу Богу. Работы у нас намечается много, но ведь всем миром и не такое созидали. Так что, Варвара, — обратился Елисей к самой бойкой и по движению, и по взгляду зеленоватых глаз гостье, — для полного развития и устройства сего места нам предстоит создать православную общину числом как минимум в двадцать прихожан, избрать старосту, зарегистрировать соответствующим юридическим образом в органах местного самоуправления и в епархии. Вы знаете местных верующих, поговорите с ними, объясните это необходимое требование к началу церковных служб. Думаю, у вас получится, а ваши сестры помогут в этой заботе. А пока можно проводить работы по благоустройству и уборке храма.

— Мы согласные, батюшка, и готовы приступить. С чего начнем?

— С чего угодно. А пока помолимся, сейчас время утренней службы, и вы будете первыми прихожанами.

После молитвы женщины ушли, но через полчаса пришли, одетые попроще, и с собой привели двух новых женщин; одна из них принесла образ Николая Угодника, сразу занявшего место на временном иконостасе. Принесли также веники, ведра, ветошь — и сразу работа стала спориться. А какая перво-наперво работа? Мыть да скрести, скрести да мыть. Хотя от особенного усердия Елисей женщин отговаривал, зная, что вскоре здесь начнется стройка... Даже, скорее, не знал, а договаривался, потому что пока средств на стройку не было никаких. И неизвестно, когда они появятся, и от кого. Елисей хорошо помнил заключительные слова из беседы с митрополитом, когда на его просьбу о финансовой помощи для восстановления храма митрополит ответил сухо: «Бог поможет, отец Елисей!»

Еще тогда он решил, что будет, прежде всего, надеяться на Господа Бога, но и, конечно, на помощь прихожан. Без них никуда. И он радовался, глядя, как они старались. До обеда они обмахнули вениками паутину на стенах, насколько могли дотянуться, подмели и вымыли полы. Собственно, и делать-то более было нечего.

Когда помощницы разошлись, Елисей перекусил — еда показалась необыкновенно вкусной — немного отдохнул, повалившись на раскладушке, даже закрыл глаза от удовольствия, представляя, как все будет выглядеть здесь в скором или нескором времени. Но что это будет именно так, Елисей не сомневался. Ибо не было еще случая, чтобы с Божьего благословения дело не доводилось до конца. От мыслей, от фантазий он даже слегка вздремнул, но вскоре, всколыхнувшись ото сна, надел сапоги и, спросив в ближайшем к храму доме лестницу, было собрался разбирать кирпичную пристройку, в которой, по словам женщин, ранее находилась кинобудка. Но в последний момент передумал. Ведь с приездом рабочих им где-то надо будет жить. А в пристройке им самое место. Да и самому тоже надо

искать пристанище. Поэтому он убрался в пристройке и перенес туда вещи из храма.

Управившись, вроде бы собрался навестить благочинного, жившего и служившего в слободе за речкой Свиблой, но, подумав, решил не надоедать бесцельным визитом. Вот когда соберутся верующие да проведут собрание, когда будет готов протокол, тогда и можно будет побывать в гостях. А чтобы уж совсем не сидеть без дела, решил прибраться около храма.

Посбивав крапиву и лопухи около паперти и вокруг стен храма, Ковшов решил навести порядок в дорожной сумке, хотя бы на стульях разложить одеяния и немного их расправить. Пока занимался этим, зазвонил телефон. Посмотрел на экран — брат Федор звонит, что показалось необычным, потому что звонил он редко, как и Елисей ему.

— Сообщаю, что сегодня скончался отец, похороны послезавтра, так что приезжай. Будем ждать! — без предисловия, телеграфным стилем доложил Федор и спросил: — Ты сейчас где?

От ошарашившего известия Елисей почувствовал, как его всего затрясло.

— На новом месте — в Свибле, — ответил он дрожащим голосом. — А что с тобой случилось?

— Болел долго. Да тебе ведь недосуг позвонить нам.

— Не будем сейчас об этом. Ты же все знаешь.

— Знаю, знаю. А где находится твоя Свибла? Опять в какой-нибудь глухомани?

— В той же области, недалеко от прежнего места службы, но ближе к епархии. Дали послужные списки, выделено помещение здешнего храма.

— Всю жизнь, что ли, будут гонять?

— Я не думаю об этом и не обсуждаю.

— Ну, так что — ждать тебя?

— Обязательно!

Ответив еще на какие-то вопросы, Елисей отключил телефон и только в этот момент по-настоящему понял суть звонка брата, навсегда лишившего возможности всерьез поговорить с отцом — главным противником его служения Богу.

Наутро, после недолгих колебаний в выборе одежды, он оделся в священническое одеяние, от которого в последние годы многие служители отказывались в мирских поездках. Поэтому Елисей надел рясу, легкую куртку, хотя потеплело, и скую. Более всего ему хотелось предстать в церковном обличи перед родственниками, чтобы знали они, что не отступился он от своего замысла, не бросался словами на ветер, когда определял свою судьбу после института. Жалко только, что не успел поговорить с отцом по душам. Елисей не сомневался, что со временем тот обязательно понял бы его, перестал быть таким строгим. Хотя и его, бывшего парторга крупного предприятия, можно понять и не осуждать. Он, конечно, по-своему прав, не стал перевертышем, когда в стране началась перестройка, не выбросил, как некоторые, партийный билет, не стал его рвать прилюдно, а положил под стекло в шкафу вместе с наградами. Когда предприятие окончательно развалилось, пошел работать сторожем на автостоянке. И именно поэтому, считал он, имел право быть твердым в отношении сыновей, для которых сам определил путь, отправив учиться в строительный институт — сперва Федора, а потом и Елисея.

Старший брат успел окончить институт, когда в нем оказался Елисей, ставший с первого семестра примерным учеником. Лишь на втором курсе он сбавил рвение, и причиной тому явилось увлечение однокурсницей: на первом курсе приглядывался, а потом начал смотреть на нее совсем другими глазами. Провожал, дарил цветы, иногда приглашал в гости. Маша очень нравилась родителям, и они решили, что после третьего курса поженят их, но пока пусть проверят себя и свои чувства. Но проверять их не пришлось, когда Елисей узнал от друзей о «двулич-

ности» Марии, встречавшейся, оказывается, с другим студентом... Хорошая новость, сногсшибательная. Как такое пережить?!

Внешне Елисей перенес предательство спокойно, но в душе возненавидел весь женский пол. И когда дома спросили, почему не приходит в гости Маша, он за просто ответил: «Нет ее, умерла!» Его слова восприняли буквально и укорили: «И ты, бессовестный, так спокойно говоришь об этом?!» — «По-другому не умею!»

Именно с той поры Елисей задумался о религии, начал ходить в церковь неподалеку от института. Все после лекций разбегались по домам, а он стремился под сень храма. Познакомился с батюшкой, многое узнал от него, более или менее освоил церковную службу, даже надумал бросить институт и поступить в семинарию. Но сам же батюшка и отговорил, наставляя: «Во-первых, нельзя бросать начатого дела, а во-вторых, чтобы дать рекомендацию к поступлению, необходимо соискателю выучить немало молитв, изучить историю Православия и еще много чего, о чем обычный человек и не задумывается, даже если посещает храм. В религию надо войти душой, всем сердцем!»

Прошло несколько лет, и у Елисея было время убедиться в верности этих слов: и в годы учебы в семинарии, и в дальнейшем своем церковном послушании, начавшемся у него по-особенному. Все после учебы стремились остаться в Москве, и он имел к этому все основания, но напросился на послушание подальше от дома, зная, как к нему относится отец. Ведь жизни не даст, будет постоянно отравлять ее брюзжанием и поучениями, тем более что к концу учебы Елисей обвенчался с Еленой, получив благословение на брак и служение Церкви. И если он успел привкнучь к нелестному к себе обращению, то каково было бы его матушке, с которой он и единого дня не прожил у себя — пришлось снимать комнату, хотя родители, особенно мать, постоянно уговаривали быть разумным. А разумным Елисей стал только во Владыкине, куда прибыл по велению души и указу епархии.

4

Похороны прошли без отпевания в храме, как и завещал отец, но Елисей все-таки отслужил панихиду на его могиле, и это всем понравилось, было достойно памяти усопшего, и никто не вспоминал о его религиозной отчужденности.

После поминок, прошедших в кафе недалеко от дома на проспекте Мира, в котором жила семья Елисея, он вместе с Федором и его женой Ларисой, обитавшими теперь в другом районе, отправились на квартиру, чтобы не бросать мать одну хотя бы сегодня. Зашли, а говорить не о чем — слова пропали в этот скорбный день. Но и молчать — это уж совсем пагубно.

Елисей разговорился первым. Он и сам не ожидал такой словоохотливости, будто до этого кто-то незримо сдерживал его, а теперь пути с него упали. Как ни горько было признаться, но он понимал, что последние лет десять препятствием на пути к мечте служил родной отец, так и не захотевший понять сына, а он, Елисей, не успел ему раскрыть свою душу. Не хватало ни времени, ни повода, да и гордыня мучила, хотя он и не раз пытался избавиться от нее, неоднократно исповедуясь. Но нет, не получилось так, как желала его душа, не пришел тот радостный и счастливый час, когда бы он мог обняться с отцом, а потом долго говорить с ним, ничего не скрывая. Хотя он и без того ничего не скрывал, но и не откровенничал, и не потому, что не желал, — не имелось подходящего случая и подобающего настроения. Говорить же хотелось только в том случае, когда ждут разговора, а когда же избегают его — какой разговор. Иногда Елисею казалось, что отец никогда и не любил его по-настоящему. И пошло это, по рассказам матери, с рождения, когда она настояла наречь второго своего ребенка именем Елисей, то есть именем своего деда-священника, подвергшегося гонению в начале тридцатых, а

отец был категорически против такого имени. Мол, не пролетарское оно, нам барчуки в семье не нужны. И теперь получалось, что он так и ушел со своим искренним несогласием с тем, что делал Елисей, и никто и никогда теперь не переубедит его.

Перед тем как сесть за вечерний чай, Ольга Викторовна сказала младшему сыну, указав глазами на его одеяние:

— В квартире хотя бы переоделся, я и одежду твою сохранила. В шкафу слева висит.

Елисей молча переоделся и, остановившись в прихожей перед зеркалом, не узнал себя в мужчине, печально смотревшем на него. Когда-то он причесывался перед этим зеркалом, спеша на свидание, но теперь невольно взглянул совершенно по другому поводу, и сам себе не понравился. Зато Федор воодушевился:

— В клетчатой рубашке да в джинсах — совсем другой вид, — оценил старший брат. — Как прежний Еля!

Елисея частенько в семье называли уменьшительно-ласкательно Елей, поэтому он промолчал, не стал высказывать своего отношения к словам брата, прилично выпившего на поминках, словно сказал этим, что переоделся лишь из-за мамы.

Она же, убрав посуду, тихо сказала снохе:

— Пойдем, Лариса, ко мне в комнату, отдохнем. А ребята пусть поговорят, столько лет не виделись.

Действительно, поговорить было о чем. Старшему хотелось рассказать о своей проектно-строительной фирме, в которой недавно стал генеральным директором, а младшему вроде и похвалиться нечем. Да и мысли такой не имелось — бахвалиться. Поэтому они некоторое время говорили о погоде, о политике, а потом Федор неожиданно спросил:

— А что случилось с твоей женой?

Елисей вздохнул, словно раздумывал: отвечать на вопрос или промолчать, ведь начини он вспоминать — опять перед глазами всплывет тот ноябрьский дождливый день, когда он потерял и матушку свою, и младенца. Поэтому и молчал сперва, не зная, как сказать о том, о чем никогда особенно не распространялся. Федор заметил его сомнения, попросил:

— Если тяжело говорить, тогда и не говори — воздержись.

Елисей так бы и поступил, но не хотелось выглядеть перед братом чистоплюем, не уважающим чужих просьб. Даже наоборот: хотелось поговорить с ним откровенно обо всем, быть может, впервые за многие годы, в которые столько произошло событий, столько было дум передумано и столько их осталось недосказанных. Поэтому изрек смиренно:

— Так было Богу угодно.

— Другого ответа от тебя теперь трудно ожидать, но что все-таки произошло на самом деле?

— Я же говорил ранее, — обиженно ответил он и неожиданно пояснил: — Скончалась она при родах.

— В наше время странно такое слышать. Как же это могло произойти?

— Обыкновенно, как оказалось... — Елисей вздохнул и отвел взгляд.

— Ты так вздыхаешь, словно вся вина, если таковая была, лежит на тебе.

— Может, и не вся, а часть вины есть... Когда у Елены начались схватки, я позвонил местному фельдшеру — совсем молодой девчонке, а сам устранился... Не мужское это занятие вмешиваться в женские дела, сам понимаешь. Проходит час-другой, матушка диакона подключилась, у которой мы жили. Женщины о чем-то переговариваются в комнате, суетятся, а мы с диаконом отправились на службу. Но вскоре прибегает его матушка и сообщает, что, мол, роженицу надо в районную больницу везти — сама не разродится! «Чего же, — говорю, — вы ранее

думали с фельдшером?!» — «То и думали, — отвечает, — друг на друга надеялись, а, вижу, фельдшерница совсем неопытная — время упустили... Роженица ослабла, и как бы беды не случилось...» Тогда я понял, что зря на кого-то надеялся, надо было сразу доставить Лену в больницу, и тогда все было бы хорошо, а так... Повезли ее на машине, фельдшерница сопровождает. От села до райцентра двадцать километров, расстояние небольшое, тем более по асфальту, но вся беда, как оказалось, в том, что на полпути есть речка, а через нее низководный мост. Обычно-то речка воробью по колено, а после затяжных дождей разыгралась не на шутку — на метр поднялась над мостом. Для легковушки непреодолимая преграда — смоем потоком. Пока бегали и искали грузовик или лодку, Елена потеряла сознание. Вызвали «скорую» из района, машина быстро прибыла, да что толку, если медики на одном берегу, а мы на другом. В общем, пока то да се — Лена и упокоилась у меня на руках... Она затихла, а я боюсь слова произнести, думая, что она уснула.

— Да, история, — теперь и Федор вздохнул. — А где ее похоронили-то? Она ведь москвичка у тебя?!

— В том же селе, где служил. Родители хотели увезти ее в Москву, но я настоял, что со мной ей будет лучше. А, получается, зря настоял. Где теперь она, а где я. Позже пытался объяснить с ее родителями, а они со мной и разговаривать теперь не желают, считая меня во всем виноватым. И это при том, что они пока не знают, что меня перевели в другое благочиние. Надо бы позвонить им, как-то объясниться, сказать, что православный человек не может быть одиноким в горнем мире, если за него кто-то молится. А я молюсь за упокой ее души постоянно, и во Владыкине молятся. И за ее могилкой обещали ухаживать прихожане.

— Да уж, мир не без добрых людей. А родителям ее не звонишний раз. Придет время, вместе съездите на могилку и помиритесь. Они, думаю, поймут тебя. Машиной я обеспечу. Отвезут вас и привезут. Все как положено. Съездишь — и полегче станет. Ты ведь не бросил ее в душе, не отказался, так ведь?!

— О чем разговор. Будь моя воля, никогда бы из того села не уехал, но ведь, сам знаешь, я солдат Божий. Дали новое послушание — исполняй.

— На новом-то месте какие дела?

— Да никаких пока. Только на днях приехал. Храм не запущенный, а с чего начинать — головы не приложу, если средств нет, и где их взять — неизвестно.

— Но ведь на прежнем-то месте нашел!

— Нашел, но скольких мне это трудов стоило и времени, кто бы знал.

— Ладно, не переживай. На первых порах помогу.

Елисей недоверчиво посмотрел на брата:

— Ведь обращался ранее... Что ты говорил?

— Признаюсь — не помню. Но сейчас у меня другая должность и другие возможности. Да и престижно в наше время помогать церкви.

— Так ты ради престижа хочешь помочь?

— И ради этого тоже. Но главное — ты мой брат, к тому же младший, и мне сам Бог велит это сделать. И, поверь, не моя вина, что нехорошо ранее относился к тебе, богохульствовал, во многом на отца глядя. Так что вопрос будем считать решенным, и миллион у тебя есть. Хотя нет — немного меньше. Ведь скажи кому, что миллион перевел — сразу вопросы от учредителей, а до миллиона — не проблема для солидной компании. А с учредителями я это утрясу.

Елисей сдержанно улыбнулся:

— И часто приходится утрясать?

— Постоянно. И по многим вопросам. А ты разве не знал, что необходимо юлой крутиться, чтобы копейку заработать. Ладно, хватит об этом. Деньги ты получишь, но не на карман, а безналичным расчетом. Для этого тебе надо открыть счет в тво-

ей Свибле и сообщить мне реквизиты. А как сообщишь, то в течение двух-трех недель переведем. Почему не сразу? А потому что надо согласовать кое с кем, а то ведь люди могут не понять. Ведь случись в компании какая проблема, сразу же мне выскажут, а если не выскажут, то запомнят этот случай.

От всего услышанного Елисей чуть не прослезился, понимая, на что идет брат. Поэтому поднялся, обнял Федора:

— Спасибо, дорогой мой! От всех моих прихожан спасибо! Буду за тебя молиться до скончания своего века.

В этот момент в кухню заглянула высокая и стройная Лариса, на вид уставшая:

— Братцы-кролики, Ольга Викторовна легла отдыхать. Не пора ли нам, Федор, домой?! — спросила она.

— Пора не пора — иду со двора. Сейчас я к ней загляну, попрощаюсь.

Федор долго не появлялся, и Елисею хочешь не хочешь, а пришлось рассказать снохе все то, что рассказал брату, за исключением разговора о деньгах, разумеется. А то ведь можно что-то ляпнуть, не подумавши, и вся меценатская помощь потом будет только сниться. Когда же Федор вернулся от матери, то сказал брату, пряча заплаканные глаза:

— Нам надо собираться, а ты поживи несколько дней, не спеши в Свиблу, все равно ведь пока там дел особенных нет.

И Елисей не стал переубеждать брата.

5

Только четыре дня пробыл Елисей Ковшов в Москве, а перед выходными, когда брат обещал вывезти мать на дачу, спешно, словно его там сильно ждали, отправился в Свиблу. Пока добирался — вспоминал поездку, промелькнувшую словно во сне. И будто во сне виделись похороны отца, переживания матери, родственников. Он и сам переживал, вроде бы привыкший к похоронам и панихидам. Но то было связано с чужим людьми, он исполнял свою обязанность, исполнял отвлеченно, а тут горе касалось его самого, пока не до конца понимавшего своего теперешнего положения.

Добравшись до храма в Свибле тихим, погожим вечером, Елисей увидел, что около кинобудки копошится Николай — выковыривает ломом металлические решетки, которыми была уложена дорожка до будки, ставшие заметными, когда Елисей очистил дорожку от бурьяна.

— Я же говорил тебе, что красть — нехорошо! — укорил Елисей, указав на сложенные ржавые листы с дырами от заводской штамповки.

— Жалко, что ли?! Все равно ведь выбросите!

— Не жалко, нет, но надо сперва спрашивать! Давай-ка я приду к тебе во двор и начну что-нибудь отрывать и ломать себе на потребу! Тебе это понравится?

— Это совсем другой расклад. Частную собственность трогать нельзя!

— А здесь, значит, можно?! Может, я тоже пойду и сдам эти железяки, а деньги направлю на восстановление храма!

— Так я вам и поверил!

— Не пойду, конечно, но все равно брать без спросу стыдно. Разве непонятно?!

— Ну и ладно, тогда я пошел.

— Погоди. Забирай, если уж из-за собственной выгоды старался!

— Я-то чего. Это жена послала — что с нее взять. Ходила искать сбежавшего петуха — вот и увидела эти плиты.

— Вот что, Николай, если хочешь помогать общему делу — помогай, если нет — не надо. Найдутся хорошие люди, помогут. А зариться на общественное — это не-

порядка. И на жену все не перекладывай — это и вовсе недопустимо. Своя голова должна быть. Самому необходимо думать, прежде чем что-то затевать.

— Не обижайтесь, батюшка, я ведь с вами от души, откровенно. Нет так нет. И вопросов никаких. Ну, я тогда пойду, а то ужинать пора.

— Да уж забирай плиты-то, если наковырял.

— Нет, не буду — оговорили. Не буду.

Николай ушел явно обиженным, так и не взяв наковырянных железок, но Елисей не стал ничего более объяснять ему, тем более укорять. И без этого хватало забот.

На следующий день он открыл счет в банке, положив минимальную сумму из выделенных Федором на карманные расходы, попросил бланк с реквизитами и, сфотографировав их, выслал брату.

Днем позже через Варвару созвал будущих прихожан, разъяснил им суть собрания, рассказал о предполагаемой работе по восстановлению храма и пожелал быть примерными прихожанами. Когда выбрали старосту (конечно же, Варвару), составили заявление, то к нему приложили протокол, под которым появилось 28 подписей; радовало, что среди пришедших было пятеро мужчин, руки которых всегда пригодятся.

Когда протокол был составлен, Елисей предложил:

— А теперь, православные, давайте помолимся. Попросим у Господа нашего помощи в словных делах и укрепим свою веру.

Перед молитвой несколько слов сказала Варвара:

— Отец Елисей, все мы, кто сегодня собрался в нашем храме, несказанно радуемся такой возможности и просим принять материальную помощь на его восстановление. Пусть эти невеликие деньги по возможности обогатят наш храм и станут первым вкладом в общее дело.

— Спасибо, Варвара! Всем спасибо большое! — поблагодарил Елисей и каждого перекрестил, и все в ответ поцеловали его персты.

Когда прихожане разошлись, Варвара улучила момент и стыдливо доложила:

— Батюшка, хотя и не принято говорить о размерах помощи, но я должна сказать, что каждый из нас внес по тысяче, а бабушка Жаворонкова десять тысяч передала на общее дело. Только сама она не могла прийти — передвигается плохо, с «ходунками».

— Ну что же, передай ей особенную благодарность. А если она малоподвижная, то мы все за нее вдвойне отработаем. А пока мы с тобой расстанемся — побегу к чиновникам. Деваться некуда.

Расставшись с Варварой, имея на руках прошение на создание православной общины, Елисей чувствовал себя в этот момент самым счастливым человеком. Счастливым настолько, что будто в одночасье исполнил послушание и теперь был готов к новому. И что из того, что его возвышение чувств — лишь начало долгой и трудной работы. Что из того? Ведь теперь он не один, у него столько помощников — это его опора на долгое время, навсегда. У него есть брат, обещавший немислимую помощь, ожидание которой согревало Елисея, делало его уверенным в себе и началом деле.

Эта уверенность сохранилась при посещении благочинного отца Степана и районной администрации, где приняли заявление на регистрацию православной общины. И с этого момента для Елисея началась настоящая работа. Теперь на неопределенное время он, не забывая о своем основном предназначении, просто обязан стать строителем — ради чего и получил послушание.

Имея на руках старинный план храма, копии фотографий, которыми разжился в местном музее, Елисей знал, как он должен выглядеть, какая у него будет надвратная колокольня, какой купол. И пока не было крупной работы, начал за-

ниматься необходимой «мелочью»: позвонил на литейный завод, где отливали колокола для Владыкинской церкви, спросил, можно ли к ним обратиться при необходимости, и получил утвердительный ответ. Потом отправился по местным присутственным местам — подал заявку на подводку газа, электричества, воды. Везде с ним разговаривали радостно, тепло, спрашивая: «Вы теперь наш батюшка?» Он отвечал, что это так и есть, просил помощи в оформлении бумаг, и везде ему обещали не затягивать с рассмотрением его заявлений, хотя и предупреждали, что дело это нескорое, так как в некоторых случаях необходимо составить проект, согласовать во многих инстанциях.

Лишь в лесничестве отнеслись по-иному. Побеседовав с крупным, едва уместившимся за старинным столом лесничим, Елисей спросил, есть ли возможность приобрести четыре дубовых бревна для будущей звонницы, чтобы за несколько месяцев они могли хоть немного просохнуть.

— Оплачиваете — заготовим! — не особенно дружелюбно сказал мухортый, взъерошенный лесничий.

— Обязательно, но немного позднее, а сейчас пока средств нет.

— А мне зарплату рабочим нечем выплачивать, каждая копейка на учете. Как быть?

— Это небольшие, я полагаю, деньги. Важно время не упустить, — попытался разжалобить хозяина кабинета Елисей; он, конечно, помнил о деньгах, собранных прихожанами, но почему-то их не хотелось тратить без крайней необходимости.

— Вообще-то настоящий хозяин заготавливает строевой лес, когда у него наилучшая кондиция, а не так, как вы — не подумавши.

— Вы специалист, вам лучше знать, но у нас нет времени ждать зимы, ибо работа тогда неимоверно затянется из-за такой мелочи. Скажите, сможете ли помочь сейчас или еще раз к вам наведаться?

— Ладно, ради божьего дела, можно пойти на уступки. Только материал будете сами выбирать, чтобы потом нареканий не было. Оставьте номер телефона — позвоню в ближайшие дни, сообщу, когда можно будет подъехать.

Позвонил лесничий через неделю, когда Елисей уже знал, что деньги от брата перечислены (сообщили из банка), и отправился в лесничество с легкой душой и деньгами в кармане. Когда сказал лесничему, что готов оплатить расходы, тот сразу хитро заулыбался, словно уличил в обмане:

— А говорили, батюшка, что средств нет. Нашлись, значит, когда нужно. Теперь и разговор другой.

Оплатив в кассе стоимость древесины, не такую уж и большую, Елисей вернулся к лесничему и положил квитанцию на стол.

— Вот так и надо было сразу поступить, — укорил тот и, взяв мобильник, кому-то сказал: — Михалыч, сейчас к тебе придет батюшка — отпусти ему четыре дубчика. — Лесничий замаялся, покраснел от непонятливости того, с кем разговаривал: — Обыкновенный, говорю, батюшка, церковный! — Он вздохнул, извинительно глянул на Елисея: — До чего же народ непонятливый! Вам неплохо бы на делянку съездить самому, на месте отобрать нужный кругляк. А то ведь работягам абы чего навалить.

— Я доверяю.

— Нет-нет, что вы. Такого гнилья подкатят, что потом выбрать будет не из чего. Вы уж сами.

— Как же мне добраться до леса?

— Сейчас трактор с телегой направим на делянку. С ним же и вернетесь. Пойдемте!

Когда вышли во двор, лесничий окликнул:

— Серый, ты где?

— Здесь я, здесь! — из-за угла показался этот самый Серый, оказавшийся Сергеем. — Езжай с батюшкой к Михалычу, скажи, чтоб навалил самого лучшего дуба, а потом назад привезешь, к церкви.

— К старому клубу, что ли?

— Про старый клуб забудь. Теперь это церковь. Понял?

— Чего ж не понять, если священника прислали. Пошли! — Тракторист позвал за собой Елисея и бесцеремонно затолкал его в тесную и такую пыльную кабинку, что Елисею пришлось подворачивать полы подрясника.

На делянке Елисей оказался столь придирчивым, выбирая подходящие деревья, что, похоже, утомил даже «сухостойного» Михалыча, как он сам сказал о себе. Когда же деревья спилили, вырезали из них бревна необходимой длины, да с запасом, то трактором отволокли к телеге, погрузили, и Елисей распрощался с помощниками.

Вроде бы недолго занимались, а вернулись лишь к вечеру. Сергей, с которым Елисей подружился, пока мотались на делянку, помог сгрузить бревна, предварительно подложив под них захваченные из леса слеги. И не просто помог сбросить, где попало, а указал место в тени северной стены храма, подсказал, что бревна надо укрыть, а торцы обмазать глиной, чтобы они не трескались.

Тракторист вскоре уехал, а Елисей уселся на шероховатые бревна, которые, так уж случилось, оказались первым приобретением для *его* храма.

В тот же вечер созвонился с благочинным, напомнил о строителях, а тот дал ему номер телефона, сказал неопределенно:

— Появились ли на месте молдаване. Позвони им. Они завершают придел в сычевском храме, может, пока не определились, а то ведь они нахватают заказов, а потом тянут волокиту.

Елисей позвонил, хриплым голосом ему сказали, что ранее, чем через две недели, не смогут приступить к работе, но прежде, в любом случае, надо определить объем и стоимость работ. Так что завтра или послезавтра ждите в гости.

Действительно, через день на универсальной «Ниве» с местными номерами прибыл загорелый мужчина средних лет: сухой, жилистый, в меру высокий, слегка кучерявый. Выйдя к нему, Елисей поздоровался, назвал себя, и тот представился, сказал коротко и строго: «Геннадий». Мягкий говор выдавал в нем южанина.

— Пойдемте, осмотрим храм, — предложил Елисей.

Геннадий ходил следом за Елисеем и ничего не говорил, пока Елисей рассказывал о храме, словно торговец на базаре нахваливая товар:

— Работы, как видите, Геннадий, немного. Храм в хорошем состоянии, надо лишь восстановить надвратную колокольню, возвести купол и затвердить луковку с крестом.

— А крыша, а полы, а внутренняя отделка! — напоминал Геннадий, словно Елисей нарочно утаил объем работ.

— Это и понятно: как без крыши и полов. Да и две пристройки придется разбирать, где были сцена и кинобудка. Но кинобудку, думаю, будем ломать в последний момент, а пока в ней могут рабочие разместиться; да и я вместе со всеми буду жить.

— Стеснять же вас будем?

— Ничего страшного. Это — пока, а как разбогатею, жилье сниму.

Когда заговорили о цене работ, Елисей, зная примерную стоимость по владыкинскому храму, не поддался на заоблачную цену, объявленную Геннадием. Назвал свою, а тот сразу развернулся и направился к «Ниве».

— Погодите! — остановил Елисей. — Если уж рядиться, то рядиться по-настоящему: ни вам, как говорится, ни мне! Золотая середина!

Понимая, что цена все равно получается заманчивой, Геннадий, тем не менее, недовольно сморщился, вроде как безвыходно махнул рукой, соглашаясь:

— Ладно, годится! Всех денег не заработаешь, а Бога разгневаешь! Так что готовьте парочку КамАЗов кирпича, машину цемента, песка машин пять на первый случай. Дней через десять я позвоню и назову точную дату, когда прибудем.

— Договорились, буду ждать! — прощаясь, пожал Елисей гостью руку.

— Да, и еще, самое важное: привезите машину теса, можно самого простого, чтобы сколотить леса. Сами понимаете, с них любая стройка начинается.

Когда Геннадий уехал, Елисей взялся за подсчеты и сразу понял, что тех денег, какие у него были в распоряжении на данный момент, едва-едва хватит на стройматериалы, а чем расплачиваться за работу, неизвестно; но он не опечалился, зная, что обязательно придет помощь с той стороны, с какой не ждешь ее. Надо лишь быть терпеливым. И он позвонил лесничему, заказал машину теса, сказав при этом:

— Можно самого бросового. Оплата сразу и наличными!

— Это уж как водится у священников. У вас денег куры не клюют! — радостно отозвался лесничий, а Елисей словно увидел его наяву: толстого и по-женски хихикающего.

6

Как обещал Геннадий, так и сделал. Позвонил с небольшим, правда, опозданием и сказал после короткого приветствия:

— Ну, что, батюшка, наша договоренность остается в силе?

— Конечно.

— Материал заготовили?

— Как же без него.

— Тогда завтра ждите.

И действительно, на следующий день к обеду прибыла «Нива» с прицепом, нагруженная, как вьючная лошадь, тюками. Оказалось, в них матрасы и постельное белье, которые сразу отнесли в кинобудку, а два мешка с мелким инструментом, пилы, топоры — сложили в притворе храма рядом с мешками цемента. Четыре невысоких, но крепких мужиков все сделали быстро, без суеты. Пятым был Геннадий, сразу оглядевший заготовленный стройматериал.

— Тес — так себе, осиновый — чего деньги зря тратить. Кирпич вроде бы кондиционный, а песок-то слабоват — горный. Речного поблизости нет, а везти издалека — сами понимаете, — доложил Елисей.

Геннадий согласно закивал, мол, понятно, и спросил:

— А что у нас с кровлей? Чем думаете крыть: железом, шифером?

— Сейчас шифер, но надо железом крыть, как изначально.

— А что с полами? Ведь надо плитки много, и не простой, а художественной, чтобы делать — так уж делать! Правильно говорю?

— Ваша истина, но пока негусто с финансами, — без особенного энтузиазма согласился Елисей, а Геннадий заметил его настроение, подбодрил:

— Не переживайте, батюшка. Как говорят: глаза бояться, а руки делают. Все образуется. На первых порах нам много не надо, а если получим небольшой аванс, то и работать начнем, не думая о куске хлеба. Разберем большую пристройку и примемся за кладку. Как заделаем проем — займемся крышей. А потом, одновременно с кладкой колокольни, приступим к полам, внутренней отделке.

Елисею ничего не оставалось, как снять в этот день со счета остаток небольшой суммы, которая пока имелась, передать Геннадию — с чего-то надо было начинать. Помнится, на Владыкинскую церковь и таких средств первоначально не

было. А строители, получив деньги и поощедав, сразу принялись за работу — возведение лесов.

Ближе к вечеру, когда Елисей собирался сотворить молитву, появился Николай: был он небрит, всклокочен, чувствовалось, что чем-то расстроен. За плечом перевязанный шпагатом матрас. И сразу поставил перед фактом:

— Батюшка, я к вам навсегда! Хочу при храме служить!

— Порыв хороший, а как же семья?

— С семьей по обоюдному согласию полный разрыв — невыносимость характеров!

— Такие дела все не решают.

— Я серьезно все обдумал. Назад хода нет. На любую работу согласен.

— Это хорошо, что хочешь помочь храму. Будешь питаться совместно с нами.

— То есть бесплатно?!

— Вроде того.

— Ну и отлично. Хотя я пенсию получаю, могу и вам помочь, если... — Николай замаялся.

— Что «если»? — спросил Елисей, понимая, что тот имел в виду выпивку. — Если будешь пьянствовать, сквернословить, курить на территории храма, тогда тебе здесь не место.

— От всего откажусь, все брошу, только не прогоняйте — не могу смотреть на свою... — Николай картинно замаялся, пояснил: — Хотел крупно выругаться, да вы не велите!

— Не я тебе не велю, тебе Бог не велит, который все видит и знает, — вот о ком надо помнить. И помнить не за страх, а за совесть. Обмануть ты можешь кого угодно, но только не Всевышнего. Вот когда поймешь это, исповедаешься да примешь Святое причастие, тогда и вести себя и думать будешь по-иному.

— Чего тут непонятного, ясно, как в погожий день. Ну, так что, батюшка, берете к себе?

Настырность Николая, почти не скрываемая развязность не понравились Елисею, но и прогонять он не посмел человека, добровольно пришедшего на помощь.

— Оставайся, жить будешь вместе со всеми. Провинишься в чем — придется тогда расстаться.

— Ладно, согласен.

Через десять минут Николай уже вертелся рядом со строителями, которых сразу же начал учить, как ставить леса. Такое вмешательство им не понравилось, и Геннадий сказал Елисею:

— Батюшка, нам такой помощник не нужен. Найдите ему другую работу.

— Ваша правда, Геннадий! Есть и для него работенка — надо разобрать лестницу на колокольню, забитую фанерой и досками. Это самая для него работа — разбирать и ломать.

— В его годы мужик все должен уметь, если, конечно, не придуряется, чудака из себя не строит. Недельку-другую здесь поработает, изменится. Не он первый.

На следующий день Николай исповедался, причастился. О грехах своих он не стал распространяться, сказал лишь «грешен», что много «надрал» металла в пустующих усадьбах. Елисей не стал допытываться, где и когда это произошло, понимая, если уж он отстоял молитву, когда нужно и не нужно крестясь, значит, действительно жизнь пробрала мужика, хотя и неизвестно, что с ним далее будет. Но и не это главное. Главное, что сделал первый шаг, а за первым будет и следующий.

После утреннего чая Николай приступил к разборке прохода на колокольню. Тайнство обрядов явно его воодушевило, и работал он энергично, яростно отдирая листы фанеры, крепежный брус и сбрасывая все в притвор, поднимая при этом волны пыли. В какой-то момент, когда добрался до крыши, то поумерил рвение,

не зная, что делать, увидев нескольких голубят, испуганно таранившихся на человека, осмелившегося нарушить их уютную жизнь. Они заволновались от неизвестности, запищали, призывая родителей, метавшихся над крышей храма. Николай спустился в притвор, в задумчивости присел.

— Что с тобой? — спросил Елисей, заметив на лице Николая нерешительность.

— Со мной-то ничего, а под крышей птенцы Божии сидят... Чего с ними делать. Гнезда, что ли, разорять?! Грешно вроде как.

— Разорять не надо, а надо перенести птенцов в другое место. Они ведь ни в чем не виноваты.

— Если их в руки возьмешь, говорят, от них родители откажутся.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Не знаю. Кепкой их ведь не переловишь. Хотя придумал! — радостно воскликнул Николай и сразу же осекся.

— Договаривай, о чем хотел сказать...

— У внуки сачок есть. Им бы можно птенцов переловить, но мне дома нельзя появляться — жена в оборот возьмет.

— Но ведь так и так их надо переловить. Строители ждать не будут, когда птенцы встанут на крыло.

— Есть еще мысль. Сейчас схожу к соседу, возьму у него наметку, ею и накрою желторотиков... Хотя куда их потом девать, не годится такой вариант. Сделаем вот как: у одного из слуховых окон отгородим фанерой загончик, туда и поместим птенцов.

— Ну что же, действуй, — согласился Елисей и улыбнулся.

— Вы чего это, батюшка, лыбьтесь?

— Добрая у тебя душа Николай, но бесприютная, сама по себе. Разные вы с ней.

— Какой-то писатель сказал, что в человеке все должно быть прекрасным. Вы об этом, что ли?

— Об этом, об этом, — повторно улыбнулся Елисей. — Этого трудно достичь, но кто лишь пытается, то это уже достижение. А ты, по-моему, на верном пути. Вот еще о чем хотел спросить: ты кто по специальности? Вроде и не старый особенно, а уж на пенсии!

— Сварщик. Сварной, короче. У нас горячая сетка — с пятидесяти лет на пенсию можно уходить.

Елисей улыбнулся:

— Это хорошо, что сварщик, поможешь в случае чего?

— Без проблем: и автоген, и газовая сварка. Даже аргоном могу.

— Да ты бесценный человек для нашего храма!

Николай кивнул, принялся подбирать подходящие тесины, чтобы отгородить место для птенцов. Так увлекся, что не сразу заметил жену в пестром сарафане. Вернее сказать, услышал ее не по-женски скрипучий голос, показавшийся ему в этот момент особенно неприятным.

— Как вам не стыдно?! — укоряла она Елисея, будто фанеру царапала. — А еще батюшка! Зачем же вы человека из семьи сманили, если у него дел полно?!

— Успокойтесь, — негромко ответил Елисей, но Николай, затаившись, его хорошо слышал. — Никто его не сманивал, как вы выразились, а пришел он сюда добровольно, по зову сердца. И разве плохо, если он окажет помощь по восстановлению храма.

— Помог? Теперь пусть домой шкандыбают — огород поливать надо. У меня не десять рук, чтобы за всем уследить.

— Николай! — окликнул Елисей помощника, зная, где он находится. — Все слышал?

— Слышал-слышал, — отозвался тот, а вскоре и сам появился, выглянув из притвора и спросив у жены: — Ну что, добились своего?

— Представь себе!

— Возвращайся в семью, Николай, — смиренно сказал Елисей, не желая разжигать скандал и привлекать внимание прохожих. — Так будет лучше для всех! — и осенил его крестным знамением.

— Возвращусь, но сперва птенцам гнездо устрою новое.

Он еще, наверное, час возился на верхнем ярусе, а когда закончил, то послушно ушел, прихватив свой матрас. Геннадий, увидев это, сказал батюшке:

— Вот и хорошо. Через день-другой он сам бы сбежал. У таких людей только язык хорошо работает.

Елисей не стал ни оправдывать Николая, ни укорять.

7

Стройка незаметно, исподволь расширялась. Молва о ней неудержимо распространялась по округе, все чаще около храма появлялись любопытствующие. Во Владыкине все проходило тише, спокойнее, а в Свибле населения несравненно больше, да вдобавок приезжие — выходцы из этой местности. Прибудут на малую родину и, узнав о возрождении храма, обязательно посетят стройку. Большинство поглазеют и уезжают, а иные подойдут, поговорят и обязательно денежку оставят. Кто тысячу, кто пять, кто десять. Один, назвавшийся Василием, тысячу долларов отвалил, попытавшись незаметно сунуть купюры в руку, будто взятку давал, и попросил при этом, как приказал:

— Батюшка, неплохо бы потом табличку подобающую на храме установить, а на табличке — имена дарителей, в назидание, так сказать, потомкам.

— Спасибо вам, Василий, да пребудет с вами Божие благословение, но подобная акция не в наших правилах. А вот молиться за вас будем.

— А на Христе Спасителе в Москве памятная доска есть, многие имена указаны!

Хотел было Елисей сказать, что там и суммы от дарителей поступали другие, но даже и не в суммах дело, а в душевном порыве: хочешь — помоги храму, нет такого желания — укорять никто не будет. Поэтому не стал огорчать гостя, простил его суету, тем более что был он откровенен, и может, поэтому уехал слегка огорченным, будто опростоволосился. И это не очень-то понравилось Елисею. Ему бы радоваться оказанной помощи, но радости особенной не наблюдалось. Мысль о том, как в следующий раз поведет себя этот Василий, захочет ли вновь навестить Свиблу или навсегда останется обиженным, не проходила, даже более того — все разрасталась и разрасталась.

Спасибо Федору, позвонил, отвлек.

— Как ты, брат, в своей Свибле? Живой? — спросил таинственно.

— Живой-живой. Тржусь во славу Господа Бога!

— Это хорошо. А как с деньгами?

— Об этом лучше не спрашивать.

— Хочу обрадовать тебя. Говорил на днях с одним однокурсником, которому делаем проект, попросил его помочь тебе, снизив за это стоимость проекта. Много он не обещал, а полмиллиона отгрузит. Так что не вешай нос!

— Федь, не знаю, как и благодарить. Я ведь и без того каждый день молюсь за тебя, а теперь буду с особым усердием.

— Да ладно, Еля. Не для себя стараемся. Есть какие-то подвижки?

— Есть, много... Колокольню надстраиваем, проем в стене закладываем. Это сделаем — займемся крышей, да и о маковке над колокольней пора думать.

— Правильно! Если уж делать, то по-настоящему! Надо как-нибудь заехать, посмотреть на твои хоромы. Через месяц в соседней области объект новый будут сдавать, ну и меня, как гендиректора, пригласили на открытие. Так что, если это дело не сорвется, заскочу. Да, а ты по проекту работаешь, или на глазок?

— Какой проект! По старым чертежам, которые в архивах раскопал, да по фотографиям. По фотографиям даже нагляднее получается. Ведь храм-то сохранился неплохо, даже можно сказать — хорошо, из нового только колокольню надстроить да проем заделать. А в остальном — капитальный ремонт. Но и с ним возни много будет. Да плюс воду и газ надо подводить. Если уж делать, то делать по-современному.

— Молодец, действуй! Как деньги придут — сообщи.

— Обязательно!

Через неделю, когда деньги действительно перевели, по просьбе Геннадия Елисей заказал машину кирпичей, машину цемента. Деньги тратил разумно, помня, что вскоре предстояло расплачиваться с рабочими. Поэтому сам мог ограничиваться хлебом и чаем даже в непостные дни, и пошло это от тех дней, когда и копейки не валялось в кармане. Но никогда не унывал, зная, что будет новый день, а с ним обязательно что-то произойдет, придет помощь, откуда не ждешь. Все это время он посильно помогал рабочим, поднимая кирпичи на колокольню, по-старинному используя козлы. Геннадий всякий раз противился такой помощи, говорил, улыбаясь:

— Батюшка, не утруждайтесь. Не берите нашу работу на себя.

— А мне не в тягость, потому что работа у нас общая, да и не привык без дела сидеть. К тому же не просто помогаю, а заодно обдумываю, что далее ждет, какую именно работу надо подготавливать. Было бы финансов побольше, то все сразу бы заказал. А то воду нам подвели, а на газ средств пока не имеется. А ведь зима подберется, не заметишь как. Да и вы рано или поздно закончите работу и потребуете окончательный гонорар.

— Ну об этом пока чего говорить... Еще и половины не сделано. Вот когда заделаем проем, надстроим колокольню да крышу над ней, да подготовим маковку с крестом — вот тогда другой разговор будет. Да, а крышу-то какую будем ставить на колокольне?

— Какая и была когда-то — шатровую. Я же показывал фотографии.

— А как ее ладить будем?

— Можно по старинке из дерева, а можно сварную. А что, очень удобно. Сварим, обошьем тесом, покроем железом, маковку с крестом затвердим — останется лишь подогнать подходящий автокран и одним махом поставить крышу на место. Сейчас везде так делают!

— Надо только сварного подыскать! У нас есть один, но он неопытный.

— Не тужи, у меня тоже имеется.

— Из местных?

— Николай.

— Это тот, за которым жена гонялась? Что-то не верится, что от него можно чего-то дельного дожидаться.

— А я ему верю. Справки наводил. Он действительно работал сварщиком в «Сельхозтехнике». Я даже предварительно договорился на местном заводе, и нам помогут с оборудованием. Могут даже и сварного дать, но хочется почему-то именно Николая привлечь к этому делу. Ведь вижу, как он тянется к нашему храму, и душа у него добрая — вспомни, как он спасал птенцов, — но ему постоянно не хватает самой малости, чтобы устояться в жизни, почувствовать опору.

— Вам виднее. Только как бы конфуза не вышло из-за такого работника. Да и жена его работать не даст.

— Ну что же, Геннадий, не загадывая, будем решать проблемы по мере их поступления.

Они беседовали, сидя на бревнах в теньке, и Геннадий первым заметил полицейскую машину, остановившуюся в сторонке от храма.

— Это по наши души! — тревожно предположил бригадир.

— Чего вам переживать, если с документами у вас полный порядок.

— Не совсем. У самого молодого, который сварной, регистрации нет — не успели сделать. Ну, ладно, хочешь не хочешь, а надо выдвигаться навстречу.

А из машины тем временем выбрались двое полицейских: подтянутый лейтенант и слегка полноватый сержант с автоматом через плечо, остановились близ паперти, оглядывая храм. К ним подошел Елисей, поздоровался.

— Здравствуйте, батюшка! Широко размахнулись...

— С Божией помощью, — перекрестился Елисей.

— У вас тут и наемные рабочие, говорят, есть. Кто такие, откуда? Можно ли взглянуть на их документы?!

— Вот бригадир, — указал Елисей на Геннадия. — Он, думаю, вам ответит конкретнее. Из Молдовы они, регистрация есть.

— Ну и что можете предъявить? Покажите документы! — предложил лейтенант Геннадию, не обращая внимания на батюшку.

Геннадий ушел в храм и принес пять паспортов с одноглавым орлом на обложке, вздохнул:

— С документами все в порядке, только у одного нашего товарища нет пока регистрации — не успели оформить.

Пока лейтенант рассматривал документы, Елисей и Геннадий стояли тихо, напряженно, понимая, что у полицейского есть хороший повод проявить особое рвение.

— У четверых, действительно, все в порядке, не считая того обычного обстоятельства, что все они зарегистрированы по одному адресу; будем разбираться. А вот пятый — самый натуральный нарушитель. Так что если он не зарегистрируется, то выдворим, а пока возьмем его с собой в отделение для составления протокола, а остальные четверо могут работать.

Молодого, загорелого парнишку увезли, а Геннадий вздохнул:

— Теперь ко всем прицепятся. Так что, боюсь, отец Елисей, не дадут нам доработать. Вовремя вы вспомнили о Николае.

— Не унывай. Авось, не свои собственные хоромы строим, а для людей стараемся. Сейчас пойду в администрацию, постараюсь там этот вопрос уладить.

— Не помешало бы.

Направившись к главе, Елисей сказал себе для решимости: «Обещали помочь — пусть помогают!» В приемной Елисей просидел около часа. В кабинет главы администрации входили и выходили какие-то люди, а пожилая женщина-секретарь, по-нынешнему — офис-менеджер, всякий раз печально и устало говорила Елисею, обращаясь к нему почти безразлично:

— Подождите немного.

Все-таки дождалась, когда около секретаря тоненько зазвенел зуммер, и она указала Елисею на дверь:

— Проходите!

Глава администрации был так же круглолиц, как и в первый визит к нему Елисею, с такими же бегающими глазками, только теперь совсем не улыбочивый. Тем не менее, увидев Елисею, он заставил себя улыбнуться и пригласил за стол, сказал устало:

— Слушаю вас!

— Постараюсь надолго не отвлекать от дел насущных, но, если помните, не так

давно вы сказали, что всегда готовы помочь в деле восстановления храма... По-моему, такой момент настал.

— Что-то случилось? — торопливо спросил глава, словно давая понять, что не располагает временем, чтобы долго выслушивать Елисея.

— На храме работают пятеро. Четверо из них зарегистрированы. А пятый лишь недавно прибыл в нашу область и не имеет пока регистрации.

— Ну и в чем дело? Вы же создали общину, так пусть кто-нибудь из верующих зарегистрирует этого человека на время строительства. Ну не мне же искать подходящий вариант, — укорил глава.

— Спасибо за совет, Илья Леонидович! Так и поступим. Но у меня еще одна просьба. В скором времени нам понадобится подъемный кран большой мощности, чтобы установить над колокольней крышу с крестом — это могло бы значительно ускорить строительство. Поэтому не могли бы вы посоддействовать в этом вопросе? Желательно в порядке шефской помощи, а то с финансами у храма дела обстоят не лучшим образом.

— Поможем, почему — нет? Только скажите, когда понадобится техника.

— Важна не столько грузоподъемность, сколько длина стрелы... На электростанции такой кран имеется.

— Вот и прекрасно. Считайте, отец Елисей, что договоренность есть. Рады бы деньгами помочь, но нет такой у нас статьи расхода. А техникой — пожалуйста.

Глава поднялся из кресла, подал руку, давая понять, что разговор окончен, а Елисей расстался с ним с легкой душой. Он и возвращался из администрации с той же легкостью, какая бывает у человека, когда у него все складывается, когда исполняются все его просьбы к Господу Богу.

8

Но как хорошо ни складывались дела в отдельные моменты, в отдельно взятом кабинете, на душе Елисея было все-таки тревожно от общей неизвестности. Он понимал, что решать вопросы надо по мере их поступления, но и без плана не обойтись, хотя и без него ясно, что до начала осенних дождей и холодов необходимо подвести в храм газ, наладить систему отопления, потому что без отопления нечего думать об отделочных работах. Но легко сказать — подвести газ. Попробуй, добейся от районной компании какого-то особенного отношения к себе. У них тоже план, а сверх плана — частники, дачники, и все чего-то хотят и просят. Но нужно было и поспешать. Ведь минула середина лета, времени ушло со дня приезда в Свиблу уйма, а сделано-то пока мало. Хотя, если посмотреть издали, то видно, что над колокольней возвысились леса, а по новой кладке можно было судить о движении в делах.

Возвращаясь из администрации, Елисей присел у чьего-то дома на лавочку, издали посмотрел на храм, на мелькавших рабочих и на минуту забыл, что деньги на его счету тают с невероятной скоростью, а дел и трат скопилось столько, что сразу все и представить невозможно. Это всегда тяготило, но в последние дни особенно, потому что более у него язык не повернется позвонить Федору и спросить новую сумму. Эх, побыстрее бы закончилась эта стройка!

Однако сколько не размышляй и не наблюдай за работой других, но надо и самому что-то делать. Тут он очень кстати увидел Варвару, относившую обед рабочим, окликнул ее, рассказал о разговоре с главой и попросил зарегистрировать рабочего, чтобы у того появилась возможность спокойно работать.

Старосту не пришлось долго убеждать, она, похоже, даже обрадовалась просьбе, хотя и оговорила условие:

— Батюшка, как скажете, так и сделаю, но я согласна только на временную регистрацию нашего рабочего, а то сыновья узнают — со свету сживут!

— Более и не требуется никакой.

— А у вас-то, батюшка, есть регистрация эта самая? — поинтересовалась староста. — А то я и вас заодно оформила бы!

Елисей улыбнулся, вспомнив, что он по-прежнему прописан или, как теперь говорят, зарегистрирован в родительской квартире. Но, слава Богу, полицейские пока не теребят. Видимо, из скромности, а скорее — из уважения.

Поговорив с Варварой, Елисей отправился к храму, где, увидев Геннадия, порадовал его:

— Можно теперь не переживать... Зарегистрируют вашего рабочего, надо только будет узнать приемные дни и упредить старосту.

— Это хорошо, — улыбнулся бригадир. — Меньше отвлекать будут, — и добавил: — Вас тут какой-то серьезный человек искал, хотел поговорить. Все ходил вокруг храма, что-то высматривал. А сейчас пока отъехал на холм, посмотреть окрестности.

— Ну что же, если высматривал, значит, чем-то заинтересовался.

— Да вот и они! — указал Геннадий на подъезжающий джип.

Строитель ушел, а Елисей задержался, разглядывая появившегося из машины гостя. Подойдя, тот первым по-хозяйски спросил:

— Вы настоятель нашего храма?

— Он и есть — отец Елисей, — представился Елисей, исподволь разглядывая собеседника.

— А я — Алексей Павлович Старов, предприниматель. Очень рад видеть вас в нашем городе, очень рад, что идет восстановление храма. Сперва-то не верилось, когда узнал из Интернета, а оказалось, что так и есть. Сейчас и сам вижу, что есть некоторые сдвиги: от одной пристройки избавились, надвратную колокольню воздвигаете. Что же у вас, и колокола наготове имеются?

— Чего пока нет, того нет. Будем заказывать, когда появятся средства.

— Я почему заговорил о колоколах? Дело в том, что мой прадед служил в этом храме звонарем, еще до Октябрьской революции. По рассказам, звонарь был знатный. В двадцатые годы прадеда куда-то увезли из Свиблы — и с концами. Но все это, сами понимаете, в далеком прошлом, которое почему-то с каждым годом все более привлекает и завораживает. По молодости я не интересовался историей, в Свибле бывал редко. Поэтому и корю себя: «Где же ты, милоч, — как говорил дед, — раньше-то был, где тебя носило?!» Хотя сам-то я не приучен к церковным порядкам и правилам, но в душе всегда тянулся к религии. Поэтому прошу Вас принять от меня помощь на восстановление храма. Хочу отлить колокола для звонницы, коли уж у меня прадед был по этой части. Пусть продолжится, если уж не династия, то традиция...

— Об этом можно лишь мечтать! — сказал Елисей и позвал бригадира: — Геннадий, подойди, пожалуйста. — Когда тот подошел, пояснил: — Вот познакомься — Алексей Павлович! Хочет узнать размеры проемов колокольни и переводин. Измерь, пожалуйста!

Они пожали друг другу руку, а Геннадий сказал:

— Я и так знаю, сейчас запишу и нарисую.

Он достал широкую замусоленную тетрадку, что-то записал в ней, нарисовал схему, обозначил размеры и вырвал листок, отдал гостю:

— Готово! Более я не нужен?

— Спасибо! Нам остается обменяться номерами телефонов и надеяться на все самое наилучшее! — подвел итог Алексей Павлович и вдруг спросил у Елисея: — А звонарь-то у вас есть на примете?

— Вот с этим проблема. Пока нет такого человека. Надеюсь, что со временем обретем.

— Такой вариант не годится. А то получится: храм восстановите, а звонаря нет?! Предлагаю вот что: есть такое компьютерное устройство, способное управлять колоколами. В памяти у него будет несколько вариантов звона, надо лишь знать, какой именно нужен в том или ином случае, а остальное все сделает техника. Понимаю, что она не заменит живого человека, но это все-таки лучше, чем ничего.

— Об этом можно только мечтать.

Гость склонился перед батюшкой, немного картинно поцеловал руку Елисея и негромко сказал:

— С вашего позволения мы отбудем?

— Езжайте с Богом! — Елисей осенил гостей крестным знамением и долго потом смотрел вслед джипу, так по-настоящему и не узнав этого человека по фамилии Старов, с таким усердием предлагавшего помощь. После его отъезда, Елисей думал о том, что же движет людьми в те моменты, когда в них просыпается желание помочь общему делу? Наверное, такое дело нельзя назвать одним словом и обозначить каким-то единственным определением. Все они разные, но служат единому промыслу. Вот что главное.

9

В одну из ночей Елисею приснилась Елена. Давно она не снилась, а тут как живая предстала, задумчиво посмотрела в глаза и спросила так жалобно, с такой обидой в голосе, что сердце сжалось от ее слов: «Что же вы, мой батюшка, редко вспоминаете и молитесь за меня и наше чадушко?.. Зябко мне, душа смерзлась, плачу бесконечно...» От ее слов, взгляда, упоминания о неродившемся ребенке, Елисей почувствовал себя безмерно виноватым и не знал, что сказать матушке, как разделить с ней общее горе, почему-то выбравшее именно их, много лет ждавших ангельскую душку и не уберечьших ее. Что может быть горше от сознания такой несправедливости, накрывшей беспощадно, словно они чем-то провинились. Нет у них прямой вины, не злодеи они были своему ребенку, а произошла трагедия по недосмотру, по стечению обстоятельств. Поэтому и сказал Елене смиренно: «Винить некого, дорогая матушка, на все воля Господа нашего. Настанет время, и я обязательно навещу вас, приду с поклоном и молитвой...»

Елисей от своих слов проснулся, словно услышав их со стороны, невольно пожегся то ли от сна, то ли от ночной августовской свежести, пришедшей после второго Спаса. Стараясь не разбудить рабочих, он осторожно выбрался из пристройки и вошел в храм, где, сняв запыленное покрывало с иконостаса, долго молился за всех живых и усопших, а после вышел, осмотрел храм снаружи, словно он мог за ночь измениться.

Было приятно смотреть на новую крышу, почти готовую надвратную колокольню — покамест без креста, но с вполне четким абрисом. С надвратной крышей, конечно, произошла заминка. Были бы средства, давно бы она красовалась, венчая храм золоченой маковкой, но лишь к сегодняшнему дню скопилась приличная сумма, которая позволила продолжить работу.

Он смотрел на потемневшие от времени стены красного кирпича, на аккуратную кладку прежних мастеров и думал о давно живших свибловчанах. Кто-то из них чаще ходил в храм, под сень этих стен, кто-то реже, а кто и вовсе был безбожным. Ведь невозможно во всем походить друг на друга. Но те, кто приходил сюда, каждый со своими мыслями, чувствами и заботами, составлял единое общее: одинаково молился, одинаково думал о Всевышнем, прося у него защиту и благословение. Погруженный в свои мысли, Елисей мог бы долго так стоять, но услышал шевеление в пристройке, вернулся из прошлого ко дню сегодняшнему.

После завтрака Елисей, помня разговор с Зельцовым, отправился на соседнюю улицу, где тот жил в частном доме.

Жена Николая встретила его неприветливо.

— Опять вы, батюшка! — женщина картинно прихлопнула руками по крутым бокам. — Я же сказала: у него дома работы полно! А вы все ходите!

— Николая могу увидеть? — спросил Елисей. — Говорят, он сварщик прекрасный. На него вся надежда. К тому же не бесплатно.

— Так бы сразу и сказали, — вмиг заулыбалась женщина и позвала мужа: — Коленька, ты где? С тобой поговорить хотят!

Заспанный Николай будто ждал команды и тотчас выглянул из веранды, поздоровался, представил жену, будто Елисей видел ее впервые.

— Это — Елизавета... Вы особенно не слушайте ее.

— Помолчал бы... И сколько же заплатите?

Николай же сразу нахмурился:

— Не обращайтесь внимания, — попросил он и, когда пошли к храму, добавил торопливо, словно она могла услышать: — Все до копейки всегда выгребает, но в этот раз мы еще посмотрим, кто кого!

У храма их встретил Геннадий, поприветствовал:

— Утро доброе! Спозаранку, значит, производственное совещание?!

— Доброе-доброе, спаси Христос! Сегодня надо ехать за сваркой, вот маракуем с Николаем насчет крыши над колокольней. Нужны точные размеры, будем варить каркас.

— Сварить несложно. Главное, как установить всю конструкцию на место!

— Из своего опыта могу сказать, что шатер крыши собирается на земле, потом к нему приваривают крюк, за который цепляют всю конструкцию и автокраном осторожно устанавливают. Когда крыша встанет на место, то петля троса сама соскочит. Работа, конечно, тонкая, можно сказать ювелирная, но для опытного крановщика вполне выполнимая, — разъяснил Елисей.

— Но для этого нужен автокран подходящий.

— С этим проблем не будет — обещали помочь. Так что, Геннадий, поедем на завод и привезем металл, баллоны с кислородом и ацетиленом, прочее.

— А машина-то будет грузовая?

— Как же без нее. В нее загрузим и привезем. А тут уж Николай пусть распоряжается.

Быстро собрались и, прихватив еще одного рабочего, поехали за аппаратом. На складе завода руководил Николай. Он сам отбирал уголки, профиль. Прежде чем выдать ему баллоны, заведующий поинтересовался, есть ли у Николая удостоверение сварщика и допуск на газосварочные работы.

— Я что, порядков не знаю?! — деланно возмутился Николай. — К моим документам самый мелкий комар носа не подточит. Да и какое ваше дело.

— Все равно проверить надо, — настоял тот и сразу же усомнился, взяв «корочки» Николая. — У вас здесь как будто месяц подделан? — подозрительно и выжидающе взглянул завскладом на Зельцова.

— Как это подделан? Это страничка замялась, разве не видно. У меня еще два месяца в запасе!

— Ладно-ладно, сварной, не ерепенься, — быстро пошел дядечка на попятную, понимая, что ничего ему не выгорит.

Вскоре они отобрали и загрузили нужный металл (Елисея не подпустили к этой работе), подняли в кузов баллоны, шланги. Завскладом составил список погруженного, Елисей расписался, и отбыли с ценным указанием от дядечки:

— Долго-то не держите оборудование. Не вы одни с протянутой рукой ходите. — Он еще что-то говорил, но никто не слушал его, понимая, как он разочаро-

ван, оттого что оборудование пришлось отдать по звонку начальства «за так» — без магарыча.

По дороге рабочие подшучивали над ретивым завскладом, а у Елисея не выходила из головы приснившаяся накануне Елена. Как же он мало уделял ей внимания, как же долго и почти мучительно они привыкали один к другому в самом начале знакомства. Он, конечно, ничего не говорил, что каждое ее слово, взгляд ставил под сомнение, частенько переспрашивал о чем-то, проверяя ее, помня свои отношения с Марией. Он и домой ее привел показать лишь перед самым венчанием, когда уже для себя они все решили, и оставалось лишь известить родителей, получить у них благословение. Мать благословила, а отец и думать о венчании сына не желал. Но это уж его дело. Хотя, конечно, было обидно. Догадывалась ли Елена о его тогдашнем отношении? Наверное, да. Но никогда при этом не укоряла, не попрекала и единым словом. Даже намека не делала. И все шесть лет, прожитых совместно, они не могли наговориться и друг другом нарадоваться.

Теперь же лишь оставалось вздохнуть и молиться за нее.

10

На следующий день Елисей собрался в Москву, вернее в подмосковное Софрино, где находятся церковные мастерские, чтобы закупить либо сусальное золото для луковки шатра, либо готовую луковку с крестом. Геннадия сказал, что отправился посмотреть и прицениться к утвари. И это походило на правду, ведь для храма когда-никогда, но придется ее приобретать. Правда, не сейчас. Нынче главное — позолота и крест. Но об этом нет необходимости распространяться, чтобы не распалать воображение лихих людей. А то ведь был на памяти свежий случай, когда отправился некий священник за сусальным золотом, а когда возвращался, на него напали и отобрали золото, и самого порешили. А что такое сусальное золото? Это тончайшая фольга, хотя, конечно, и она денег стоит. Но сколько же надо этих лепестков, чтобы заткнуть чью-то алчную душу?!

Из экспресса Елисей позвонил маме, брату, коротко сказал, что едет в столицу (хотел было сказать, что едет домой, но так и не осмелился произнести это слово), а те сразу воодушевились:

— Обязательно заезжай, хоть ночку переночуешь!

— А ты разве не на даче?

— Была, а сейчас приболела, вернулась, по врачам хожу.

И Елисей не выдержал, поддался просьбе матери, которую сразу захотелось увидеть, поговорить с ней, зная, как тяжело ей оставаться одной. Тем более больной. Он понимал, что совсем мало прежде уделял внимания родителям; даже и тогда, когда жил с ними, не говоря уж о том, когда уехал из Москвы. Конечно, отношения с отцом играли не самую последнюю роль. Чего уж хорошего, выслушивать постоянные упреки, мол, столько вложили в тебя, а ты все забыл, не оценил должным образом. В общем, известная песня. С мамой у Елисея было совсем по-другому. Она разумно соблюдала нейтралитет, Елисей это видел, понимал и радовался ее сдержанности. Поэтому сейчас всей душой он стремился воспользоваться случаем пообщаться, как поступил бы каждый любящий сын.

Он ожидал услышать при встрече, что угодно, но только не такое трагическое восклицание:

— Сынок, как же ты исхудал-то?! На тебе лица нет, одна бородка да глаза!

— Ну, хоть что-то осталось, — улыбнулся Елисей, обнимая и целуя мать.

— Пока ты добирался, сварила твоего любимого борща на мозговой косточке, — говорила она.

Елисей не особенно уважительно перебил:

— Хоть на мозговой, хоть на какой, но мне нельзя скоромное — Успенский пост, мама! Поэтому от картошечки отварной без масла, но с огурчиками да помидорчиками я бы не отказался. Ну и чайку потом можно отведать. Да, кстати, я прихватил несколько пакетиков с травами. Можно с ними чаю заварить, — развязывая рюкзак, порадовал Елисей. — Здесь и смородина, и мята, и чабрец, и луговая клубника. Если все вместе заварить — букет невообразимый... Правда, чабреца нужно совсем немного, иначе его эфирными маслами можно испортить всю заварку.

Ольга Викторовна лишь вздохнула, сказала заботливо, как малому ребенку:

— Ладно, иди в ванну с дороги, а я отварю картошку.

— В охотку от души поплецусь, мамуль, хотя мы постоянно купаемся в Свибле.

— Что это такое — Свибла?!

— Речка так называется — спокойная и уютная. Я же говорил. Хоть вдоль плавай, хоть поперек — в любую сторону сплошное удовольствие. Особенно в жару.

Пока Елисей плескался, картошка сварилась, а как вышел он из ванной, то сразу — к столу. Только уселся — звонок. Ольга Викторовна выслушала и отдала трубку сыну:

— Федя!

— Ты что же, Еля, маман не слушаешься, от борща отказываешься?! — сразу укорил тот.

— Я же маме сказал: это не обсуждается.

— Ладно-ладно... Какие планы на завтра.

— В Софрино утром собираюсь. Крест на храм надо либо купить, либо заказать.

— А повезешь на чем, если вдруг готовый будет?

— Не знаю...

— Плохо, что не знаешь. Давай договоримся так: утром к дому подъедет грузовая «Газель». Отправишься на ней по своим делам. Езжай хоть в Софрино, хоть в Свиблу. Понял?

— Понял. А сам-то ты приедешь? А то у меня кое в чем трудности имеются.

— Если с деньгами, то завтра утром заскочу, немного подкину. Надо бы сейчас подъехать, но вечером ждем заграничную делегацию. Так что сегодня не могу. Да и вам лучше — спокойно поговорите.

Елисей вздохнул:

— Спасибо, брат!

— Спасибо потом будешь говорить. Завтра часов в восемь жди.

— Не приедет сегодня? — спросила Ольга Викторовна. — Совсем меня забыл!

— Завтра утром обещал заскочить.

— Ну, хоть завтра... Ты-то побудь со мной хотя бы денек-другой, а то совсем мать бросили.

— Побуду, мама, побуду — весь вечер в нашем распоряжении.

Но говорили они недолго. Помолившись на ночь, Елисей стал засыпать на ходу. Мать это заметила, но не укорила:

— Ладно уж, иди, отдыхай.

И Елисей не стал противиться.

Он улегся в малой комнате, в которой когда-то обитали вдвоем с Федором. Потом, когда он женился, Елисея переселили в большую комнату. А позже Федор разбогател, купил трехкомнатную квартиру и переехал, но Елисей этого переселения уже не застал, так как обретался во Владыкине. Знал только, что у Федора родилась дочь, что жена привезла из провинции на помощь свою мать — сидеть с дочкой. Они тогда отдалились, и в редкие приезды Елисей их почти не видел. Лишь

в этом году, да и то из-за кончины отца, встречи и звонки участились. И Елисей желал, чтобы опять у них все было бы по-прежнему, чтобы они вновь стали дружными братьями, пусть даже с приличной разницей в возрасте. Ведь сколько себя помнил Елисей, никогда Федор не обижал его всерьез, не подтрунивал, ну, если только когда брат поступил в семинарию, да и то под влиянием отца. А в детстве — нет, даже защищал при случае. Да, мог вклеить затрептину, подразнить, но всегда делился объединявшими мальчишескими тайнами. А их хватало, особенно весной и осенью, когда частенько бывали на Лосином острове. А что: всего несколько остановок на автобусе — и ты в настоящем лесу. Ездили не одни, а с ватагой дворовых мальчишек, и устраивали игры — чаще всего играли в казаков-разбойников. Однажды нашли хромое ежа и привезли домой. Нескільки недель он жил у них, несмотря на ворчанье отца. Хромать почти перестал, а когда пришло время летних каникул и братьям предстояло ехать в оздоровительные лагеря, они все-таки выпустили ежа на волю. Елисей до сих пор помнил, как живо ежик выскочил из коробки и замер, увидев перед собой лесные заросли, но, недолго раздумывая, засеменял на коротких лапках, путаясь в траве, скрылся. Федор потом до самого дома успокаивал расплакавшегося Елю, для которого тогда это была первая большая потеря в жизни. Лишь позже он понял, что нельзя держать в неволе диких животных — это все равно, что заточить человека в тесную клетку... Под это воспоминание Елисей и заснул, а проснулся совсем рано и начал молиться, зная, что потом весь день проведет в суете, пусть и приятной.

Федор появился неожиданно рано, еще до приезда «Газели». Он позавтракал яичницей с ветчиной, выпил кофе, посмотрел, как Елисей ограничился ломтем хлеба и чаем, но ничего не стал ему говорить на эту тему — знал, что бесполезно. После завтрака, улучив момент, коротко переговорили, когда Ольга Викторовна вышла из кухни. Говорил, правда, только Федор:

— Вот, возьми, здесь пятьсот, но учти: эти деньги последние — более от меня не будет. А то, видимо, жене кто-то наплел, и она все чаще стала спрашивать, мол, на что брат строит церковь?! Я ей всякий раз говорю, чтобы она сама у тебя спросила, но, понятно, не спросит, а все подозрение мне достанется. Вот поэтому сегодня и не сказал, что поехал на встречу с тобой, а все свалил на иностранцев. Но, думаю, в любом случае, у тебя на меня обиды быть не может. К тому же я помогал от чистого сердца. Теперь свою миссию выполнил. Если тебе придется восстанавливать или строить еще одну церковь, то на меня не рассчитывай. Сразу говорю, чтобы потом не упрекал! А то твое начальство подумает, что у иерея Елисея необыкновенные способности строителя, к тому же и первое образование соответствующее, дескать, ему на роду написано быть созидателем.

— Федя, во-первых, никакой обиды быть не может. Спасибо тебе безмерное за помощь свибловским прихожанам, без тебя что бы я делал, а, во-вторых, ты же знаешь, что я не волен определять свою судьбу — все во власти Господа нашего! — Елисей поднялся со стула, обнял брата.

— Да ладно. Мне бы твое упорство. Сейчас посмотрел на твой завтрак и понял, что тебя ничем не сломить. Все бы люди были такими!

После подобных признаний и говорить-то стало не о чем. Федор созвонился с водителем «Газели», который уже подъезжал, и они вышли на улицу. Когда же подкатила «Газель», брат объяснил шоферу, что сегодня он поступает в полное распоряжение батюшки, во всем слушается его, подчиняется и оказывает всемерную поддержку. Попрощался, крепко пожав руки:

— Надеюсь, скучно вам не будет!

Расстались вроде бы с хорошим настроением, но водитель оказался чрезмерно замкнутым и разговора не поддерживал: либо оказался таким от природы, либо был сердит от предстоящего дальнего пути в Свиблу. Елисей сперва хотел ему

объяснить, что вместе они делают богоугодное дело, что они — единомышленники, но не стал досаждать рассуждениями человеку, не желавшему их слышать.

Поэтому почти молча доехали до Софрина, где главным, конечно же, оказалось приобретение купола с крестом, сияющим золотом. Хотя это и дороже, нежели варить купол самим и покрывать его сусальным золотом, но у Елисея не было особой надежды на то, что строители смогут качественно покрыть купол, а Николай выполнит работу тщательно и вовремя. Что это так, Елисей убедился еще днем, когда созванивался с Геннадием и уточнял размеры купола и посадочного места. Спросил о Николае, а тот, оказывается, весь день что-то чертил и чертил в школьной тетрадке, как заправский чертежник, но пока не приступал к настоящей работе. Значит, либо очень ответственно отнесся к заданию, либо не очень-то опытен. В общем, так и сяк могло обернуться дело. Единственное, что радовало — что задания не бросил. Но в любом случае, его услуги теперь были не нужны, об этом и сказал Геннадию, чем очень воодушевил его.

Поздним вечером Елисей вернулся в Свиблу, он чувствовал себя победителем. Да и как иначе, если в кузове грузовичка лежал аналой, два подсвечника, а в отдельной коробке утварь. Но более всего радовало прибытие в храм упакованного купола с крестом. Радовало и то, что оставалась значительная сумма для расчета со строителями. В ближайшее время можно было начинать внутреннюю отделку храма. А если предприниматель Старов сдержит слово и доставит колокола, то и вовсе все складывалось удачно.

Когда рабочие разгрузили машину и отправились спать, Елисей отпустил водителя, ничего не сказавшего на прощание, установил в храме аналой и долго молился за брата Федора, за его добрую и бесконечно щедрую душу. Вспомнил и отца своего, помолился за упокой его души, и не было в этот момент никакой обиды, а была лишь горечь сожаления о том, что не смогли они в свое время наладить отношения, простить друг друга и смириться. Он и спать лег с этими грустными мыслями, и не будь их — совсем по-иному завершил бы нынешний долгий день.

Утром вспомнил о Николае, спросил:

— А где наш сварной?

— Не хотел вас огорчать, но обойдемся без него — толку все равно никакого, да и давно все к этому шло, — не особенно-то удивился Геннадий, когда Елисей спросил о Зельцове. — Когда вы уехали в Москву, он с утра под ногами мешался, а после обеда распилил несколько уголков и на тележке собрался куда-то везти их, хотя известно куда — в металлолом сдать. Отняли, конечно. И что он удумал в отместку?

— Что же?

— Как стемнело и улеглись мы, кто-то пошутил, *стукалочку* устроил. Стучит и стучит в окно — спать мешает. Мы, конечно, злые были в тот момент до невозможности, даже свирепые. Я вышел, крикнул в темноту, ну, сами знаете, что мог крикнуть, и сорвал с окна гайку на нитке. Опять все улеглись, заснули — опять *стукалочка*. Тогда мы сговорились, впятером выскочили из пристройки, окружили лопухи, в которых мог скрываться пакостник, ну и, конечно, накрыли его. Думали, пацаны шалят, а это наш друг Никола был пойман с поличным. Сами понимаете, наваяли ему тумачков и припугнули на будущее.

— Дальше можешь не продолжать.

За два дня молодой сварщик под присмотром Геннадия сварил каркас крыши над колокольней, рабочие обшили его тонким тесом, покрыли листами железа, покрасили и установили купол с крестом. Теперь это сооружение торжественно стояло рядом с храмом, словно часовня, привлекая внимание прохожих и заставляя их останавливаться, а иных креститься.

Николай же повислся через неделю, скрывая черными очками пожелтевший

синяк под глазом, — любопытство одолело, едва к храму подъехал подъемный кран. Остановился в стороне, опасаясь приблизиться к рабочим, готовивших шатровую крышу к подъему. И вот она, покрытая темно-синей краской, увенчанная сияющим куполом вкупе с крестом и освященная Елисеем, медленно поднялась над колокольней и заняла приготовленное благословенное место, и сразу растеклось в прохладном сентябрьском пространстве сияние купола, усиливая золотое свечение осени.

Прихожане долго не расходились, обсуждая праздничное, незабываемое событие, походившее на чудо. Ведь никто из них не помнил первоначального вида храма, и теперь обретение креста над ним казалось чудом, ниспосланным радением Всевышнего. Все они благодарно молились, понимая, что стали свидетелями замечательного события, о котором потом можно долго рассказывать детям и внукам.

Около них, совершенно ненужный, вертелся Николай, но никто не обращал внимания на него, зная как человека ненадежного и хвастливого, даже вредного в таких случаях.

В последующие дни Елисей частенько встречал Зельцова, но совершенно не хотелось говорить с ним, тем более стыдить. Елисей лишь просил, утешая более самого себя: «Вразуми, Господи, чадо неразумное!» — и шел далее, увлеченный иными мыслями и заботами.

11

А дел становилось все больше; даже тогда, когда через две недели подвели газ и установили отопление. Чего это стоило — лучше и не вспоминать. И это, наверное, правильно, потому что уж столько времени и нервов ушло на различные согласования по подключению к газовой магистрали, установке оборудования — по-настоящему знает только Варвара, занимавшаяся бумажными делами в районных конторах. Елисей присоединялся лишь в отдельные, особо важные моменты, а в остальном — только она, его староста. Теперь же храм отогрелся, и Геннадий с бригадой весело работали в тепле — возводили леса и готовились к внутренней отделке. А настроение у них было еще и оттого, что Елисей расплатился с ними, деньги они отослали домой — чего же не радоваться. Тем более что убедился в крепости слова, данного Елисеем. Поэтому и относились к строительству так, словно возводили собственные хоромы. Как-то Геннадий заговорил именно об этом.

— Батюшка! — обратился он к Елисею. — Вы ничего не говорите о том, кто будет расписывать храм?! Если думаете, что мы, то нет у нас таких художников.

— Специалистов найдем. Ваше дело подготовить основу.

— Подготовить можно по-разному. Если на десятилетия, то нужно и грунт особый наложить, и душу вложить, чтобы потом художникам за нами не пришлось переделывать, а вы нас не поминали лихом!

— Сделаете на совесть — кто же помянет вас дурным словом?

— Материалы хорошие нужны. Без них не справишься с грибком, мхом и прочей грязью. Потом потеки будут. Если четверик под колокольней в более или менее приличном состоянии, то по среднему храму у нас сомнения. Придется делать вычнику кирпичной кладки и заделку сводов и стен новым кирпичом, заливку раствором пустых швов и сколов кирпичной кладки, быть готовыми к другим возможным неприятностям. Затем все внутренние поверхности надо дважды обработать специальным раствором. И только после этого можно штукатурить и грунтовать, а после шпатлевать.

— Во наговорил-то! Даже меня, строителя, заставил задуматься. Ну а если ты такой знаток, то так и сделаем. Рад, что мне повезло со специалистами! — только и сказал Елисей.

Сказал и вздохнул, словно был не рад словам бригадира, — ведь денег опять почти нет. И если рабочие могут пока поработать в долг, то для покупки материалов нужны наличные. И все-таки, все-таки... Елисей надеялся, что деньги обязательно найдутся и на материалы, и на полный расчет с рабочими, и на отопление, электричество, воду.

Совсем другое его заботило теперь по-настоящему — колокола! В эти дни он ругал себя за то, что возгордился, ни разу не позвонил Старову, пусть и занят был безмерно, чтобы узнать ход дела. Хотя время терпело, но все равно хотелось бы завершить наружные работы до окончательных холодов, до снега, а то потом не очень-то сладко морозиться на ветру. А предприниматель словно забыл о нем, пообещал колокола для красного словца, не понимая, видимо, того, что его обещающие теперь тяжелым грузом ожидания лежат на чьем-то сердце. И неизвестно, сколько длились бы переживания, хотя Елисей отмерил для себя еще неделю ожидания, но это словно заочно подстегнуло подзабытого Старова, и в один из дней батюшка услышал долгожданный звонок.

— Отец Елисей, здравствуйте! — раздалось в трубке. — Вы совсем пропали, и я думал, что моя помощь не нужна. Уж не знаю, как у вас сложились дела, но в ближайшие два-три дня я готов самолично доставить набор колоколов и специалистов по их установке.

— Здравствуй, Алексей Павлович! Давно ждем добрых известий, молимся за вас!

— Спасибо! Коротко объясню причину задержки. Как вы, наверное, знаете, сами колокола несложно приобрести, но мы же с вами договорились, что все сделаем по-современному. А чтобы так сделать, необходимы специалисты-электронщики, а их негусто. Вот, собственно, из-за них и была задержка. Но теперь все удачно разрешилось. Так что накануне приезда я вам позвоню. Тогда и поговорим конкретнее.

— Сколько человек прибудет, чтобы принять подобающе?

— Об этом не беспокойтесь: места в гостинице я забронировал, так что осталось дело за малым.

Что еще мог Елисей желать, о чем мечтать? Даже не верилось, что через несколько дней на колокольне появятся звонница, оповестит окрестности о своем рождении малиновым звоном, и загудит многопудовый благовест... Хотя, пока храм не будет освящен, пока не будет благодарственного молебна, крестного хода — это будут всего лишь пробы голоса, как у малого дитяти, осваивающего родную речь. Но даже такое заочное ожидание радовало и пугало одновременно. Не верилось, что придет день и час и оживет все восстановленное, все примет подобающий вид и назначение, как снаружи, так и внутри. Это ли не счастье?! Особенно, когда знаешь, что в этом большая доля и твоих переживаний, страданий, бессонных ночей и озарений, которые помогли не пасть духом, не разувериться в работе и собственном предназначении.

Специалисты приехали через день вместе с колоколами и необходимой аппаратурой. Разгрузив машину вместе с подручными Геннадия, они отправились в гостиницу. Их сопровождали Старов и Елисей.

— Вот мы и дождался важного для всех события, и в скором времени над Свбллой зазвучат колокола! — сказал Алексей Павлович, выглядевший пасмурным, даже печальным — совсем не улыбающимся, цветущим, каким был летом. — Дела у меня, батюшка, идут не лучшим образом, боюсь, что придется продавать бизнес, поэтому решил рубануть напоследок, чтобы память о себе оставить. Да и прадед мой будет доволен на том свете: хоть кто-то продолжил его дело. А о своем я особенно и не пекусь: что-нибудь новое найду.

— Мне даже как-то неловко от ваших слов!

— Ничего страшного, батюшка, как говорится у православных, на все воля Божия! Главное — не впадать в уныние. А деньги — как пришли, так и ушли.

После такого признания, Елисей не знал, о чем говорить со Старовым: все слова были бы в этот момент фальшивыми. Ему казалось, что это именно из-за него начались у Алексея Павловича проблемы, может, даже непосильная помощь оказалась той каплей, которая непоправимо разрушила его дело. Старов, правда, не говорил, чем именно занимается, но не это главное — главное, что он вслух признался в проблемах, будто косвенно укорил в них Елисея. Поэтому он счел за благо промолчать, будто ничего не слышал, что могло бы огорчить их отношения.

— На все воля Божия, — только и сказал Елисей.

— Вот и прекрасно. Сегодня мы отдохнем, а завтра займемся делом, чтобы за светло поднять и закрепить колокола.

— Тогда до завтра! — с ноткой извинения в голосе сказал Елисей около гостиницы и вздохнул, словно задуманное зависело лишь от его вдоха.

Он возвращался, не чуя под собой ног от пугливого волнения, от той неловкости, какая накатывает, когда совершишь что-то неправильное, даже, возможно, постыдное, как в этом случае, — словно отнял у человека последние деньги... Но тотчас другая мысль завладела им, погнала к храму — хотелось еще раз посмотреть на колокола, притронуться к ним, будто не веря самому себе, что они есть, стоят наготове, а завтра предстоит сделать, быть может, самое главное — поднять их и установить. Ведь вся красота заключается именно в них, в их благостном звучании — возвышающем и объединяющем верующих.

Пока Елисей проважничал Старова, рабочие накрывали колокола полотнищем, как живых существ, будто согревая, и самый большой из них, почти семнадцатипудовый, и самый маленький — десятифунтовый. Все они, числом восемь, в этот момент представлялись Елисею собственными детьми. Захотелось притронуться к ним, прижать к себе, расцеловать и напутствовать перед добрым и долгим делом, какое им вскоре придется исполнять. Немного пугало число колоколов. Надо быть знатоком колокольного звона, любить его, чтобы заставить зазвучать стройным хором. Сам Елисей, учась в семинарии, иногда пробовал осваивать самые простые трезвоны, но на трех-четыре колоколах, а как заставить заговорить все восемь — для него было тайной. Хотя он знал, что есть умельцы, которые владеют звоном и на двух десятках, но таких единицы. Обычно-то обходятся четырьмя-шестью, а Старов вот как расщедрился. Вспомнив Алексея Павловича, Елисей не заметил, как вокруг собралось десятка два прихожан, узнавших о прибытии колоколов и пожелавших самолично взглянуть на них, поддержать батюшку в его радости.

Они и на следующий день наблюдали, как рабочие, оборудовав подъемник в виде вынесенной балки, поднимали при помощи полиспаста колокола и устанавливали на подготовленные места. Начали с семнадцатипудового, потом девятипудовый установили, и еще один, и еще... Мелкие же подняли на колокольную вручную, следом — несколько ящиков с аппаратурой.

Ни Алексей Павлович, ни Елисей в этом участии не принимали — наблюдали со стороны. Когда же Геннадий спустился с колокольни, Старов сказал:

— Ну что, уважаемый отец Елисей! Дело сделано — наладка приборов не в счет — и пришла пора нам с вами отобедать. Сделайте милость, окажите любезность вашему покорному слуге, думаю, я заслужил такой награды!

Елисей сразу понял, что у гостя настроение хоть куда. Ну как не поддержать в таком случае, хотя давно Елисей не посещал общепитовских заведений, но ведь не поймет, осудит его гордыню. Тем более что сегодня можно и скромного ответить. И поэтому, на малое время задумавшись, живо махнул рукой:

— Ну что же: согласен!

Через пять минут они были в кафе, Алексей Павлович что-то долго говорил официанту, а Елисей умоляюще смотрел на гостя, понимая, что он делает непомерно обильный заказ.

— Жалко, что я сегодня без водителя, и поэтому надо забыть о спиртном, а то непременно выпил бы рюмку за наше общее дело, и не одну!

Без выпивки Старов долго не задержался, тем более что Елисей ограничился стейком из лосося и напитком на травах по названию «Монастырский». Но здесь, конечно, было важно не совместное застолье, а взаимное внимание и уважение. Особенно со стороны Елисея, так и не понявшего мятущуюся душу Старова — не хватило недолгих минут общения ни здесь, в кафе, ни ранее, чтобы поговорить долго, откровенно. Но Елисей не сомневался в искренности дарителя, сделавшего большое дело, в его щедрости и открытости. Поэтому не нашел ничего лучшего, чтобы сказать тоже щедро и открыто, когда вышли из кафе:

— Вот восстановим храм, приезжайте, Алексей Павлович, на освящение! Думаю, на торжестве будет митрополит и многие иные уважаемые гости. — И добавил, немного подумав: — Вы просто обязаны быть. А я вас заранее извещу!

На том и распрощались. Когда машина скрылась в конце улицы, Елисей поспешил к храму, словно без него там не могли обойтись, и встретил делегацию во главе с Варварой. Она сперва замаялась, а потом радостно высказалась:

— Вот гостям яблочек принесли и груш... Они мытые. Не помешают... И еще кое-что есть... — добавила староста. — Мы с сестрами промеж себя потолковали и деньжонок собрали. Пригодятся на храм.

— Ой, Господи, да какие же деньги у пенсионерок?! — искренне удивился Елисей.

— Незавидные, батюшка, зато от души. Не обессудьте.

Приняв завернутые в бумажку деньги и ведро с фруктами, Елисей чуть не прослезился от благодарности, но ничего более не сказал, потому что самые добрые слова в этот момент ничего бы не значили. Лишь благословил сестер-прихожанок, осенил крестным знамением.

Из любопытства Елисей поднялся на колокольню к рабочим, молчаливо разбившим провода и коробки с приборами, отдал им фрукты и задержался — захотелось вблизи посмотреть на их работу. Не утерпел, дзенькнул в самый малый колоколец, отозвавшийся, словно птичка, тонким и протяжным пением, и улыбнулся от необъяснимой радости. Стукнул по другому, раззвеневшему строже, по третьему... Потом, раскачав язык большого колокола, ударил и раз, и другой, и замер от басовитого, громадного гула, казалось, накрывшего окончательно и навсегда... Звучание колоколов, пока не «пристегнутых» к механическому управлению, растрогало Елисея. Ему даже захотелось остановить рабочих, поблагодарить и сказать, что вполне можно обойтись без этих искусственных излишеств, пусть пока и нет у них в храме настоящего звонаря. Он так и поступил бы, не вспомни об Алексее Павловиче. Ведь дойдут до человека слухи, придет он потом на освящение храма, спросит, как работают колокола и вообще все приборы и механизмы, а ответить ему будет нечего. А лукавить, мол, сломались, поэтому пришлось снять приборы, — не посмеешь, ведь Господь все видит и знает, и за каждое ложное слово спросит. И не единожды! Уж пусть остается все, как есть.

Понимая, что бесконечно бедокурить не пристало, он спустился с колокольни. Из притвора увидел, что кто-то заглядывает в храм. Подошел ближе, а это Николай жметя около двери.

— Тебе чего? — не особенно дружелюбно спросил Елисей.

— Пришел посмотреть. Храм, что ли, открыли — колокола-то поют?!

— Рано пришел, придется ждать освящения. А посмотреть посмотри, это не возбраняется, но только с улицы, — не стал Елисей окончательно прогнать на-

доедливом любопытном. Хотел сказать, даже укорить: «Тебе-то это зачем?» — но промолчал, смирил обиду на зряшного человека.

К концу недели спецы червонного звона продемонстрировали несколько композиций, от которых над Свиблой на все голоса долго растекались шумные перезвоны. Редкие прохожие застывали, некоторые крестились, не понимая, что происходит, кое-кто выглядывал из дворов на улицу от столь непривычной музыки, хотя она и звучала в укороченных вариантах, на пробу, но от нее даже галки, казалось, стали летать по-иному. Елисею звон очень и очень не понравился. Пришлось чуть ли не затыкать уши — таким казался звон трескучим и совершенно не лжившимся на душу. Управляли всей этой чудо-техникой через компьютер со специальной программой. Компьютер и иные приборы были установлены в тепле под лестницей, ведшей на колокольню, от них змеился пластмассовый кожух с упрятанными в него проводами, на колокольне провода разбегались к электрическим приводам, которые заставляли работать механику. Спецы объяснили Елисею принцип работы, но попросили самому ничего не пытаться чинить, а, сообщив телефон, просили звонить, если что откажет, или в каких-либо иных похожих случаях.

— Ваша задача, — объяснял старший — вихрастый парень в затененных очках, — включить и загрузить компьютер, найти необходимую программу и выбрать нужный файл, соответствующий тому или иному церковному случаю. Вот и все! Кто мало-мальски владеет компьютером, а ими теперь все владеют, тому никакие проблем не будет. Сами попробуйте сначала, с загрузкой.

Елисей попробовал, все у него получилось, и парень улыбнулся:

— Можете звонить своему меценату и доложить о состоянии дел. Мы же с вами прощаемся. Надеюсь, что не будем часто общаться. Если все-таки возникнут какие-то вопросы по самому компьютеру, то, надеюсь, электронщики в вашем городе имеются и помогут наладить.

— Благодарю вас! — Елисей поклонился. — Спаси вас Господь, добрые люди! Что он еще мог сказать?

12

Распровавшись с компьютерщиками, Елисей вспомнил матушку Елену — большую любительницу колокольного звона. Она, помнится, как могла, помогала во Владыкине, брала уроки в одном из храмов тамошнего благочиния и, обладая прекрасным слухом, освоила несколько основных звонов. Елисей даже пытался отправить ее в епархию на курсы, но она отказывалась: «Ну, какой из меня звонарь?! Это мужское занятие. Псалмы петь — вот мое назначение!» Певчих во Владыкине было двое: Елена да престарелая учительница. Разница в возрасте не являлась помехой: обе певчие были достойны одна другой, голоса их звучали в общей тональности необыкновенно слаженно и проникновенно, настолько волновали души и сердца прихожан, что многие из них под настроение могли прослезиться. Изучив прихожан, привыкнув к ним, Елисей даже мог определить, у кого радость случилась или произошло огорчение. Второе встречалось чаще, и казалось, навсегда накрывало ту или иную семью — оттого и слезы, и желание утешиться. Кто-то, конечно, и вне храма тяготился, но, как замечал Елисей, на людях, среди привычных прихожан человек оттаивал податливее, у него даже начинали по-иному блестеть глаза, особенно если примешь у него исповедь и причастишь.

Елисей не переоценивал собственное влияние на прихожан. Ведь все они разные, долгие годы вынужденно обходились без религии, хотя во многих она жила подспудно, но никак не проявлялась внешне, потому что они были отучены от нее во времена гонений. В последние десятилетия они прекратились, но так получи-

лось, что к этому времени старушки, помнившие церковные порядки, успокоились, а молодые без живого примера тех, кто мог бы сводить за руку в церковь еще в детстве, остались в этом смысле беспризорными. Многие из них, вырастая, обходили храмы стороной, и не потому, что отвергали религию как таковую, а оттого что были не приучены к ней, не знали церковных порядков и впадали в робость. Он это хорошо помнил по себе, когда только начал приобщаться к церкви, вникать в церковный устав и пропитываться им.

Теперь же появилось много книг по православию, из которых можно подробно узнать о церковных порядках, проникнуть в глубину религии, открыть тайны, которые не всегда понятны, особенно неподготовленному, начиная с простейших описаний-подсказок: как ступить на паперть, как войти в храм, где поставить свечку за упокой, а где за здравие. Из книг можно узнать, что женщинам необходимо появляться в храме в головном уборе, в длинной юбке, в кофте с закрытыми рукавами; мужчинам трезвыми, без запаха табака. Нельзя в храме разговаривать, смеяться. Запомнив самые простые правила, желающий посетить храм, будет менее робеть, не будет думать, что ему проще обойти его стороной. А посетит по доброй воле, то и еще пожелает, и со временем поймет ход служб, свое место и собственное поведение.

Насколько помнил, Елисей почти сразу почувствовал себя своим в храме, когда еще в студенчестве будто кто-то увлек его за собой. Долгое время никто в семье не знал о его увлечении, приходилось, уходя из дома, придумывать отговорки. И лишь когда поступил в семинарию, а позже, когда познакомился с Еленой, то скрывать это стало невозможно. Тогда и начались гонения — со стороны близких людей, как ни странно. Но другой реакции и отношения к себе в семье он и не ожидал. Все, конечно, шло от отца, от его атеистического настроения, нежелания понять собственного сына. Отец и на маму повлиял, а особенно на Федора. От кого-кого ожидал Елисей негатива, но только не от него. Уж ему-то какое дело? Его никто не просил, но он стал отцовским рупором, постоянно укорял и высказывал обидные слова, насмехался, дразнил попиком, а зачем, почему — Елисей так и не понимал. Хотя в ту пору особенно не задумывался о неприязни брата: лишь сторонился его и почти не разговаривал. Тем неожиданнее оказалась его помощь, на которую он расщедрился этим летом после кончины отца. Ведь ничего похожего не было, когда Елисей восстанавливал церковь во Владыкине, а тут словно провалило. Будто сломался некий щит в лице отца, не позволявший помогать брату, либо просто не было денег, хотя и теперь, помогая, будто по чьему-то заданию, сказал откровенно о завершении этой помощи. Елисей не обижался на него, нет. Нельзя обижаться на родного человека, который, как никто, помог, но во всякой помощи человек проявляет себя, не замечая этого. Один хочет доказать, что он не скуп, другой — известить о своем величии и возможностях, у третьего еще что-то на уме, но большинство все-таки тянутся с помощью к храму от чистого сердца. И ничего не ждут взамен. Для них сама помощь в радость, она доставляет удовольствие от осознания того, что он, подчас самый простой и незавидный человек среди таких же незавидных, прикоснулся к бесконечно светлому и возвышенному. И это чувство прикосновения, сопричастности начинается в нем жить постоянно. Оно его, родное, и никто не спросит о нем, потому что только этот человек чувствует его в себе, чтобы со временем поделиться с другими.

В этом Елисей убедился совсем скоро, когда позвонил из администрации Илья Леонидович и спросил, каково у него завтра в полдень со временем. На завтрашний четверг у Елисея не было конкретных планов, о чем он и сообщил главе.

— Прекрасно! — раздалось в трубке. — Тогда мы приглашаем вас на собрание... Да-да, не удивляйтесь. Мы не знаем, посещаете ли вы светские мероприятия, но наше, которое пройдет в новом Дворце культуры в обеденный перерыв, просто

необходимо посетить. Открою секрет: служащие администрации и иных районных учреждений, видя, какими ударными темпами подвигается восстановление нашего храма, добровольно, по зову сердец собрали некоторую сумму, которую мы решили в воспитательных целях вручить принародно. Думаю, это правильно со всех сторон. Так что вам просто необходимо явиться на это собрание, сказать свое проникновенное слово нашим сотрудникам. Вы согласны?

— С великим удовольствием буду, Илья Леонидович, и, конечно же, выражу благодарность сотрудникам, а также членам нашей общины, добровольным помощникам. Думаю, вы будете не против, если собрание посетит делегация общины?

— Прекрасная задумка, отец Елисей! Конечно, приглашайте. Будем ждать и вас лично, и делегацию!

Попрощавшись, Елисей минуту или две приходил в себя, вспомнив мысли последних дней. К какому разряду отнести этот порыв многих людей, пусть и кем-то организованный, если вообще можно рассуждать о дарителях, о мотивах их поступков. Это все равно, что на исповеди заставить говорить то-то и то-то, что на чей-то взгляд кажется правильным или неправильным.

Эта мысль не давала покоя до следующего дня, когда вместе с Варварой и ее тремя ближайшими помощницами он посетил Дворец культуры. Собрание было недолгим, но насыщенным. Глава делал упор в выступлении на единство народа и власти, на то, что пришло время собирать камни... После его вступительного слова Елисей доложил о состоянии дел в храме, что удалось сделать за полгода, хотел рассказать о планах, но его прервал выкрик из зала:

— А когда Крестный ход будет?!

Пригляделся Елисей и увидел заерзавшего в кресле Зельцова. Ответил спокойно, но с внутренней ехидцей, правильно произнося заветное слово.

— Дорогие прихожане! Крестный ход будет в свое время, — мягко обратился он к залу. — Много, как я сказал, сделано, но многое и предстоит сделать. Ведь никто из вас не будет приглашать гостей в недостроенный дом. Так и в нашем случае: как только храм восстановим, освятим, то и Крестным ходом пройдем, после чего начнутся постоянные службы. А когда это произойдет — все в воле Божией. Думаю, долго ждать не придется, а сегодняшняя ваша помощь только приблизит этот радостный момент. Спасибо вам!

Собрание вскоре завершилось, все расходились радостными, улыбчивыми, благодарили Елисея. На следующий день он прикупил на собранные деньги машину кирпичича, еще через день ему прислали двух каменщиков из строительной конторы, и, согласовав с ними размеры, он заказал металлическую ограду.

Работа у каменщиков шла споро, кирпичная кладка росла на глазах. Мимо такого события не смог пройти Николай, словно его кто-то науськивал. Рабочих он знал, постоянно лез к ним с разговорами и поучениями, но те не особенно привлекали его, а попросту гнали, когда он совсем надоедал. Ему такое отношение показалось обидным, и прежде чем пропасть с глаз долой, он все-таки высказался, не скрывая самодельного сарказма:

— Эх, вы-ы... На народные деньги помогаете отгораживаться от народа!

Но ему никто не ответил, потому что не заметили его слов или не захотели замечать, тем более прислушиваться.

В одну из ночей перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы Елисей проснулся от колокольного звона... Он сперва не понял, что произошло, почему среди ночи бухает благовест, почему исходят криком колокольцы... Он осмотрел в свете ночной лампочки спящих рабочих, а тем хоть бы что. Так ничего и не сооб-

разив, Елисей вскочил со своего ложа и устремился к храму, чтобы узнать, кто запустил на колокольне сразу несколько файлов, которые одновременно не могли работать?! Добравшись до включенного компьютера, Елисей попытался его выключить, но он не выключался, а звон все плыл и плыл над Свиблой. Вот-вот у храма соберутся прихожане, и что он, Елисей, скажет им в свое оправдание за столь кощунственное поведение техники?! Не зная, как выключить ее, Елисей вырвал из розетки электрический кабель, но компьютер продолжал работать, тогда пришлось взять табуретку и ею молотить по системному блоку, по монитору, по клавиатуре. Когда и это не помогло, Елисей закричал от бессилия...

Он проснулся, как показалось, от собственного крика, но рабочие по-прежнему спокойно спали, ничего не подозревая о чьих-то ночных страданиях. Елисей пошел воды, перекрестился, но так более и не заснул, а после утренней молитвы попросил Геннадия освободить колокола от всего, чем их пленили. Иного, более точного слова Елисей не придумал, но бригадир засомневался, не догадавшись о причине перемены в настроении батюшки. Удивленно спросил:

— А что если ваш Старов возмутится?! Старался-старался человек, столько денег вбухал, а мы возьмем и все поснимаем. Ему ведь обидно будет.

— Извинимся, скажем, что звук прихожанам пришелся не по душе. Думаю, поймет.

— Тогда хотя бы позвоните ему, посоветуйтесь.

— Вот это правильно. Позвонить необходимо, чтобы не доводить себя до греха.

Елисей сразу же активировал номер Старова, но после звонков вызова услышал в трубке усталый женский голос:

— Слушаю вас...

— Здравствуйте, можно поговорить с Алексеем Павловичем?

— Кто его спрашивает?

— Священник Елисей из Свиблы.

— А, это вы! Порадовать вас нечем: неделю назад не стало Алексея.

Ковшов невольно задержал дыхание, выдохнул:

— Что с ним случилось?

— Разорился он, ну и не выдержал. Наложил на себя руки.

— Извините... — только и смог сказать Елисей.

— Что произошло? — напрягся Геннадий.

— Алексей Павлович приказал долго жить, Царствие ему Небесное. Так что пока повременим с колоколами, а потом видно будет.

Что «потом будет видно» Елисей совершенно не понимал. Одно лишь казалось неоспоримым. Это то, от чего он чувствовал свою вину в гибели Старова. Ведь не потраться тот на колокола, на спецов, на их бездушные приборы, глядишь, и выкрутился бы. Хотя и это не факт. Но, видно, такова была его судьба: вздохнуть напоследок во всю грудь и исполнить все то, о чем, быть может, всегда мечтал.

Несколько дней обдумывал Елисей этот случай, и со временем случившееся стало отдаляться, как и многое другое. Это неизбежно. Хотя совсем-то тема не исчезла, она приобрела иное звучание с приближением праздника Казанской иконы Божией Матери.

Чем был ближе этот день, тем чаще посещали мысли о Елене, матушке своей, отошедшей к Господу Богу именно в этот праздничный день, омрачив его горем. Он понимал, что мысли приходят не случайно. Очень часто бытовое наполнение жизни переплетается с отношением к религии, пониманием ее. Оно, это понимание, окончательно в нем не сформировалось, а сам он по-прежнему находился в духовном поиске, начиная подозревать, что поиск будет бесконечным, ибо постоянно происходит жизненное движение, с которым хочешь не хочешь, а необходимо считаться.

После кончины Елены все еще одолевал вопрос, к какому духовенству причислять себя? По всем правилам он должен совершить переход из белого духовенства в черное и более не связывать себя брачными узами. Ибо, если свяжет себя, то просто обязан расстаться с саном. Варвара, зная о его случае, несколько раз напоминала, что, мол, негоже батюшке быть одиноким. Обещала присмотреть матушку, а он мягко отговаривался, не желая обидеть помощницу хлестким словом:

— Пойми ты, я свой выбор давно сделал, вернее, сами обстоятельства распорядились моим будущим, поэтому поговорим о чем-нибудь другом.

И действительно, все его помыслы по-прежнему были связаны с Еленой, с памятью о ней, поэтому он даже представить не мог, что кто-то заменит ее, которую невозможно заменить. Лишь очень горько становилось на душе от осознания бесконечной разлуки, от невозможности хотя бы бывать на ее могилке, ухаживать. Единственное, что по-прежнему сближало с ней, — это постоянные молитвы за упокой ее души. И еще память — обыкновенная, природная, которая неотступно жила в нем.

Иногда он звонил во Владыкино, разговаривал с Михаилом, вспоминая, как он провожал, спрашивал у него о состоянии дел в храме, о сельской жизни. Елисея все интересовало, но более всего — слова о Елене. Хватало и простого упоминания ее имени. Елисей всякий раз обещал посетить Владыкино на годовщину, отслужить молебен, но одно дело — обещать, другое — исполнить обещание. Легко сделать одно, и тяжело — другое, особенно, если не ценить собственные слова, а легко и безвозвратно разбрасываться ими.

И этот день становился все ближе, хотя почему-то ход времени замедлился, сделался не таким быстротечным, как месяц назад или два. Иногда казалось, что время и вовсе остановилось. Елисей понимал, что все это неспроста: пока он не съездит во Владыкино и не побывает на могилке Елены, эти мысли так и будут терзать душу. Ведь казалось, чего проще: сел на автобус и поехал. Но в таком случае необходимо на несколько дней отлучиться из Свиблы, а это так трудно, даже по службе, все... бросить, нет — не бросить, а оставить без личного пригляда, пусть и на время. Он помнил слова Федора о возможной поездке во Владыкино с родителями Елены, его обещание дать транспорт, но совсем не хотелось еще раз просить там, где можно обойтись самому. К тому же совместная поездка с ее родителями пока казалась невозможной из-за взаимного неприятия. Ну, о чем он будет говорить в пути с ними, для него почти чужими? Молчать, как недавно с угрюмым водителем, когда ездил в Софрино? Поэтому Елисей и не стал тревожить брата, решив, что поездка во Владыкино — это его собственное дело, его личная забота. Об отъезде он известил лишь Варвару.

— Езжайте, батюшка, не раздумывайте! Авось не навсегда. А то в последнее время на вас лица нет, — откликнулась она.

«Лицо-то есть, только оно, наверное, по-иному смотрится», — подумал Елисей, вспомнив, что действительно сделался иным. Таким, что иногда забываться стал. Его спросят о чем-нибудь, или скажут что-то, а он нет-нет да ответит невпопад, отчего на душе становилось конфузливо, горько, ибо он-то ясно понимал причину своей рассеянности, но как ее объяснить кому-то? Да и надо ли объяснять. Умный и без объяснений поймет, а дурачине все одно не растолкуешь. Еще и посмеется вдогонку, покрутит пальцем у виска.

— Да, сестра, пришла потребность съездить, да и по Божьему закону полагается в годину побывать на месте упокоения близкого родственника, почтить память... Так что, заручившись твоей поддержкой, поеду со спокойной душой, волнуясь лишь от предчувствия долгожданной встречи... О рабочих не забывай, корми их прилежно.

— Мне это и не в тягость — на троих сплотившись. Могу даже и каменщиков, что на ограде трудятся, кормить, только скажите.

— Да, двое рабочих уехали — это верно, а на троих, конечно, легче готовить. А о каменщиках не беспокойся. Я хотел взять их на свой кошт, но они отказались. Но это уж их дело. Они местные — с голоду не пропадут. А я, пожалуй, завтра отбуду во Владыкино на два-три дня.

— Ну что же, будем ждать возвращения и молиться за вас...

Она склонилась, поцеловала ему руку, а он перекрестил ее и радостно и благодарно вздохнул, заручившись напутствием. По сути ничего не значащим, но таким важным, словно это было благословение, ниспосланное с небес.

— Да, вот что еще хотела сказать. Когда вернетесь, то надо будет перебраться на квартиру — я уж вам и жилье присмотрела. Не до белых же мух будете ютиться в пристройке, которую пора ломать.

— Ну, Варвара, с тобой не пропадешь. Тогда, уж если мне жилье присмотрела, я кое-что из облачения привезу. Ведь пора к службам готовиться.

— Привозите, батюшка, привозите!

— Значит, договорились: завтра я отъезжаю. А ты, в случае чего, сразу звони! — попросил Елисей, еще более укрепившись в принятом решении.

Связавшись вечером с Михаилом, Елисей сообщил примерное время своего завтрашнего прибытия, попросил, если не трудно, встретить и дать приют на несколько дней. Владыкинский диакон обещал исполнить просьбы, сказал, что очень будет ждать встречи, а сегодня же обязательно порадует прихожан радостным известием, и все они помолятся за путника Елисея.

14

Никогда Елисей Ковшов не думал, что может так взволноваться, когда на следующий день на «жигуленке» Михаила он подъезжал к селу. Владыкино в эти предвечерние минуты показалось черным от голых и влажных ветел, и лишь иной нарядный клен около дороги или меднолистый дубок у того или иного амбара напоминали, подчеркивали цветастым украшением приход поздней осени. Эта картина соответствовала времени года, поэтому и не было душевного неудобства от черноты и слякоти, да и не особенно об этом думалось. В мыслях было иное: Елена! Как она там? Подои, заждалась! Еще днем Елисей мечтал, что сегодня же побывает на ее могилке, но дни в начале ноября с кулачок, пока доехали — окончательно стемнело. Да и Михаил начал отговаривать:

— Батюшка, ну что в темноте увидите? Не с фонарем же идти? Сейчас отдохнете, стряхнете, так сказать, усталость, а завтра после службы сходим.

— Прибраться бы надо, — вздохнул Елисей.

— Об этом вам и заботы быть не должно, так как строго слежу за порядком на ее могилке.

— Ну, хорошо, — согласился Елисей, — отложим все на завтра, ты прав.

Когда они заехали во двор, Михаил сказал:

— Пойдемте сразу к нам, места хватит, да и не топили в вашей пристройке.

— Как скажешь.

Когда поднялись на крыльцо, из дома донеслись детские голоса. Елисей вопросительно посмотрел на хозяина, даже заглянул в окно, но увидел меж штор лишь светловолосую матушку Марину, с кем-то разговаривающую, и вновь посмотрел на Михаила, а тот сказал с затаенной радостью:

— Хотели сюрприз сделать. Мы ведь теперь с Мариной не одни живем. Месяц назад усыновили Артема и Настю, они брат и сестра, взяли из интерната. Двоим

им веселее будет. Артему шесть лет — в следующем году в школу, а Насте — пять. Они уж с нами в храм ходят.

— Удивил, спору нет! Ну, пойдем знакомиться с детишками. Для Марины коробку конфет припас, для тебя кое-что есть, а как же к деткам без подарков?!

— Не переживайте, я предусмотрел. Вот вам две шоколадки — вручите ребятишкам. Сразу подружитесь!

— Ну, ты и заговорщик. Сказал бы в городе, а то до места таился. А теперь придется воспользоваться твоими шоколадками — куда же деваться.

Они вошли, Елисей положил у дверей рюкзак и увидел выглянувших из комнаты белоголовых детишек, смотревших удивленно и немного испуганно.

— Здравствуйте, дети! Принимайте гостя! — Он начал снимать куртку, а они так и стояли за дверью.

— Артем, ты что застыл? — спросил Михаил у мальчика. — Это же дядя Елисей, я же говорил тебе о нем. Он добрый, подарок тебе привез! И ты, Настя, не робей!

Девочка оказалась посмелей, тотчас вышла навстречу Елисею, спросила, смешно состроив удивленное лицо:

— Вы наш дедушка?!

Елисей чуть не рассмеялся от милой и такой приятной непосредственности, поддакнул:

— Если с лохматой бородой, значит, дедушка. Подойди ко мне. Как тебя зовут?

— Настя.

— А вот тебе подарок от *дедушки*. — Он отдал ей шоколадку. — А как твоего стеснительного братика зовут?

— Артемкой. Иди к нам! — позвала она мальчика. Тот молча подошел и остановился перед Елисеем, понурился.

— Вот, дружок, и тебе подарок.

Михаил с Мариной, молча наблюдавшие за встречей, зашевелились. Марина сказала:

— А теперь будем собирать ужин. Надо покормить *дедушку* Елисея с дороги!

Дети попытались развернуть шоколадки, но Михаил их остановил:

— Ребятки, сперва поужинать надо, а потом шоколадки. Да и то понемногу, а то спать не будете.

За ужином детишки мало-помалу освоились, привыкли к Елисею, а он на них смотрел с нескрываемой теплотой и любовью и вспоминал Елену... Ведь если бы в прошлом году не случилось несчастья, то и его бы сынишка сейчас был в общей компании, и мать его находилась бы рядом, но... Вот это самое «но» и лежало у Елисея на душе тяжелой печатью. Он гнал от себя гнетущие мысли, о чем-то говорил с Михаилом и Мариной, счастье которых сияло на лицах, а успокоиться по-настоящему не мог. Он им слегка завидовал, но зависть эта была светлой, радостной. Ведь они сами себя отметили наградой, решившись на воспитание приемных детей. Как же повезло Марине и Михаилу, что нашлись добрые люди и доверили им двух ангелочков, по-детски наивных и притягательных. У него и мыслей не имелось о том, кто они, при каких обстоятельствах попали в их семью. К чему сейчас такие вопросы. Главное, что они здесь, вместе с ними и чувствуют себя детьми.

Артема и Настю покормили скромной едой, а взрослые обошлись простым ужином, обычным для среды. Ноябрь — время разносолов, поэтому Елисей охотно отведал грибков, отварной картошечки, попробовал соленых помидорчиков, огурчиков. Всего понемногу, но в охотку да с дороги все показалось очень вкусным.

Детям к отварной крольчатине и пюре положили по несколько кусочков огурцов и по красной помидорке.

— Они куриные ножки любят — привыкли... Но своих петушков у нас не осталось, а магазинными курами остерегаемся кормить, благо есть своя, натуральная крольчатина, — пояснила раздумывавшаяся Марина, чувствовавшая себя настоящей заботливой мамой.

Елисей смотрел на нее и не мог не заметить, что каждое слово, сказанное детям, каждое движение приносят ей радость. И на нее можно было в такие моменты смотреть бесконечно. Смотреть и радоваться.

Потом пили чай и уложили детей спать, — и вновь долгие разговоры, пока сон окончательно не сморил гостя и хозяев.

Наутро они отправились в храм. Елисей провел службу в паре с местным священником Александром — тем самым, которому передал весной дела. О прибытии Елисея во Владыкино знали накануне, поэтому прихожан в этот предпраздничный день было необыкновенно много. Привыкнув к Елисею за несколько лет, они сейчас во все глаза смотрели, радуясь его появлению в канун престольного праздника храма, в котором хранился список иконы Казанской Божией Матери. Ведя службу, Елисей почувствовал прежнюю связь с прихожанами, показавшимися хорошо знакомыми, даже близкими из-за отношения к службе, в знании ее, в стройности общего песнопения.

Когда Елисей встал на благословление и к нему выстроилась длинная очередь, то каждый, кто прислонялся к кресту и его руке, был для него духовно близким человеком, а потому особенно любимым. Получалось, что все, кто сегодня пришел на службу и теперь окружали его, были его родными и близкими, братьями и сестрами.

Когда прихожане разошлись, Елисей взял во храме кадило, свечей, походный аналой и вместе с Михаилом отправился на могилку Елены. Елисей хотел было идти один, но Михаил решил сопровождать его и настоял на этом, хотя и понимал, что в такие моменты лучше не мешать человеку в проявлении своих чувств, в которые посторонних посвящать необязательно, но и совсем оставить брата во Христе не мог. Поэтому сказал, словно повинился:

— Батюшка, я лишь помогу донести утварь и подожду вас за оградкой. Так что мешать совершенно не буду. Я все понимаю...

Могилка, действительно, была ухожена, даже выделялась уютом среди других. Елисей поцеловал надгробный лик Елены, перекрестился, а после вместе с Михаилом отслужил литию. Отслужив, попросил:

— А теперь хочу побыть с ней наедине...

Михаил безмолвно удалился за кладбищенские ворота. Он даже не смотрел в ту сторону, где находился Елисей, не желая мешать и понимая, насколько тяжело тому сейчас. Поэтому остужал свой порыв, хотя и мерз на холодном ветру. Но не о себе он сейчас беспокоился, а о своем госте, не зная, чем утешить в эти минуты. И все-таки он вскоре поспешил к Елисею. Батюшку он увидел, стоящим на коленях, обхватившим надгробие и склонившимся чуть ли не до могильного докола. Он ничего не сказал ему, а подхватил, поставил на ноги и прижал к себе, как несчастное малое дитя. Елисей продолжал всхлипывать, а Михаил не успокаивал, не уговаривал, давая возможность выплакаться, самому очиститься облегчающими слезами. Лишь когда Елисей глубоко вздохнул, Михаил тихо сказал:

— Пойдемте домой.

И тот повиновался, покорно ступал рядом и не ощущал под собой ног.

— Сейчас надо о другом заботиться, — напомнил Михаил, немного погодя. — Марина народ на поминки созвала, так что помянем Елену, как полагается.

— Я думал об этом, но все как-то не решался завести речь. Много народа не надо собирать — только самых душевных, кто уважительно относился к Елене.

— Да ее все любили.

Елисей опять вздохнул, благодарно посмотрел на Михаила и ничего не сказал.

Поминки собрали после полудня с таким расчетом, чтобы Елисею успеть на вечернюю службу. За поминальным столом он прочитал короткую молитву, все вместе пропели «Вечную память», а после помянули рабу Божию кутьей, блинами с медом. Завершили обед компотом. Спиртного на столе не было, да и не нужно оно собравшимся старушкам. Были бы мужики, то они, конечно же, не утерпели бы, обязательно что-нибудь придумали. После поминок тихо разошлись, поминая добрым словом Елену, желая ей Царствия Небесного.

На следующий день был праздник Казанской иконы Божией Матери. Прихожан прибыло необыкновенно много на престольный праздник храма, даже в сравнении с предыдущим днем. Настоятель Александр после вступительного возгласа произнес молитву перед храмовой иконой:

— О Пресвятая Госпоже Владычице Богородице! Со страхом, верою и любовью припадающе пред честною иконою Твоею, молим Тя: не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе, умоли, Милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да сохранит мирну страну нашу, да утвердит церковь Свою святую да незыблему соблюдет ю от неверия, ересей и раскола. Не имамы бо иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево: Ты еси Всесильная христиан Помощница и Заступница. Избави всех с верою Тебе молящихся от падений греховных, от навета злых человек, от всяких искушений, скорбей, бед и от напрасныя смерти; даруй нам дух сокрушения, смирение сердца, чистоту помышлений, исправление греховныя жизни и оставление прегрешений, да вси благодарне воспевающе величия Твоя, сподобимся Небеснаго Царствия и тамо со всеми святыми прославим Пречестное и Великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Прихожане усердно молились, а после паузы, заполненной певчими, Елисей прочитал праздничный тропарь. И если у настоятеля голос был возвышенный, действительно праздничный, то у Елисея усталый, чуть ли не скорбный. Глядя на него со стороны, казалось, что он вот-вот расплачется:

— Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего, и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех, и в болезнях, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем, пред пречистым Твоим образом со слезами и невозвратно надежду имущих на Тя, избавления всех зол, всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси Божественный Покров раб Твоим.

После праздничного молебна прихожане не спешили расходиться по делам текущим. Они подходили к Елисею, спрашивали о новой его жизни, пытались узнать, как идут дела в Свибле, не думает ли возвращаться во Владыкино. На вопрос о возвращении отвечал кратко, так, что более не возникало к нему вопросов: «На все воля Божия!»

Когда вернулись к Михаилу, Елисей неожиданно попросил отвезти до автобуса, начал собираться.

— Батюшка, что такое? Пожили бы денек-другой! Так мы все ждали вас, уж так ждали! — удивился Михаил, сразу заволновавшись.

— Остался бы, но меня ждет другой храм. Он пока не полностью восстановлен, он — беззащитный ребенок, требующий постоянного пригляда. Так что не обесудь. Благодарю тебя за все. Храни Господь вас с матушкой и детишек ваших!

Михаил не стал возражать, выгнал из гаража машину и оставил двигатель включенным — чтобы прогрелся. Вскоре, простившись с Мариной, с детишками, которым обещал вновь приехать в гости, Елисей сказал:

— Теперь можно в путь!

По дороге до райцентра они говорили мало. Елисею было не до разговоров, потому что опять он уезжал от Елены, а Михаил, попробовав разговориться, но видя застывшее состояние гостя, в душу не лез, не приставал с расспросами о Свибле, хотя первоначально попытался. И вообще он совершенно не походил на того Михаила, который провожал в мае. Тогда от волнения он был на себя не похож, а в этот раз вел себя спокойнее, по-мужски, что ли. Это Елисей сразу заметил и подумал о том, что теперь, когда у него появились детки, Михаил сделался, не замечая этого, другим человеком с иной жизнью, и поэтому был сдержан в чувствах, прибегая к таким славным Артемке и Насте. «Что ж, так и должно быть, — подумал Елисей. — Не каждому выпадает такое счастье. Поэтому надо беречь его и охранять».

До области Елисей добрался вечером, когда последний автобус на Свиблу ушел. Первой была мысль о такси, и он даже поинтересовался у водителей, сколько будет стоить проезд, но когда услышал, что не меньше трех тысяч, то отказался от заманчивой идеи, подумав о том, сколько можно сделать для храма на три тысячи, и устроился в малолюдном зале ожидания, благо вокзал работал круглосуточно. Он про себя по памяти прочитал молитвы, перекусил захваченной из Владыкина постной булочкой, отпил из пластиковой бутылки несколько глотков травяного чая, а пирожки с мясом оставил на следующий день, родительскую субботу, и устроился в уголке, облокотившись о рюкзак и радуясь тому, что сумел сэконо- мить на такси.

На вокзале какой сон, тем более что временами появлялся полицейский и тор- мошил, не позволяя никому заснуть всерьез. Лишь под утро он пропал, видно, самого где-то сморило. А как пришло утро и засуетились пассажиры, Елисей купил билет и через два часа был в Свибле, за последние полгода ставшей родной; этим утром он это понял впервые, шагая меж спешащих на службу горожан, счита- я себя одним из них. Прежде-то они ему казались обычными, а теперь, после недавнего собрания в Доме культуры, близкими и неравнодушными, и объединя- ло их общее дело.

В какой-то момент его отвлекла мелодия телефона. Звонил Михаил.

— Батюшка, я уж волноваться стал. Все ли у вас нормально. А то вчера не сооб- щили, как добрались!

— А я вроде бы и не обещал! — усмехнулся Елисей, радуясь заботе и вниманию сердечного человека. Но не стал ничего рассказывать: лукавить не хотелось, но и откровенничать тоже. Поэтому успокоил:

— Не переживай! Я на месте, все, с Божией помощью, хорошо!

Без него в Свибле ничего сильно не изменилось, да и не могло. Лишь прибави- лось несколько пролетов ограды вокруг храма, оштукатурили еще одну колонну внутри. И будто сам собой возник вопрос: разбирать в скором времени леса или нет. Все зависело от того, будут расписывать храм или обойдутся побелкой. Если на роспись пока нет ни денег, ни времени, то надо белить стены и думать о настил- ке пола. В конце концов, так и решили, хотя Елисею это не очень радовало. Ведь что такое расписанный храм? Это — единая по стилистике художественная кар- тина с несколькими сюжетными линиями, передающая эпизоды церковной жиз- ни. Из этих картин издревле складывалось общее восприятие внутреннего убран-

ства храма: необычное для малописьменных и привычное, родное для воцерковленных прихожан. Для них это родной дом, где они были детьми Божиими. В век электроники никого не удивишь цветными доступными картинками — они в каждом доме в нескольких видах, но что чувствовал человек век тому назад, приходя в храм из отдаленной деревни, где в избах под божницей лишь по праздникам горела лампадка, а на стене чадила лучина, теперь и представить трудно. В ту пору душа такого прихожанина, надо думать, воспринимала убранство храмов как нечто недостижимое, которое может быть только в таком Божественном месте и нигде более. Во все века храм был доступной картинной галереей, но со временем ловкие люди научились получать выгоду от работ художников, устраивая выставки за пределами храмов, на которые простому человеку было не попасть. А в храме, пожалуйста, смотри и радуйся, сопереживай, надейся.

Все эти отвлеченные проблемы и вопросы проходили для Елисея будто бы стороной, издалека. Коснутся, заставят сосредоточиться — и будто нет их. Зато иная мысль — о Елене, о поездке во Владыкино — жила постоянно, и он не знал, как долго она будет терзать, прекрасно понимая, что подобные думы бесплодны, ничего иного, кроме разрушающих чувств, не приносящие душе. Но и совсем не думать о поездке было выше сил. Лишь заботы о храме отвлекали. В эти иссушающие дни он усерднее молился и помогал рабочим, находя в совместном с ними труде успокоение душе.

В какой-то момент он понял, что его собственные усилия и не нужны особенно-то, казалось, все завершится само собой. Ему надо думать о другом: как все окончательно организовать, свести воедино. Он вспомнил о певчих. Их необходимо готовить заранее, чтобы они знали ход богослужений, чтобы имелось у них полное творческое согласие со священником, чтобы в недалеком будущем они составили бы общий с ним ансамбль, а для этого необходимо распisać голоса на все праздничные и заупокойные молитвы. По учебе в семинарии Елисей помнил, участвуя в богослужениях псаломщиков, насколько это трудно. Иного человека и за год не подготовишь. И если с колоколами, плохо ли, хорошо ли, но есть некая ясность и уверенность в том, что они заработают в нужный момент по-настоящему, то с певчими ситуация создавалась тревожная. Как-то спросил у Варвары, может, она имеет в виду кого-то на эту роль, но та лишь отрицательно мотнула головой:

— Да откуда у нас такие... Не из музыкальной же школы приглашать!

О музыкальной школе Варвара сказала вроде бы несерьезно, но Елисей буквально ухватился за ее слова, как за соломинку.

— Варвара, какая же ты молодец! Что же я ранее-то не подумал об этом. Да и во Дворце культуры, думаю, имеется художественная самодеятельность! Два-три голоса — и пожалуйста, клирос не пустой.

— В Свибле есть одна старушка, она всю жизнь Псалтырь читала и в слободской церкви стояла на клиросе, — загадочно произнесла староста.

— Что же ты ранее-то молчала, садовая голова?!

— Почему же, как-то упоминала ее в самом начале, когда вы только приехали. Бабушка Жаворонкова, ну, та, что десять тысяч на храм пожертвовала. Она, конечно, в возрасте, сама-то давно не поет, но подсказать, подучить — это ей наверняка по силам. У нее и ноты песнопений, знаю, сохранились. Только согласится ли?

— Согласится. Как не согласиться помочь нашему храму. Тем более что она такая преданная. Как, кстати, ее звать-величать?

— Мария Петровна Жаворонкова она.

— Вот и прекрасно. А вообще-то было бы неплохо, если ты лично встретишься с ней — все-таки знакомый человек. А я бы навел справки в музыкальной школе, где, уверен, найдутся желающие.

Загоревшись возможностью привлечь певцов, Елисей сразу отправился к директору музыкальной школы. Ведь он лучше знает возможности своих преподавателей, их устремления. Спросив у вахтера, как пройти к директору, Елисей поднялся на второй этаж, постучался в дверь с табличкой. Услышав возглас: «Войдите» — прошел и увидел почтительно поднявшегося навстречу коренастого, подвижного мужчину средних лет, внешне похожего на Михаила из Владыкина, почтительно подавшего руку и отрекомендовавшегося:

— Владимир Владимирович.

Директор говорил суетливой скороговоркой, повторяя слова, словно суетой и подвижностью придавал им особую значимость, хотя и происходило это у него непринужденно. Елисей знал, что он служил десантником-спецназовцем, поэтому не стал затягивать с вопросом, сразу напористо высказал суть визита:

— Владимир Владимирович, очень рад вашему отношению к храму, поэтому не буду нести околесицу, а сразу объясню суть визита, чтобы не отнимать времени. А суть такова: рано или поздно храм будет освящен, начнутся службы, а какая служба без молитвенных песнопений? Не вам говорить, как подобные песнопения радуют прихожан и придают богослужениям возвышенность, помогают духовному наполнению и проявлению чувств. У вас, я знаю, есть хор, есть преподаватели с музыкальным образованием, поэтому вы лучше знаете, кто склонен к религии, кто готов взять на себя почетную миссию служения церкви и помощи нашим прихожанам. Естественно, что эта работа — тяжелая работа! — будет оплачиваться. Поговорите с такими людьми, вдруг кого-то заинтересует это предложение!

— Обязательно, отец Елисей, обязательно поговорю. О результатах обязательно доложу!

Елисей распрощался с директором, вышел на улицу, подумал: «Какой отзывчивый человек, как приятно с ним говорить. Ведь и говорили-то две минуты, а он весь как на ладони. Пусть даже ничего не получится из общей с ним затеи, но ведь не стал чваниться, показывать себя недоступным чинушей! Эх, все бы были такими!»

Решив разделаться с вопросом о певчих, Елисей отправился далее по центральной улице, решив заодно наведаться во Дворец культуры. Хотя час был не самый удобный, и в ДК почти никого не было, но директора — строгую женщину с прической, крашенной в цвет спелых каштанов и увенчанной старомодным пучком, все-таки обнаружил. Коротко изложил суть визита, сказав, что в их хоре есть очень сильные голоса. Подыграл, конечно, но по тому, как она сердито отвечала, понял, что вряд ли выгорит что-то определенное. Скорее всего, ничего не скажет своим хористкам, чтобы не отвлекать их, а если и скажет, то что-нибудь не так и не то. Поэтому, торопливо распрощавшись с директрисой, Елисей вспомнил о Варваре и решил попросить ее, как знающую местных жителей, навести справки о хористках и самой доверительно поговорить с теми, с кем считает нужным, постараться убедить их и заинтересовать.

Елисей хотел было вернуться в храм и обо всем этом поговорить с Варварой, а, глядя, она сама чуть ли не бежит навстречу, и сразу с криком:

— Ой, батюшка, беда! Большая беда!

— Что случилось? Что? Говори, садовая голова!

— Да как же. Николай-то ваш Зельцов, сатанинская душонка, в храм пса привел!

— Какой он мой! И как это — «привел»?

— Натурально. Зашел к строителям узнать, когда откроют храм, и кобелька за собой на цепке притащил! Что же теперь будет?!

— И где Николай-то теперь?

— Строители прогнали. Геннадий сказал ему, что если еще раз увидит около храма — ноги повыдергает! Ну и что теперь делать-то? Ведь вы и храм освящали малым чином, и купол-то с крестом освящали!

— Это так, но сам-то храм пока в ожидании. Но мы все равно обнесем его иконой.

— Ранее-то, сказывали, в таких случаях ходили Крестным ходом!

— А мы пока обойдемся молебном. Вот соберутся прихожане, и совершим это благое дело. Не переживай. У меня к тебе есть другая забота: поговори с участниками городского хора — ведь наверняка знаешь кого-то из них, спроси, есть ли желающие петь в храме. Прежде всего, поговори с теми, кто постарше.

— Одна такая есть в нашей общине — Наташа Родионова. Она всю жизнь в художественной самодеятельности заводилой была. Даже на баяне играла! Думаю, будет не против!

— Это хорошо, что баянистка. Значит, нотную грамоту знает.

— Да она и без нот может играть.

— Играть-то в храме не надо, а знание нот пригодится в песнопениях. Да и, помимо всего прочего, надо поговорить с бабушкой Жаворонковой, спросить, согласна ли она будет помочь певчим.

— Конечно, поговорю, батюшка! Мы же договорились. Понятно, что надо все заранее предусмотреть. А чтобы не откладывать этого дела, прямо сейчас и схожу! — Вот и правильно! — согласился Елисей и осенил ее крестным знамением.

Расставшись со старостой, Елисей пошел к храму и вдруг увидел мотающуюся из стороны в сторону седоватую собачонку с обвисшими ушами, а рядом с ней Зельцова. И сразу захотелось все высказать, что думал о нем в последнее время, но в очередной раз сдержался, заставил себя не обращать на него внимания, а тем более укорять и стыдить. Лишь перекрестился и прошептал, проходя мимо:

— Помоги ему, Господи!

16

Два дня у Зельцова не проходила обида на Варвару, опозорившую его перед людьми. Да и ладно бы заслуженно, а то ведь навет с ее стороны получился. А еще старостой считается, церковным человеком. Должна быть справедливой, всем пример давать, а она напраслину гонит. Хотя услышал-то эту напраслину Николай не от нее самой, а от собственной жены, где-то переговорившей с Варварой и теперь всячески досаждавшей. И хорошо еще, что лишь дома грызет и позорит, не вынося склоку на улицу. Так прямо и сказала, словно навсегда рвала все отношения:

— Я хотя и защищала тебя всегда, а в этот раз и не подумаю. Чем больше о тебе заботаешься, тем ты становишься нахальнее. Догадался, Байкала в храм привел! Вот спасибо — хорошая новость! И чего ты все вокруг храма-то болтаешься без причины, людям мешаешь работать?!

— Сама же послала, когда узнала, что у батюшки можно деньгу сшибить!

— Не выдумывай! Ты уж какой раз ходишь «сшибаешь», только что-то денег не видно! Что молчишь? Опростоволосился — погнали впереди собственного позора. Все ведь о тебе известно, как ни скрывай! — наседала она и наседала, а Николай не знал, чем ответить. Даже дочь настроила против. Потом и внучку. А вот зять, конечно, молодец: молчит и посмеивается.

Поэтому и Николай стал молчать, по опыту зная, что спорить с Елизаветой бесполезно, даже если она и не права. Раньше спорил, когда моложе был и зарплату солидную приносил. А как вышел на пенсию, то вроде и существовать перестал. Жена с утра насует заданий и отправляется в администрацию бумажки перекла-

дывать — вот и вся ее работа. А уж такой уставшей придет — тарелку за собой не помоет. Вся и забота, что стирать. Это самое любимое занятие. Запустит машинку — и на диван, да так грохнется и окончательно придавит его телесами, что все пружины того и гляди до потолка повыскакивают. А слова поперек не скажи, что, мол, бездельничаешь. Как же: при деле — стирает. А он-то знает, какое ее дело — десять раз выспаться можно, пока машинка жужжит. Николай в такие моменты мимо ходит, злится до невозможности. И на машинку, и на Елизавету.

Вот и сегодня та же картина: поужинала и стирать принялась. И все — ни гугу. А он тем более, хотя хочется доказать, что нет его вины в недавнем происшествии. Неосторожность есть, неосмотрительность — в наличии, но только не злой умысел. Он и сам не думал, что все так получится. И чем закончится. Если бы Елизавета знала, то молчала бы, не совала бы нос, куда не просят. А то умная нашлась: «Пса в храм привел!» Что, специально его завел? Голова-то пока имеется на плечах. Конечно, у добрых хозяев собаки не срываются с ошейника, ну а если сорвалась, если хозяева разгильдяи, то что тогда: казнить их прилюдно?

Николай переживал, ругался сам на себя и не знал, как объяснить происшествие, и если жене что-то пытаться втолковать — бесполезное занятие, то с Варварой просто необходимо переговорить, попросить, чтобы она и далее слух не распускала.

Он знал, что в полдень староста носит обед рабочим, и решил ее перехватить и поговорить по душам. Среди улицы, конечно, не будешь выяснять отношения, поэтому решил устроить засаду в сквере около памятника Ленину, где есть скамеечки, на которые можно присесть и поговорить. Но, подумав так, вдруг вспомнил, что у памятника Елизавета запросто может его увидеть, когда пойдет домой на обед. Так что надо менять диспозицию.

Поэтому на следующий день, за полчаса до полудня, Николай занял наблюдательный пост в другом сквере, в меньшем — в «бунгало», где летом молодежь распивает пиво и бречит вечерами на гитаре и мимо которого обязательно должна пройти Варвара. Пока Зельцов рассуждал, действительно, появилась Варвара с объемистой сумкой. Он было приготовился окликнуть старосту, а она возьми да заговори с какой-то невзрачной встречной бабенкой. Опять ожидание. Минут пять болтали, а как только расстались, Николай пошел следом за Варварой и окликнул ее.

— Погоди, Непряхина, притормози, разговор есть!

Варвара остановилась, сердито посмотрела на Зельцова:

— О чем разговор?

— О том, чтобы впредь языком не болтала невесть что! Зачем моей доложила о собачонке, а? Было бы тебе известно, что не приводил я ее в храм, а она сама сорвалась с привязи и за мной увязалась — я даже дверь не успел закрыть... Тем же моментом попытался схватить ее, а ты тут как тут! И чего, спрашивается, крик подняла, не разобравшись? Опозорила перед всеми. Я что, порядков не знаю?

— Молодец! Сам же смутил народ, а теперь виноватого ищешь. А зачем, спрашивается, в храм направился, если с собачонкой шел мимо? Пылил бы себе дальше на здоровье.

— А что, нелзя? Я ее в отдалении привязал, через дорогу. И моей вины нет, что она сорвалась.

— Есть! У крепких и заботливых хозяев собаки не срываются... Ну, ладно, я пошла — обед остынет!

Николай лишь скрипнул зубами. Пришла мысль самому поговорить с Елисе-ем, чтобы прижал хвост этой Варваре, но как к нему подступишься? Помнится его равнодушие, когда недавно встретились, а он и глазом не повел, будто мимо пустого места просквозил. Так что надеяться на его внимание нет возможности —

все будет впустую. А что надо сделать, чтобы Елисей обратил внимание, снизошел, так сказать, Николай не знал. Ну, не падать же на колени и просить прощения, размазывая слезы по щекам и судорожно цепляясь за рясу. За полоумного примет, вообще отвернется.

«И вот так всегда. Всю жизнь. Со всеми, — огорчительно думал Зельцов. — Будто кто с великим умыслом подталкивал в пропасть. Нет бы, одернуть, подсказать, подучить, помочь идти правильным шагом, в ногу со всеми. Нет... обязательно или посмеются, или пристыдят, или что-нибудь подстроят немислимое. И главное, свои же — родные и близкие люди, хорошие знакомые. И в первую очередь жена. С ней просто невозможно ни о чем договориться, она то добрая и бросается на защиту, а то наоборот — сама все жилы вытянет. Разве это справедливо? Уж лучше бы не защищала, но и не грызла, а была бы ровной, предсказуемой. Уж, помнится, в молодости такой уважительной казалась — и полслова, бывало, поперек не скажет. Все пела: «Коля, Коля, Мыколай — черемушку не ломай. Черемушка гнется — Мыколай смеется». Спойет нескладуху и чего-то хохочет полчаса — настоящая хохлушка. Смешно ей, видите ли. Ну, пусть хоть так. А то с годами ни песен не стало, ни доброго взгляда. Одна маета!»

Зельцов мог бы думать о себе бесконечно, но сколько ни будоражесь, надо возвращаться домой, пусть и без особенного результата после разговора с Варварой. Чтобы не усугублять паршивого настроения, в дом он не сразу зашел, а дождался за сараем, когда жена пообедает и уйдет на работу. Видеть ее совершенно не хотелось, особенно сегодня, сейчас.

Когда же, замерзнув, юркнул в дом, то собрал разбросанные утром дочерью и внучкой вещи, похлебал куриного супчика, а потом оделся, принес из сарая старые ремни, шило с дратвой, снятый с Байкала ошейник, а саму собаку запер в сарае, чтобы не сбежала. Часа два возился с новым — крепким и широким — ошейником из ремня от шкива, подогнав его под старую пряжку, намертво прошив дратвой, а для надежности еще и две глазастых заклепки забил и расплющил. Подергал готовое изделие и улыбнулся сам себе: «На таком ошейнике можно танк буксировать!»

Когда вернулся к собаке с обновкой, то Байкал сперва не захотел терпеть тугой ошейник, но после окрика Николая: «Что, порядка не любишь?» — смирился, позволил застегнуть на себе ошейник и забрался в будку, посмотрел на хозяина бесконечно печально и отвернулся. Чтобы уж совсем не портить с ним дружбы, Николай принес ковш супа с потрохами. Вылив похлебку в миску, сказал, все прощая:

— Поешь и перестань скулить. Спасибо скажи, что в прошлый раз вовремя поймал тебя, а то добегаешься, попадешься ребятам с живодерни — пощады от них не жди. Учти это.

Фамилия Любомировых, как сказала Варвара, известная в Свибле, со старыми, чуть ли не дворянскими корнями. Но родословная — ни своя, ни чужая — в здешнем околотке мало кого интересовала: люди более переживали о нынешнем дне и не думали о завтрашнем. Не горевали и о днях минувших, а вспоминали о них, как о библейской воде протекшей. Хотя имелись и такие, кто все-таки интересовался историей, но такие были не на виду. Их совсем мало, и походили они на пугливых серых пташек, нашедших пристанище в музее или библиотеке, или в ином тихом присутствии. Жили всегда в экономном режиме, но сильно не бедствовали, помня книжную мудрость: богат не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто мало тратит. Кто-то уважал их за это, а кто-то посмеивался: чудаки, мол, чего с них взять.

Именно к таким чудачкам Любомировым Варвара отвела на жительство Елисея через неделю после его возвращения из Владыкина.

— Вот вам, дорогая Ангелина Георгиевна, жилец, берегите его, помогайте, — едва поздоровавшись, заявила Варвара с порога. — Человек он одинокий, а потому заслуживает особенного внимания.

— Ну что же, — отозвалась по-девичьи стройная хозяйка, с легкой курносинкой и несимметричной седой завитушкой у правого виска. — Если рекомендуете, мы не против.

Варвара еще немного потараторила и распрощалась, словно хотела поскорее передать батюшку с рук на руки. Правда, пояснила:

— Предлагаю ему у меня жить, но он отказался, мол, времени нет таскаться из пятиэтажек через весь город. А у вас-то как хорошо будет: чуть спустился от храма под бугорок — и на месте.

Когда Варвара ушла, Елисей, осмотревшись, заметил, что дом устроен добротно, но без излишеств. Крепкий пятистенок из толстых сосен поделен на три комнаты. В большой — божница с ликами святых, на подоконниках герани, на полах ковровые дорожки, на диване и кровати покрывала, а на дверях в смежные комнаты занавески, отделанные кружевами. В просторной кухне, на месте которой в прежние времена, видимо, стояла печь, белым пеньком возвышался газовый отопитель, гнавший тепло по дому и в пристройку, где находился санузел с ванной. В общем, городская квартира со всеми удобствами. Елисей сразу оценил это преимущество после надоевшей жизни в кинобудке, занял меньшую комнату, в которой стоял высокий шкаф, очень удобный для одежды, стол, тумбочка и кровать. И более ничего, кроме тишины и покоя.

Оценив бытовое преимущество, Елисей понял, что окончательно устал от походной жизни, особенно в последние дни, когда по-настоящему заглодало и подчас голова раскалывалась от угарного тепла раскаленных самодельных печек, которыми было забито их временное жилище. Строители же, экономя деньги, отказались от возможного переселения, хотя Варвара и им подыскала жилье, остались в будке, решив в ней перебиваться до завершения работ и отъезда.

В самый первый вечер, когда зашел разговор о еде, Ковшов сразу отказался от услуг Ангелины Георгиевны, зная, что для рабочих Варвара по-прежнему будет приносить обеды; и для него, конечно, в том числе. Ведь где трое, там и четвертый прокормится. А уж утром и вечером можно выпить чаю и на квартире.

— Ну и зря отказываетесь! — слегка укорила хозяйка. — Вместе бы питались.

— Вам это будет неудобно. Ведь скоро начнется Рождественский пост, и что же — для меня одного тогда готовить?!

— Вот этого как раз и не надо опасаться. Мы с Владимиром Борисовичем вегетарианцы, и круглый год, можно сказать, постимся.

— И давно ли?

— Да всю жизнь почти. Еще с той поры, когда дети были маленькими. Работали мы тогда в библиотеке: я на абонементе сидела, а Владимир Борисович в отделе комплектования. Сами понимаете, зарплаты маленькие, из хозяйства лишь несколько грядок в крошечном огороде. И как-то само собой получилось, что мы из экономии стали «травоядными». С годами привыкли. Деток, конечно, кормили, как положено, а сами картошечкой, помидорчиками питались, щи любили зеленые, капустку квашеную; летом грибами запасались. С тех пор дети выросли и разъехались — у нас две дочки, — а мы так и не стали переучиваться на привычную всем еду. И не страдаем от этого. Нам за шестьдесят, а давление в норме. В общем, не жалуемся. Так что зря вы от нас отдалаетесь.

— Не совсем отдаляюсь. Вот как строители уедут и Варвара перестанет варить обеды, то мне хочешь не хочешь, а придется задуматься о своем пропитании...

Пока они разговаривали, им никто не мешал, а как наступила пауза, то из большой комнаты вышел высокий и худой, с залысинами до затылка, но так же молодо выглядывший хозяин и хмуро сказал, обратившись к жене:

— Так в свою веру не обращают! Пусть батюшка осмотрится, поживет маленько, а уж потом будем решать, что с ним делать! — хозяин подошел к Елисею, поцеловал его руку, с поклоном принял благословение и представился:

— Владимир Борисович, а вот эта хлопотливая дама — моя супруга, как вы догадались. Она еще в детстве вообразулей была. Уж такая заковыристая — под стать имени. Мы тогда, ребятня, дурачками были. Увидим ее и ну дразнить Ангелочком. Мол, помаши, Ангелочек, крылышками, а она нам в ответ непременно язык покажет и покраснеет от обиды... Нам смешно, а если уж и пальцем у виска покрутит, то вообще закатываемся со смеху. А вот если повеличаешь Ангелиной Георгиевной, то непременно улыбнется, а в глаза все равно не посмотрит — ни-ни!

Елисею стало приятно, что хозяин по-доброму относится к религии, не манерничает и вполне открыт для разговора, и о домашних делах говорит с юмором. Правда, недолго: принес из почтового ящика газету и, извинившись, вернулся в комнату, сказал на ходу:

— У каждого, батюшка, свое послушание!

Елисей не понял, о каком послушании идет речь, но хозяйка пояснила:

— Всемирную летопись создает! Уже много лет записывает, что произошло в мире, стране, в районе. У него, например, есть запись о начале восстановления нашего храма.

— А-а, в этом смысле...

— И не только, — отозвался Владимир Борисович из комнаты. — У каждого оно свое с самого детства, когда человек учится, работает, воспитывает детей. Он и к Господу Богу отходит, находясь в послушании.

Елисей улыбнулся:

— Вы, Владимир Борисович, философ, оказывается... Свой взгляд на жизнь имеете!

— О чем вы? Это каждому известно. Мое послушание заключается в самом простом: запечатлеть на бумаге основные события. Чтобы наши потомки знали, что было до них, чтобы не были теми самыми Иванами... Вот взять, к примеру, ваше появление в Свибле. Когда оно произошло? Спроси любого — никто теперь не скажет, когда именно. А у меня зафиксировано в первой записи о приезде священника, то есть вас, уважаемый отец Елисей, и относится эта запись ко вторнику, 17 мая. А вторая — по факту освящения креста надвратной колокольни — к восьмому сентября, как раз на праздник Иконы Божией Матери Владимирской. Пока, как говорят журналисты, только два значимых информационных повода для записи. Вот когда освятят и откроют храм, будет третий — самый важный по этой теме. Так что ждем, отец Елисей!

— Откуда же вы о праздниках-то церковных знаете?

— Все просто. Купил церковный календарь и пользуюсь.

— А в храме-то бываете? Что-то я не замечал вас.

— Георгиевна за двоих молится. Прежде-то по большим праздникам в слободу ходила, а теперь к вам... Да и некогда мне — дел-то сколько. Надо бы, конечно, ноутбук освоить. Второй ведь год прозябает без дела, как младшая дочь подарила, а у меня нет на него времени. Да и некому особенно подсказать. Так что мне по старинке проще, привычнее.

Поговорив, будто сам с собой, хозяин замолчал, и было слышно, как он зашелестел страницами.

— А вас, Ангелина Георгиевна, я действительно замечал в храме. Да и делом, помню, вы помогали, спасибо.

— Да и как же не заметить, если я в общину записана.

— Это хорошо. А дочки-то ваши как относятся к религии?

— Ох, батюшка, у них своя жизнь, как обе вышли замуж, детей нарожали, так и отдалились. Ведь обе в Москве живут. Беда. Хотя жаловаться не могу — зятя рукастые, зарабатывают хорошо. Это они нам дом-то весь переделали, газ подвели.

— Навещают?

— Летом постоянно. Домик себе сделали гостевой, на два входа. С семьями заезжают, отоспятся, потом на речку. Наплаваются, позагорают, а вечером обязательно огород поливают; хотя сейчас это несложно, когда водопровод есть, но все равно ворчат, что, мол, все можно на рынке купить. Купить-то, конечно, в наше время можно легко, но со своего-то участка полезнее — химией-то мы не пользуемся.

Елисей понял, что с хозяевами можно болтать бесконечно — так они соскучились по обычным разговорам. Но как потом оказалось, разговорчивыми были только в первый день. Или он их попросту не видел, потому что пропадал в храме. А когда возвращался поздним часом, то сил оставалось только на молитву, а потом сразу проваливался в сон.

Распознав его распорядок, хозяева квартиранту не досаждали, каждый занимался своим делом. Владимир Борисович, откушав по утрам овсянки на воде и попив чаю с душицей, закрывался у себя, изучая вчерашние газеты, если они были, и смотрел телевизионные новости, выбирая для записей наиболее важные, прежде всего политические. Иногда записывал курьезные, поучительные случаи. В общем, все, что, на его взгляд, имело значение для потомков. Для них он собирал и вырезки из газет, и, по словам Ангелины Георгиевны, скопилось десятка полтора коробок с этими вырезками, и она не знала, что с ними делать. Говорить же с мужем на тему того, что коробки являются прекрасными сборщиками пыли — бесполезно. «В музей отдашь, когда меня не будет, это же бесценный материал для будущих поколений!» — как-то иронично пожаловалась хозяйка словами мужа. Но я узнавала в музее — подобные приобретения, если можно так сказать, они не делают».

Сама же Ангелина Георгиевна не все жаловалась на пыль от коробок. Как заметил Елисей, каждое утро она начинала с неперменной влажной уборки, и не просто протирала шваброй доступные места, а, ползая на коленях, мокрой тряпкой истребляла невидимую пыль под шкафами, диваном, кроватями. И это ей доставляло явное удовольствие.

— Не тяжело? — как-то, жалеючи, спросил Елисей.

— Это вместо зарядки, — улыбнулась она. — Не могу по-иному. Как-то попробовала делать уборку через день — места себе не находила. Даже с Борисовичем поссорилась, когда попросила отнести коробки в сарай! Нет, не понес. Говорит, там мыши хозяйничают, все погрызут! Вот как, спрашивается, с таким человеком жить?! — без обиды, шутливо спросила она.

Что мог ответить Елисей? Конечно же, тоже отшутился, не отваживаясь принимать чью-то сторону. Хотя жизнь чужой семьи его особенно не касалась, но очень скоро он сделался в ней своим, даже, как понял, привычным, когда стал замечать, что вечерами Ангелина Георгиевна ждала его, расположившись в кресле и придвинув настольную лампу. Услышав его и отложив книгу, она радостно встречала постояльца.

— Опять из-за меня не спите? — спрашивал он.

— Почему же... Я — «сова». Чтобы меня рано уложить, должно произойти что-то необыкновенное. Это Борисович у нас «жаворонок» — ни свет, ни заря, а он уж в своих тетрадках пишет, а потом, как солнышко к горизонту, сразу же на боковую.

Дождавшись, пока Елисей помоеет руки, она заставляла ужинать, если это было возможно, скоромным, а Елисей всякий раз, стесняясь, отговаривался.

— Варвара меня со строителями кормит!

— Пусть даже и так... День-то большой. Сколько в хлопотах сил потратите — пропасть! Так что не упрямитесь, батюшка, а живо за стол!

Хозяйка действительно соблюдала церковный календарь, и мало-помалу Елисей привык к домашним ужинам, тем более что до Рождественского поста оставалось совсем немного, и можно было побаловать себя. Но однажды заупрямился.

— Дайте слово, что при расчете за месяц это все учтется! — как-то сказал он, неожиданно засмутившись.

— Мне что, тетрадку, не хуже супруга, завести и все записывать?!

— И все-таки я настаиваю. В противном случае...

— Что в противном случае... — забастовка, восстание?! — улыбнулась хозяйка.

Далее спорить было бесполезно, спор бы выглядел кокетством с его стороны, а ему это не нужно было, но последнее слово он оставил за собой:

— И все-таки будет по-моему! И не спорьте, пожалуйста! — Желая сменить разговор, спросил: — Вы всегда на ночь читаете?

— Начала читать, вас вечерами ожидаючи, вернее перечитывать. И что интересно, казалось бы, известные авторы, произведения, герои — все известное, а воспринимается по-иному: более глубоко, свежо, с совершенно иным ароматом и почти необъяснимым послевкусием, словно встретила давних прелестных знакомых, поговорила с ними, обменялась новостями.

— Это в вас говорит прежняя работа.

— Несомненно... хотя не только. Когда-то приходилось много читать, но что это за чтение? Классику, конечно, знала, а поступит новинка — пробежишь глазами по диагонали, поймешь, в чем суть, и за следующую книжку. И как можно скорее, а то иной читатель спросит что-то новенькое, а как толково ответить, если сама не читала. Поэтому и приходилось ночами сидеть, а иначе — какой я библиотекарь. Вы-то, наверно, тоже много читаете?

— В юности, да, много... А в семинарии — церковные книги, жития... Но сейчас не до них, сами понимаете.

— Ну что же, всему свое время.

В последующие дни подобные разговоры возникали сами собой, и чем чаще они повторялись, тем острее Елисей проникался новыми для себя мыслями. Но думал в похожие моменты не о себе, нет, а о жителях Свиблы. Чем более расширялся круг его знакомств, тем отчетливее он начинал понимать сущность свибловчан: разных, не похожих один на другого, но вместе составлявших единое целое. Собственной непохожестью они словно добавляли свои черты в общий характер. К каждому из них ему хотелось прикоснуться душой, с каждым поговорить откровенно обо всем, что мучило и не давало покоя. Ведь мысли о Елене у него не пропали ни на минуту. Хоть и откровенничал он с Варварой или с Любомировыми, но все-таки понимал, что они чужие для него люди, и никогда он им не расскажет, что мучает по-настоящему, о чем невидимыми слезами плачет его душа. А уж что будет потом — лишь Господу известно.

Ангелина Георгиевна, наверно, замечала его состояние, иногда будто случайными вопросами пыталась выведать его мысли и чувства, даже рассмешить.

— Батюшка Елисей, посоветуйте, как поступить? — будто бы серьезно однажды спросила она.

— А что случилось?

— Сегодня знакомая в магазине спросила, когда увидела, что я купила сыр и сосиски: «Вы же скоромное не употребляете! Или конец диеты?» Я, растерявшись,

что-то промямлила, но что мне ответить, если в следующий раз кто-нибудь спросит об этом?

— Ответьте, что, мол, у нас гость необычный — уж такой мясоед, каких свет не видывал! — попытался улыбнуться он, но не очень-то это у него получилось.

И Любомирова поняла, что в шутливом ответе он так и не раскрыл себя, свои настоящие мысли, и не решилась более надоедать, показаться навязчивой.

Закружившись в повседневной суете, Елисей Ковшов иногда начинал сомневаться в своем предназначении, ибо не понимал, кто он на самом деле: священник или прораб и снабженец, а может, и того солиднее — директор строительства, хотя это так и получалось. Ведь все заботы, в конце концов, сваливались именно на него, и никто, кроме него, не мог что-то решить окончательно. Обсудить — да, посоветоваться — да, но последнее слово оставалось все-таки за ним.

Когда оштукатурили колонны, стены и своды, то возник конкретный вопрос, чем настилать пол. Геннадий предлагал уложить плитку орнаментом, но Елисею хотелось дощатый пол. Ведь что может сравниться с теплом дерева, его смоляным запахом? Он хотя и городской по рождению человек, но, однажды увидев в доме одной из прихожанок сосновые некрашенные половицы, светившиеся шафрановой желтизной, помнится, удивился: «Это вы чем же так покрыли полы, что они, как солнышко, горят?» — «Кирпичом, батюшка, натерла, да песком речным!» — «А не практичнее ли покрасить?» — «Нет, батюшка, от краски воздух тяжелый, особенно первое время, а сосновым-то дыши — не надышишься!» — «Да ведь уютительно всякий раз натирать полы песком!» — «А мне это даже в радость, для себя же стараюсь!»

Далее спорить казалось бесполезным делом, и Елисей в душе согласился с хозяйкой, что, да, такой пол, конечно, хорош для дома, но для общественного места непригоден: износится быстро, сучки начнут выпирать, да и не станешь натирать пол в храме речным песком. Поэтому сперва согласившись с Геннадием, все-таки решил покрыть пол ламинатом, что и по цене выходило дешевле, чем укладывать орнаменты из плитки, да и хотелось отпустить рабочих к Новому году.

Елисей знал, что вскоре ему предстоит окончательно расплачиваться со строителями, которые уже обустраивали алтарь, и надо было думать, где раздобыть денег, но в эти студеные дни начала зимы его преследовала совсем другая забота, отвлекавшая от основного дела. Теперь он чуть ли не каждый день стал ходить на холм, с которого просматривались такие дали, казалось, чуть ли не на пол-России. Но взгляд свой простирали лишь на юго-запад — туда, где покоилась на погосте матушка Елена... Зачем он это делал, что это ему давало — он не мог объяснить себе. Это, необъяснимое, постоянно влекло на обрывистый холм, заставляло смотреть и смотреть в заснеженную даль, расписанную темными жгутами лесополос и разделенную пополам скрывающейся за горизонтом лентой шоссе, словно от этого могло что-то измениться, приблизить хотя бы мысленно место упокоения Елены.

Иногда от мыслей и чувств он не сдерживался, проливался слезами, пытался затворить их — и не мог. В какой-то момент приходили холодные, неподъемные мысли о самом себе, от них закрадывалось сомнение в том пути, который он когда-то выбрал, вопреки воле близких людей. И может, пришло время пересмотреть взгляды и отношение к самому себе, к собственной жизни. Ведь это легко сделать: доложить благочинному, встретиться с митрополитом — ведь никто же не будет удерживать силой. Поговорил, высказался, очистил совесть — и свободен, как птица небесная, лети куда хочешь! И всякий раз, рассуждая так, он по-

нимал, что подобное поведение теперь невозможно. И не из-за боязни ослабления, а от собственного ощущения, подсказывавшего, что окончательно растеряется, изгнав себя из Православия, уподобится никчемному Николаю, приведшему пса в храм. И как тогда жить, смотреть людям в глаза, если будет страшно заглянуть даже в собственную душу, в которой поселится мрак и холод, и окончательное опустошение и отчаяние человека, сродни оказавшемуся среди бурных волн моря, отчалившему от одного берега и не причалившему к другому? Как жить без Бога в полном одиночестве?! Пока он с ним, душа не одинока, она всегда будет чувствовать поддержку и защиту. А без этого он и сам будет неприкаянным, никому не нужным... От беспощадных мыслей и чувств он переставал сдерживаться, вновь и вновь давал волю слезам, зная, что никто его не видит, и, выплакавшись, окончательно замерзнув, возвращался в храм и долго не мог отогреться. И лишь молитвами согревал себя и свою тревожную душу.

Отогревшись в работе и заботах, он забывался на день-другой, но потом его вновь влекло на окраину Свиблы.

Его походы заметила Варвара, как-то укорила:

— Батюшка, вы почему-то часто стали ходить на бугор, возвращаетесь замерзшим, выглядите не ахти и подкрепиться не можете — пост ведь идет. Вам надо силы беречь, а вы ходите с красными глазами, и бледные до невозможности. Вас того и гляди ветром снесет!

Елисею не хотелось что-либо объяснять, он вяло отнекивался, но когда староста уж очень наседала, отговаривался:

— Не называй, пожалуйста, святое место бугром. Это холм, овеянный славой, политый кровью древних защитников города, не пожалевших своего живота. И слава о них будет передаваться из поколения в поколение. Ну а то, что наведываюсь туда, так у каждого есть свои причуды. Не обращай внимания.

— Ой ли... Замечать я стала, что после поездки во Владыкино, вы уж очень изменились. Уезжали одним, а вернулись совсем-совсем другим. Может, вас подменили там? Или что-то сердечное заставляет переживать и волноваться. Если это так, то и в нашей Свибле можете подыскать себе матушку.

— Варвара, говорил же тебе: я теперь в черном духовенстве, а это значит, что мне не обязательно думать о своей личной жизни.

— Может, и не обязательно, но это только пока. Она такая, кручина: не хочешь, да заставит!

— На то и существуют правила, голова твоя садовая, чтобы придерживаться их. Ведь неспроста они писаны мудрыми старцами не для потехи, а для исполнения.

— Ну, смотрите сами. Я от сердца, — вздохнула Варвара. Ей очень хотелось сказать, что Елисей ей стал за сына, самого младшего, заботиться о котором надо более всего, если уж свои поразъехались и носа не показывают.

— Спасибо, что печешься, но нам с тобой надо более думать о другом — о том, как подготовиться к освящению храма. Ведь основные работы закончены, и, стало быть, в скором времени надо ожидать прибытия митрополита. А ведь это экзамен всем нам. И хорошо, что напшились певчие, и бабушка Жаворонкова занимается с ними. А вот взять, к примеру, наличие диакона. Где он? Нет пока, и неизвестно, когда будет. Допустим, что на освящение храма диакон прибудет с митрополитом, или благочинный пришлет кого-нибудь из местных, а как далее нам быть? Службу, конечно, можно вести и без диакона, это допускается, но это совсем не та будет служба: без должного течения и, осмелюсь сказать, без должного впечатления. Ведь в церковной службе все важно. И пусть она кому-то кажется затянутой, непонятной, но это лишь тому, кто все делает в спешке, в том числе и участвует в богослужении. Тот же прихожанин, который понимает суть происходящего, зна-

ет его ход, получает душевное расположение и умиротворение... Это я к тому говорю, что священник, с момента рукоположения и принятия им божественного сана, не принадлежит себе.

— Простите, батюшка! Ведь душа болит за вас, вы родней родного нам всем стали. Как же не заботиться-то!

— За заботу спасибо, но давай поговорим об этом в другой раз.

— О ком же мне заботиться, как не о вас.

— Не продолжай более...

Елисей понимал, конечно, что Варвара — словоохотливая и по природе своей, и по обстоятельствам. Живет одна, хотя имеет детей, внуки есть, но приезжают они к ней почему-то редко. По крайней мере, Елисей за минувшие полгода не видел и не слышал, чтобы она говорила о гостях. Ладно, сейчас зима идет. А летом-то почему не навестить мать и бабушку? Никогда он не спрашивал об этом, а сейчас решил на вопрос, который кому бы иному не задал, но если уж пошел такой откровенный разговор, спросил:

— А что же дети тебя не жалуют вниманием? Ведь это не по вере нашей!

— Занудой считают. У меня ведь мама была богомольной, ни одной службы, бывало, в слободском храме не пропустит. А ночами Псалтырь читала по усопшим, с Жаворонковой на пару ходила. За 10–15 километров мотались — и в дождь, и в стужу. Никому не отказывали. Когда же пришла пора пенсию оформлять и пошла мама по инстанциям, то тогдашняя председатель горсовета прямо ей сказала: «Ты, говорит, Иванникова, стажа не имеешь! Поэтому тебе сама маленькая пенсия полагается, как тунейдке». — «Какая же я тунейдка, если всю жизнь людям служу?!» — «Покойникам ты служишь. Вот с них и спрашивай пенсию! А от государства — только минимальную по старости получишь, хотя, будь моя воля, я бы и такой не дала!» — «А я до войны в колхозе работала. Это что — не в счет?» — «Может, и работала, а документов соответствующих не представила!» — «Где же их взять, если сгорели?!» — «Во всех архивах не могли сгореть!» — «Если не верите мне, тогда никакой вашей подачки не надо!»

— Так и отказалась?

— Отказалась. Повернулась и ушла. Но пенсию ей все равно оформили, а я получила за нее по доверенности... Райфинотделу надо было как-то отчитываться.

— Интересная история. Только не ответила, почему тебя дети и внуки не жалуют?

— Все потому же — правду в глаза говорю. А мама заставляла читать церковные книги. Когда ее Бог призвал к себе, я стала внуков приобщать, но не очень-то у меня это получилось. Да и дети были против. Мол, чего я к ним цепляюсь. А как же не цепляться-то, если видела, что происходит. Старший-то внук лет с пятнадцати курить стал в открытую, потом к наркотикам пристрастился. И никто ему стал не указ. В армию его не взяли, он и совсем распустился. Прошлым летом схоронили. Девятнадцать лет всего было. После этого я же оказалась перед детьми виноватая: мол, вместе со своей матерью обкормила ребят религией. А как это можно кого-то чем-то обкормить? Это только гусей перед забоем насильно пичкают. Мои-то не понимали этого, вели себя так, словно я их в чем-то обманывала. А кто верит в Бога искренне, тот никогда не станет обманывать, потому что обмануть можно кого угодно, даже себя, но не Господа. Он все видит и знает!

Елисей вздохнул:

— Правильно, Варвара, все так и есть. И можно только сожалеть, что многие это слишком поздно понимают.

— Чтой-то я все о себе, да о себе. Мне тут как-то бабушка Жаворонкова намекнула, что хочет поговорить с вами. Как-нибудь зашли бы к ней, она будет рада. А то ведь из-за больных ног живет затворницей, а ведь когда-то уж такая шустрая была.

— Как-нибудь вместе сходим. Так, наверное, лучше будет. Познакомимся, посмотрим тексты песнопений.

— Насчет этого не сомневайтесь! Они все по уставу! Когда пойдем?

— Варвара, не торопи. В ближайшие дни обязательно!

От услышанного староста оживилась:

— Зайду к ней сегодня, скажу, чтобы ждала вас! Так?

— Сейчас же и отправляйся, чего же медлить, — отговорился он поспешно, желая прекратить затянувшийся разговор.

И Варвара не могла послушаться, словно из-за послушания потеряла бы Елисея. Они, хотя и не открывничали никогда друг перед другом, но чувствовали нечто общее, что сближало их, людей разных поколений, и имя этому сближению — душевная неустроенность. Да и Жаворонкова такая же обездоленная, одинокая и всеми забытая. Поэтому Варвара и тянулась к ней, всегда помогала, зная, что никогда не бросит ее, не найдет на это сил, даже если вдруг и захотелось бы этого.

На пути к Жаворонковой она, совсем неожиданно для себя, расплакалась. Шла и чуть ли не в голос ревела, вспоминая свою матушку, детей и внуков — всю семью. Почему-то вспомнилось, что горести начались после гибели мужа, работавшего в лесничестве и угодившего на валке леса под падающее дерево. Ей тогда и тридцати не было, а на руках двое детишек остались. А их, плохо ли, хорошо ли, надо накормить, одеть-обуть, в школу в августе собрать. А заработка особого не было, хотя и убиралась в трех конторах. Частенько ходила с матерью читать Псалтырь, да только какой это заработок? Хорошо, если когда трешку заплата, а так и двумя рублями довольствовались. Деньги небольшие, но и они казались хорошей прибавкой к нищенской зарплате да мизерному пособию на детей, потерявших кормильца. Хотя и семидесятые годы начались, а в стране только-только в себя пришли после войны, жирком не успели обрасти и привыкнуть к зажиточности. Поэтому и отдавали детям все лучшее — и в еде, и в одежде. А те выросли и не особенно чтили бабушку и мать, даже укоряли, называли монашками, но от денег не отказывались даже тогда, когда женились и у самих появились детки, росшие вольно, сами по себе. Вот и выросли, оперились. Не стало у старшего одного сына, да и со вторым тоже не все в порядке. Хорошо, что внучка у младшего более или менее правильного поведения. Хотя замуж недавно вышла, а на свадьбу так и не позвала — называется, пожалела. Мол, бабушке тяжело ехать в Сибирь. Эх, вздохнешь и ничего не скажешь. Или взять летний случай, о котором могла, но не стала рассказывать Елисею, спросившего о детях: мол, почему не навещают? Как же — навещают, еще как навещают. Последний приезд старшего сына надолго запомнится. Ехал с семьей на машине из Крыма, да опаздывал на работу, потеряв двое суток в дороге на ремонт. Обещал заехать на денек-другой, а пробыл всего полчаса. Попили чаю гости дорогие, посмотрела Варвара на сноху и внука-старшеклассника — и пора расставаться. Зато оставили на память арбуз. «Вот, мол, тебе, бабушка, что заслужила, то и получай!» Мол, позвоним! А когда — неизвестно. Может, к следующему лету догадаются.

Еле-еле Варвара успокоилась от мыслей, от вернувшейся обиды, но не до конца, поэтому и к Жаворонковой не пошла в таком виде — решила, не хуже батюшки, отложить визит.

Если же, расставшись с Варварой, почувствовал себя виноватым перед ней, словно начал тяготиться общением, и не потому, что оно оказалось неприятным, а по причине других забот и нехватки времени. Хочешь не хочешь, а через несколько дней надо расплачиваться с рабочими, заканчивающими благоустройство алтаря. А чем расплачиваться — вопрос. Небольшой запас средств имелся, но их явно не хватит на расчет и на окончательное обустройство храма. В такой ситуации остается одна надежда — на брата. Даст Федор денег — можно будет планы строить, не даст — заковыка!

Не откладывая разговора, Елисей позвонил ему, ни на что особенно не надеясь, а как позвонил, то оказалось впустую, хотя и услышал голос Федора, но не более того.

— Еля, — назвал он Елисея по-домашнему, ничего не объясняя, — позвони позже. Сейчас форс-мажор!

От поспешных слов брата, показавшимися небрежными и неуважительными, Елисей будто съезжился. В другой бы раз обиделся, но сейчас не тот случай. Обижайся не обижайся, а кланяться все равно придется — деваться некуда. «Поклонился» после обеда. Голос у Федора стал совсем иным: спокойным, даже вальяжным и слегка ироничным.

— Молодец, брат! Знаешь, когда названивать. Только что подписал контракт, так что я сейчас добрый. Ладно, сразу уж говори, сколько просить будешь. Ты ведь только по этому поводу вспоминаешь обо мне.

— Со строителями расплатиться и храм внутри обустроить.

— Пол-лимона, конечно, мало?

— Почему же. С избытком, думаю!

— Не говори так. Денег никогда много не бывает. Ладно, договорились: в ближайшие день-два деньги перечислю. Только учти — это в последний раз!

— Учел. Спасибо за напоминание. А вообще-то ты не знаешь, как я благодарен тебе. Буду молиться за твое здоровье до скончания своего.

— За это, конечно, спасибо, хотя я знаю об этом, но лучше скажи, когда за здоровье мамы молился и звонил ей? Чего молчишь-то?! Она ведь переживает. Никогда не спросит, как у меня идут дела, а все о тебе печется: как там Еля в своей Сибиле, не голодный ли, не болеет ли?!

— И за нее молюсь... И сейчас же позвоню!

— Все, пока, будь здоров, звони ей!

Окончив разговор с братом, Елисей набрал знакомый номер. Услышав голос матери, тихо сказал:

— Мам, это я, твой Еля...

19

Собираясь поговорить со старушкой Жаворонковой о певчих для клироса, Елисей попал к ней лишь через неделю — на второй день Николая Зимнего, когда немного освободился от забот.

Строители к этому дню обустроили алтарь и получили расчет. Интересным получилось прощание с их бригадиром.

— Вы уж, батюшка, помните человека по фамилии Дацкало! — сказал Геннадий. — Ведь «дацкал», в переводе с нашего языка — дьячок, диакон. Так что я тоже, можно сказать, церковный человек. И вера у нас одна. И работал на совесть, как и мои товарищи!

— Спасибо, дорогой! Я это сразу заметил, и никто из вас не роптал, когда скудна была наша трапеза, но теперь, думаю, ко мне нареканий нет.

— Что вы, батюшка, их и не было никогда.

— Ну и слава Богу! Буду молиться за вас!

Елисей по-братски обнялся с Геннадием и двумя рабочими, собравшимися домой к Новому году, следом за другими земляками.

После отъезда рабочих женщины из общины несколько дней наводили в храме лоск. Елисей поспешно смотался, не заезжая к матери, в Софрино, запасая необходимой утварью, свечами — всем, что нужно для освящения восстановленного храма. Как только вернулся, староста Варвара прицепилась, напомнила о Жаворонковой, а та ей в свою очередь все уши прожужжала: мол, когда да когда же придет батюшка исповедовать.

— Ей что, так немощу, что несколько дней подождать не может? Я уж полгода в Свибле, а так только вспомнила?! Сейчас ведь самое горячее время в храме, — сердился и выговаривал Елисей старосте по дороге.

Собственно, дороги не было, а петлял крутой спуск среди бурьяна к заснеженной, приплюснутой крыше, хорошо видимой с холма, белым пятном выделявшейся среди черных зарослей узловатых кустов акации.

— Не сердитесь, старенькая она, почти не ходит, каждый день плачет, — поясняла Варвара, семена на спуске и невольно цепляясь за Елисея. — Видно, девчата-певчие душу ей разбередили, вот она и слезится от радости, когда они приходят на спевки. Их ведь четверо подобралось — на все голоса. Одна из музыкальной школы, две из районного хора, а девчущка-старшеклассница сама по себе пришла. Голосок у нее просто ангельский: слушаешь — не наслушаешься.

— Надо будет посмотреть, что они распевают.

— Что вы, батюшка, Жаворонкова — надежный человек, устав знает.

Елисей понимал, что сердится напрасно, говоря о Жаворонковой, но и не сердиться не мог. Он хорошо помнил ее первоначальную, солидную для пенсионерки помощь храму, благодарил в душе неоднократно, но ведь нельзя же все замыкать на одном человеке. Значит, ей отдельное внимание, а другим в порядке общей очереди!

Скользя и спотыкаясь, они добрались до нужного дома, и, остановившись перед крыльцом, Елисей вздохнул:

— Ну, стучи своей старице!

— Да у меня ключ есть! — похвалилась Варвара и, щелкнув замком, открыла скрипнувшую дверь. — Пойдемте! — С порога крикнула: — Марь Петровна, ты жива ли?!

— Жива, жива, — донесся из комнаты слабый голос.

— Я не одна — с батюшкой...

— Ой-ой-ой, — радостно заойкала хозяйка, пока невидимая. — Проходите в зал, я здесь.

Путаясь в гардинах, они прошли в крохотный зал, где громоздился шкаф в углу, рядом с ним кровать, загораживавшая его, стол со стульями и высокое кресло, с прислоненными к нему «ходунками». А в самом кресле Елисей увидел совсем седую скукоженную старушку. Хозяйка подалась навстречу гостю, попыталась встать, а он, зная, что она почти не ходит, опустился перед ней на колено, подставив руку для поцелуя, а когда она, дрожа от напряжения, прикоснулась к ним сухими губами, перекрестил ее.

Мария Петровна беззвучно плакала, а они стояли рядом и не знали, как успокоить, что сказать в утешение.

— Все хорошо, все хорошо, — приговаривал Елисей, прикасаясь к вздрагивающему плечу Жаворонковой. Повторил это неоднократно, и она понемногу успокоилась, перестала вздрагивать, попросила Варвару:

— Напой батюшку чаем!

Варвара отправилась в кухню, следом за ней, привычно подхалимничая, убежала серая кошка, а Мария Петровна села повыше, вздохнула:

— Как же я долго вас ждала... — и вновь затряслась, засморкалась.

— Вот и дождались, что же плакать?!

— Грех на мне, большой грех всю жизнь несла, а сегодня, видно, с Божией помощью очищусь. Вы бы исповедали меня...

В этот момент в комнату заглянула Варвара, спросила:

— Петровна, варенье-то какое взять?

Но ответа она не получила, лишь увидела жест Елисея, попросившего не мешать...

Елисей накрыл седую голову епитрахилью, произнес разрешительную молит-

ву и выслушал хозяйку. Узнав, что она «грешна», не стал допытываться и уточнять причину ее греха. Жаворонкова вновь заплакала. Елисей же молчал, понимая, что старушке надо выплакаться. Когда она вздохнула, достала из-за кружевного манжета кофты платочек и промокнула остаток слез, то остановила Варвару, пытавшуюся подавать чай.

— Погоди, Варя. У нас дело посерьезнее есть. Пока батюшка будет исполнять мою просьбу, ты приготовь полотенце.

— Это для чего еще?

— Сейчас увидишь и поймешь. А вас я попрошу, — обратилась она к Елисею, — исполнить долгожданное для меня дело, уж извините, связанное с пыльной работой... Отодвиньте кровать и загляните за шкаф. Там увидите всякий хлам — он не гробостный. Кошку я туда не допускаю.

Елисей неуверенно заглянул за старинный, с растрескавшимися фанерными боками шкаф и, ничего не увидев особенного, вопрошающе и с укоризной посмотрел на хозяйку, словно сказал, что такие шутки неуместны:

— И что дальше?

— Под хламом покоится рогожный куль. Давно покоится. Доставайте его. В нем икона.

Елисей отодвинул кровать и принялся молча и аккуратно, чтобы не пылить, убирать тряпье и бумаги, складывать их рядом со шкафом. Когда же увидел объемный пакет, перевязанный крест-накрест бечевой, и начал извлекать его, Мария Петровна предостерегла:

— Поаккуратнее, поаккуратнее, ради Бога...

Пакет оказался почти в половину человеческого роста. Освобождая его от ломких рогожных лент и пыльных тряпок, Елисей пока не знал, что за икона откроется ему, но чувствовал по таинственному молчанию Жаворонковой, что это не обычная икона, а с какой-то загадкой. Аккуратно переворачивая ее, Елисей по полям на лицевой стороне и шпону на тыльной понял, что она старинная. И действительно, когда развернул полностью, увидел почерневшие лики. По ним легко определил икону Божией Матери «Благовещение Пресвятой Богородицы». Вот же Дева Мария, а рядом с ней Архангел Гавриил! Правда, икона слегка треснула посередине и требовала реставрации, но и в таком виде казалась чудом.

— Откуда она у вас? Ведь это престольная храмовая икона! — спросил Елисей, удивленно рассматривая лики.

— Сохранила вот. Она из нашего храма. Дождалась своего часа, слава Богу! А я дожидаясь до этого благодатного случая! — и вновь заплакала, заслезилась.

— Беда мне с вами! — вздохнул Елисей, вытирая руки о полотенце, и попросил Варвару, тоже в изумлении склонившуюся над иконой: — Поддай, пожалуйста, хозяйке воды!

Варвара принесла бокал воды, Жаворонкова смочила губы, вздохнула, тревожно поглядывая на гостей.

— Ну, и как же эта икона оказалась у вас? — повторно спросил Елисей. Мария Петровна промокнула глаза, вздохнула.

— Икона эта действительно из нашего храма, а досталась мне от моей матушки, я-то лишь хранила ее всю жизнь, дожидаясь момента, когда можно будет передать в надежные руки, — сказала она, как повинилась.

— А каким образом она оказалась у вашей мамы?

— Когда начали глумиться над храмом — снесли надвратную колокольню, стену проломили и начали выбрасывать утварь, — тогда мама и спасла икону, припрятала, долгое время держала на чердаке, а в войну, когда крыша стал протекать, нашла сухое место в доме. Крышу потом починили, а икона с тех пор так и хранилась за шкафом.

— Петровна, чего же ты раньше-то молчала? — укорила Варвара, но ее возгла- са хозяйка, словно не слышала, но ответила, не поднимая глаз:

— Чего же буду языком-то зазря трепать. Ко мне уж сколь раз лихие люди при- ходили, интересовались иконами, да только я всякий раз выпроваживала их: мол, какие такие иконы? Те, что на божнице? Так они из картонок. У меня даже лам- падки к ним нет! Поэтому и тебе, Варвара, не говорила, прости уж за это. Боялась, где-нибудь ненароком проговоришься, и слух пойдет. Помнишь, был случай, ког- да бабушке Иониной в слободе по голове надукали, а иконы все вывезли. Так что, прости еще раз. Конечно, были бы детки, то им обо всем поведала бы, но я девуш- ка, и поэтому у меня нет такого счастья, а Архангел Гавриил не удосужился сооб- щить благую весть! — Жаворонкова улыбнулась собственной шутке, но по всему чувствовалось, что улыбалась она не от этого, а от сегодняшнего замечательного события, о котором давно мечтала, и вот успела лицезреть его, дождалась и те- перь безмерно радовалась неповторимому случаю.

Варвара ничего не сказала, шмыгнула носом, как обиженная девчонка, а Жа- воронкова продолжала говорить, спешила высказаться перед верными людьми:

— Мама-то моя преставилась после войны, а перед смертью указала на икону и заклонила сохранить ее до лучших времен. Долго я ждала, и вот дождалась, ког- да отношение к религии изменилось. Думала, вот-вот начнут восстанавливать храмы. Ведь у нас, в Свибле, помимо Благовещенского, были и иные. Собор Ка- занской Божией Матери чего стоил! Но снесли все под корень. Только уцелел, и то наполовину, наш Благовещенский, когда решили из него клуб сделать. А ведь в этот храм моя мама гимназисткой на службы ходила. Прогимназия-то рядом сто- яла. Ее, ставшей при советской власти школой-десятилеткой, тоже снесли, не так уж и давно, а кирпичики с холма раскатали на монастырском спуске... — Она вздохнула, перевела дух и замолчала.

— Ну, а далее-то как развивались события? — не сразу спросил Елисей, не же- лая торопить хозяйку.

— Когда пришло новое время, а ничего не изменилось, я и приуныла. Думала, что так и не пригодится нашему храму икона, хотела в слободскую церковь пере- дать, а тут Варвара весточку принесла о том, что начали строить новый Дворец культуры, а старый со временем собираются вернуть Церкви... Но слухи так и оставались слухами, и долгое время вновь ничего не менялось, а нынешней вес- ной неожиданно батюшка прибыл в храм... то есть вы... Помнишь, Варя, как мы радовались?

— Помню, помню. Как же не радоваться-то, хотя про икону я ничего не знала. Надо бы тогда сразу и передать!

— Не хотелось спешить... Там же стройка, пыль, с места на место начнут пере- ставлять, не дай Бог, повредили бы. А у меня ей спокойнее. Даже если б и помер- ла — все равно нашли бы свои. А теперь самое время, чтобы передать икону в на- дежные руки. Пусть она вновь дарит прихожанам радость и награждает их благо- ми вестями. Так что, батюшка, принимайте ее. А ты, Варвара, помоги завернуть. Возьми в шкаф тканевое одеяло, упакуйте икону, а после пусть батюшка руки от пыли отмоей и чаю с нами попьет ради такого сказочного случая! Но сперва хлам на улицу вынеси — не в пыли же сидеть.

— Тогда уж и за шкафом надо убрать — чего же откладывать. — Варвара нача- ла уборку и потихоньку ворчала, будто для себя: — А я-то думала, чего это она за шкафом убираться не разрешает? Вот голова-то премудрая!

— Уберись, милая, теперь уберись, — не обращая внимания на ворчание Вар- вараы или не слыша его, попросила Мария Петровна.

Пока гостя вжикала за шкафом шваброй и мыла полы, Елисей слушал хозяй- ку, и, казалось, каждое слово из ее торопливого монолога являлось важным и по-

учительным. Даже управившаяся с делами Варвара не смогла отвлечь, когда помыла руки из умывальника и дала чистое полотенце Елисею.

За чаем Мария Петровна успокоилась, говорила ровнее, и лишь раскрасневшиеся от поднявшегося давления щеки выдавали недавнее волнение. Она чувствовала себя именинницей, когда многолетнее ожидание завершалось для нее неизбежным праздником, бесконечно долго ожидаемым. Может, поэтому она говорила и говорила, и не нашлось бы в этот момент сил, какие могли ее остановить. Елисей слушал, не перебивая, лишь иногда что-то уточнял, но даже и он, терпеливый, в какой-то момент дал сигнал Варваре, что, мол, пора расставаться, дать возможность Жаворонковой успокоиться.

Когда поднялись из-за стола, хозяйка вновь прослезилась, начала благодарить Елисея:

— Спасибо вам, батюшка, за все. А в гору-то не стремитесь, нижней дорогой обойдите — как раз к храму выйдете, а то, не дай Бог, сверзитесь и икону повредите — на улице-то сколезь невозможная. Ну, с Богом, с Богом!

Расставшись, Елисей вспомнил, что так и не поговорили о певчих, не посмотрел тексты, но разговор о них, заведи он его, показался бы мелким и необязательным в этой необычной ситуации. Даже лишним.

«В следующий раз обязательно поговорю. Будет прекрасный повод встретиться!» — решил он, несколько не огорчившись.

20

После ухода гостей Жаворонкова почувствовала себя неважно. Сперва даже не поняла, что изменилось, почему сделалась иной, сама себе непонятной. Ведь радость великая должна расцвести в душе от того, что произошло сегодня, но в ней почему-то поселилось опустошение, будто потеряла то, чего теперь никогда не вернешь. Она опасалась думать об иконе, но это было так. Пока икона хранилась у нее, жизнь казалась обычной, хотелось и далее скрывать свою тайну, но, оказывается, теперь ее нет. Мечтала расстаться, передать в надежные руки, а когда это случилось — загоревала от осознания того, что не могла теперь в любую минуту прикоснуться к заветной иконе, зная, что к ней прикасались руки матери. И пусть последние лет пять не видела ее воочию, тем не менее, она находилась рядом, только руку протяни — и пожалуйста, доставай и смотри, радуйся. А теперь неизвестно, когда и как попадет в храм, если дальше крыльца сама никуда не ходит, — лишь Богу известно.

Вся радость, что хотя бы «ходунки» есть. Поставит она их перед собой, шажок-другой сделает, переставит — и опять шажок-другой. Если погода тихая, выберется на крыльцо, полчаса подышит вольным воздухом — ей и этого хватало, чтобы почувствовать себя равной иным людям, считавшим ее затворницей, и, наверное, никто не думал, что она стала затворницей поневоле.

Вчера-то Жаворонкова не смогла отправиться в поход из-за усталости, а сегодня отважилась. Тем более что за ночь голова перестала гудеть, и солнце за окном светило по-вчерашнему, радостные синички через стекло заглядывали, будто вызывали. Оделась потеплей, и потихоньку-помаленьку добралась до крыльца. Кошечка рядом: не отстает, но и не обгоняет. Постелила Мария Петровна кусок поролона на лавочку, чтобы не примерзнуть, сидит, радуется. А на улице-то красота: тихо, морозно. Солнце не греет, но кажется теплым — душа согревается от него. Народу совсем мало стало — не прежние времена — но все равно кто-то нет-нет да промелькнет, а если знакомый появится, то и вовсе на душе радость. Правда, сверстники-то давно подобралась, а тех, кто помоложе, Мария Петровна знала через одного. К тому же много переселенцев появилось в последние годы: кто

на квартирах жил, кто занимал пустующие дома родственников, а квартиры в больших городах сдавал. Так что мало-помалу и в Свибле народ шевелился — не всем же в столицах обретаться.

Жаворонкову знали, конечно, все. Иногда, посмеиваясь, называли ее «скульптором» за пристрастие к лепке. А чего же не лепить, когда глины вокруг усадьбы вдоволь — только копни. Вот только все скульптурки у Жаворонковой на одно лицо. Если девушка, то в платочке и длинном платье, если парень, то в матросской бескозырке и в широких штанишках. Почему в бескозырке — никто не знал, а сама она никому не рассказывала, не называла причину своего чудачества, как это виделось многим. И никогда не расскажет, потому что это не для чужих ушей. Даже перед Варварой ни разу не обмолвится о своей девичьей любви — чего попусту душу огорчать, если ничего не изменится. Да и интересно ли это кому-то, как она в начале пятидесятых ждала своего Никиту. Служили на флоте тогда четыре года, и все это долгое время молодая и румяная Маша, работавшая в ту пору в больнице санитаркой, дожидалась своего моряка-водолаза. Иногда ходила в гости к его родителям. Матери у Маши к тому времени уж не было, и родители Никиты считали ее своей дочкой, даже предлагали жить у них. Но она никогда на такое не согласилась бы. Вот демобилизуется Никита, сыграют они свадьбу, тогда можно снохой стать. Ведь до его отправки на флот у них, кроме нескольких поцелуев, ничего не было особенного, они и не думали ни о чем таком, отчего могли бы пойти по Свибле кривотолки. Упаси, Господь, от такой славы. Но не дождалась она жениха. Всего полгода. Привезли его из Мурманска в закрытом гробу, и командир, сопроводивший Никиту в последний путь на родину, сказал, что погиб он героически, при исполнении воинского долга — какой-то клапан в его скафандре то ли не закрылся, то ли не открылся на большой глубине. Маша тогда не запомнила, что именно произошло, да и какая особая разница, от чего именно он погиб. Отыдав на похоронах, Мария замкнулась: только работа и дом. Не сразу познакомилась с Варвариной матерью, сдружилась, нашла в ее словах утешение. Вместе в слободскую церковь ходили, потом вместе начали читать Псалтырь. Так и бежал год за годом. О себе она в ту пору не думала, лишь хранила память о Никите, да пристрастилась лепить фигурки жениха и невесты. И никто не догадывался, что лепила она себя и Никиту. Если к фигуркам привыкала, лепила новые, и всякий раз они получались у нее разными, но обязательно выглядели молодыми. Она-то знала, на кого они похожи. Ведь Никита с тех пор не изменился. Да и она с ним заодно, оставаясь в душе молодой. Так и текло время, то замедляясь, то ускоряясь, а с годами оно так и вовсе помчалось без оглядки.

Правда, в последние годы Мария Петровна глину копать сама не могла, а просить Варвару совестились. И без того, можно сказать, на шее у нее тяжелым хомутом повисла. Сколько раз просила отправить в интернат — но та ни в какую: «Пока жива, не допущу!» А каково ей почти каждый день мотаться на Нагорную из пятиэтажек, особенно последние год-два. Поэтому отговаривала, а та свое твердит: «Мне на тебя, Петровна, Бог силы дает. Закаленной я становлюсь на старости лет. Катай меня — не раскатаешь, ни за что не поддамся!» Поэтому приходится надеяться только на нее. Прежде-то в одно время приходила, а теперь, когда начали храм восстанавливать, урывками забегала — некогда, мол, все на бегу да на бегу. Продуктов принесет и далее спешит-торопится, даже чаю не попьет. Вот и сегодня собиралась прийти, обещала заказ выполнить: недорогих яблок принести. Сезонными называются. А Мария Петровна не понимала, почему именно так называются — новый сорт, что ли, какой?! Но по деньгам недорого, и на вкус неплохие, только кожуру надо срезать и на терке потереть. А к яблочкам крупы овсяной обещала, гречи, масла духовитого. Хотя и пост идет, но Жаворонкова нет-нет да иногда баловала себя маслом. Так что без Варвары — никуда. А ныне так и

вовсе ждала ее по-особому — решила попросить лампадку зажечь. В прежние-то годы Варвара за ней всегда следила, а теперь не до этого. Везде успеть надо. Поэтому Жаворонкова и не надоедает особенно: зажжет Варвара лампадку — хорошо, не сподобится — все равно обиды не будет.

Пока Мария Петровна размышляла, прикрыв глаза, услышала неподалеку то ли треск, то ли стук непонятный. Повернулась да присмотрелась, а это Зельцов с ее городьбы проволоку сдирает.

— Ты что же, мошенник, придумал-то? Совесть-то есть у тебя — на хозяйских глазах воруюшь?! — шумнула на него.

— А чего ты не дома-то, баб Мань! Простынешь ведь, заболеешь, не дай Бог! Что тогда с тобой делать? Сейчас медицина-то не особо расположена к старикам.

— Ты мне зубы-то не заговаривай — их давно нет.

— Да ладно тебе, баб Мань. Проволока чуть ли не в палец толщиной, зачем тебе такая, чего охранять-то. А я ее в дело пущу. Вместо нее легкую и колючую повешу — любого двурукого ежа остановит.

— От тебя, малый, дождешься. Это отец твой отзывчивым был, о чем не попросишь — никогда не отказывал.

— Он у меня по столярному делу — стружку гнал, а я с металлом работаю. Чувешь разницу, баб Мань?

Зельцов говорить-то говорил, но дело делал — скручивал и скручивал проволоку в моток, зная, что Жаворонкова ничего с ним не сделает. За разговорами не заметил, как появилась Варвара, и застыл, увидев ее, невольно спросил:

— Ты зачем здесь? В харае ведь должна быть?!

— А ну, разматывай, если не хочешь, чтобы скандал подняла. Ты что вытворяешь-то, паразит. Или опять твоей Елизавете пожаловаться? Или, может, в полицию заявить?

— Заявляй! Еще неизвестно, как эта проволока у Жаворонковой оказалась? Может, вы ее на заводе стянули?

— Я тебе, негодный человечиска, сейчас последние волосенки выдеру за такие слова! — подступила Варвара к Зельцову и взялась за телефон. — Полиция? Подъезжайте на Нагорную, тут один ухарь в дом к престарелой бабушке залез. Добро выносит...

— Ха-ха-ха! — усмехнулся Николай. — Хотя бы для вида включила «трубу», а то вхолостую языком-то болтаешь.

Варвара начала оглядываться, ища какую-нибудь палку, чтобы огреть Зельцова, и даже нашла, подхватив кособокую штaketину, а тот сразу бросил проволоку, сказал, поспешно удаляясь:

— Подавитесь...

— Не связывайся с ним, Варя, побереги нервы, — попросила Мария Петровна.

— Да от него вся Свибла стонет, и никто не найдет на него управу... Ладно, чего о нем языком молоть. Сама-то давно сидишь? Замерзла, наверное?

— Да разве замерзнешь, если головой приходится туда-сюда вертеть, дом охранять, — улыбнулась Жаворонкова, радуясь приходу Варвары.

— Пойдем. Печку топить надо, а то и без того я задержался.

Они потихоньку да помаленьку ушли с крыльца, а в доме Варвара сразу начала разжигать дрова, а когда они разгорелись, поставила на конфорку кастрюльку с водой — варить овсянку. У Марии Петровны своя забота: осторожно опустилась в кресло и принялась отогревать дыханием настывшие руки. Когда немного отогрела, окликнула:

— Варя, у меня еще просьба есть: посмотри, пожалуйста, лампадку! Давно пора возжечь ее. Время пришло.

— Масло-то гарное имеется?

— На божнице, помню, склянка стояла.

Поставив стул и второй рядом, Варвара осторожно заглянула на божницу, очистила фитиль лампадки, долила в нее масло. Когда огонек разгорелся, Жаворонкова вздохнула:

— Ой, как на душе тепло-то стало. Благодарь! Аккуратнее спускайся, дорогая моя. Чего бы без тебя делала — ума не приложу!

Пока Варвара хлопотала, устраивая кашу и кипятя чай, Жаворонкова попросила:

— Сама-то поешь... А то избегалась вся.

— Сейчас такое время — храм вот-вот будут освящать. Некогда на месте сидеть.

Она разлила жидкую кашу по тарелкам, подала ложку хозяйке, себе взяла.

— Маслом-то полей! — позаботилась хозяйка.

— Не могу — пост.

— Тогда и я не буду баловаться.

— Тебе-то можно...

Жаворонкова замолчала, собираясь с мыслями, а потом сказала, побоявшись посмотреть Варваре в глаза:

— Есть у меня еще одна задумка.

— Это какая же?!

— Дом на тебя описать. Старая совсем стала, помру, а дом потом не знам кому отойдет. Хотя и небогатый он, а все равно чего же разбрасываться.

— Я-то при чем. У меня жилье есть.

— Продашь. Лишняя копейка не помешает.

— Не надо мне чужого: и не бедствую, и крыша над головой имеется.

— В пятиэтажке-то... Что это за крыша — сплошь скворечники. Один на другом. А этот дом за дачу будешь держать. Дети приедут — пожалуйста, отдохните — река-то рядом. Какая летом благодать. Опять же: какую-нито грядочку посадишь, свойские помидорчики с огурчиками будешь иметь. Земли пусть четыре сотки, но много-то тебе за чем. Этого как раз хватит.

Варвара вздохнула:

— Зельцов все повыдергивает... Но и не это главное. Нет, дорогая Мария Петровна, не возьму я на себя такую заботу. А вот батюшке нашему жилье не помешает, если уж ты решаешься на это.

— Конечно, решаюсь. Сама знаешь, что нет у меня никого из близких. Есть, правда, где-то внучатый племянник, но нужна ли ему моя хибара? Да и жив ли? Уж лет двадцать ни слуху ни духу.

— Никогда не говорила о нем...

— А чего говорить, если он знать меня не знает, родился далеко от наших мест, и ему Свибла без надобности. Мне, конечно, радостнее всего сделать именно для тебя доброе дело, отблагодарить за все хлопоты, но если упрямишься, тогда пусть Елисею все достается. Чего же ему по чужим углам скитаться?

— Завтра так и скажу ему.

— Нет — это совершенно ни к чему. Он тоже, не хуже тебя, заупрямится, а что мне тогда делать. На коненях упрашивать? Не согнусь, сама знаешь. Так что ничего не говори. Да и помирать я пока не собираюсь. А если уж Господь призовет к себе, то вам тогда меньше хлопот будет.

— Ты прямо как по книжке говоришь.

— Чего же... Забота-то известная.

— Ну и что мне делать?

— Ничего особенного. Как-нибудь зайди в контору юридическую да попроси нотариуса прийти ко мне. Только заранее день обговори с ним. И тогда либо с ним

прибудешь, либо оставишь дверь незапертой и предупредишь его. Я все оплачу, тебе по этому поводу переживать не надо.

— Твердо решила?

— Тверже не бывает. Так что как-нибудь зайди попутно. Но потом на меня не обижайся.

— О чем ты, Петровна! Я что, ничего не понимаю? Сама об этом подумываю. Хотя квартира у меня приватизирована, но, говорят, с дарственной хлопот детям меньше будет, — вздохнула Варвара.

— Не вздыхай. Все идет чередом. Главное, чтобы свой черед не перепутать.

Варвара хотела что-то сказать, но промолчала, лишь обняла хозяйку и долго стояла подле, чувствуя, как она дрожит.

21

В какой-то момент, когда основные приготовления к освящению храма были завершены, Елисей даже немного растерялся, не зная, к какому празднику приурочить это великое действо. Хотелось бы провести его седьмого апреля — на престольный храмовый праздник, но этого числа долго ждать, а без освящения невозможно вести канонические службы, оставляя тем самым прихожан почти на полгода без духовного окормления. А ведь они так стремятся к этому, ждут невозможных, благостных дней.

Вроде бы все обдумав, посоветовавшись с благочинным, Елисей составил прошение на имя митрополита и решил лично отвезти ему, а перед этим созвонился с канцелярией епархии. Сразу ему ничего не ответили, попросили позвонить через два-три дня, чтобы согласовать дату и время встречи с митрополитом. Елисей позвонил через три дня, и ему назначили встречу лишь на конец января, после праздников Рождества и Крещения. Он слегка расстроился после подобного сообщения, но воспринял его как должное, постарался смирить собственное нетерпение и, не теряя времени, продолжать подготовку.

Этим ожиданием удачно воспользовались певчие. Они теперь стали приходить на репетиции в храм, ведь им, может, будет сложнее всего и ответственнее. Елисей расписал с ними порядок богослужений, подсказывал, напоминал, когда и что петь, даже делал проходы по храму, обращаясь к мнимым прихожанам, пытаясь воссоздать атмосферу настоящей службы. Ему в эти дни было важно приобщить певчих-новичков к церковной атмосфере, помочь понять сложный для непосвященного человека ход песнопений. Был бы кто с подобным опытом, они бы скорее прониклись творческим состоянием, которое помогло бы им соединить свои сердца со словами тропарей и кондаков. Жалко, что бабушка Жаворонкова не могла прийти и на собственном примере что-то показать, хотя ее домашние занятия пошли на пользу, и певчие достаточно легко разбирались в песнопениях. И здесь отличилась старшеклассница Вероника — высоконькая, тихая, даже пугливая на вид, но в делах оказавшаяся очень и очень решительной: посмотрит пристально сквозь очки — и никуда от ее взгляда не деться, а если чего необходимо добиться — обязательно добьется. Радовало, что она охотно перенимала опыт церковного служения, запоминала его, и можно было надеяться, что со временем станет способной нести в своей душе православие и щедро делиться приобретенными знаниями и навыками с другими. Она, как и все теперешние молодые, с компьютером на «ты», поэтому нашла в Интернете и распечатала необходимые песнопения, ибо листы с копиями нот и текстов, доставшиеся по наследству от Марии Петровны, оказались почти «слепыми».

Глядя на певчих, и Елисей исподволь готовился: привел в порядок облачение, иногда в послеобеденное время, когда должна бы идти служба, он на корот-

кое время «включал» звонницу и тотчас выключал ее, чтобы не смущать горожан, — все же не терпелось удостовериться в ее исправности; он по-прежнему не доверял электронному звону, казалось, что в самый неподходящий момент освящения храма компьютер может взбунтоваться, и что тогда делать — совершенно неведомо.

После Рождества, которое Елисей встретил с наиболее верными прихожанами, все радовались, что служба в храме все-таки состоялась, пусть и без Крестного хода, многим она была в радость, и теперь ждали, когда же она будет идти по полному уставу. И Елисей ждал, и это ожидание, казалось, более добавляло тревоги и волнений, чем радости, хотя и проводилось с пользой.

Но и радость вскоре пришла, пусть и неожиданная, можно сказать попутная, когда на четвертый день Рождества, он повстречал неподалеку от храма школьниц-близняшек в одинаковых сиреневых куртках, вязаных белых шапочках; даже соломенного цвета завитушки выглядели из-под шапочек одинаково. Думал, как обычно, поздороваются и промелькнут мимо, а сейчас задержались и, стесняясь, остановились подле. Не глядя в глаза, одна из них пугливо сказала:

— Батюшка, здравствуйте! Мы хотели спросить, а можно ли нам в церковь приходить?

— Это никому не возбраняется, но дети ходят вместе с родителями. Вы в каком классе учитесь?

— В шестом.

— Рановато вам одним. Приходите с мамой.

— Она работает, некогда ей. И папка не хочет ее отпускать.

— А желание такое у нее и у вас имеется?

— Мы-то хотим.

— Вот и прекрасно. В выходной можно прийти всем вместе. И папку своего зовите.

— Ну, тогда мы скажем маме.

— Скажите, что батюшка Елисей всегда рад видеть всех. Приходите на освящение храма. Оно состоится в скором времени!

— Спасибо, батюшка. Так маме и передадим! — улыбнулась девчушка, и было видно, как радостно она посмотрела на стеснительную сестру, словно добилась чего-то невероятного.

Они заторопились далее, поправляя ранцы за спиной, а Елисей спохватился, что не успел спросить, как их зовут, но останавливать не стал: со временем узнает. Если подошли, обратились, значит, не просто так, значит, в душах их родилась маленькая светлая звездочка, возгоревшаяся в Рождественские дни.

Когда же закончилась праздничная неделя, неожиданно позвонили из канцелярии епархии и сообщили, что митрополит прибудет на освящение храма в канун Праздника Крещения Господня. С ним также прибудет диакон для помощи ведения службы. Сообщили, что к этому дню надо подготовиться подобающим образом к приему почетных гостей, кто много отдал трудов и внимания на восстановление храма.

После звонка Елисей не успел одуматься, как еще один звонок — от благочинного. Отец Степан почти слово в слово повторил, что сообщили из епархии, и обещал в самое ближайшее время ознакомиться с подготовкой к освящению. И долго ждать себя не заставил. Не прошло и часа, как он появился в храме необыкновенно взволнованный, раскрасневшийся не то с мороза, не то от волнения, свалившегося на него неожиданно. Он проверил и оценил то, что сделано, спросил о певчих, о звоннице, о водосвятии, предложил срочно доставить подобающие сосуды, так как в храме у Елисея их не оказалось.

С отбытием благочинного, Елисей позвонил Варваре, попросил съездить в храм

к отцу Степану и доставить сосуд для водосвятия, но она неожиданно не согласилась.

— Сейчас это невозможно. Надо идти бабушку Жаворонкову обмывать... Отошла к Господу Богу сегодняшней ночью... Вчера заходила к ней — бодрая была, а сегодня заглянула — холодная в кресле сидит, голову склонила.

— Упокой, Господи, ее душу... — растерялся Елисей. — Тогда занимайся усопшей, а к отцу Степану пошли иных прихожан. Скажи, пусть наймут машину, я оплачу.

Весть о кончине Жаворонковой показалась Елисею несправедливой во всех отношениях. Ведь Мария Петровна так ждала того часа, когда храм освятят, когда сбудется ее многолетняя мечта, и престольная икона Благовещение Пресвятой Богородицы займет полагающееся ей место. И все приходящие на молитвы будут знать, что икона эта не простая, а имеющая собственное испытание временем. Конечно, пожелание и многолетнее ожидание хранительницы непременно сбудется, кроме одного: сама Жаворонкова об этом не узнает и не убедится воочию, хотя и жила все последнее время этой мыслью и надеждой. Даже, как рассказывала Варвара, заранее узнала, как заказать такси в нужный день, чтобы отвезли ее на освящение и привезли обратно. И вот оставалась самая малость — самой побывать в храме, принять участие в освящении и помолиться на заветный образ, но не судьба. И это казалось очень и очень обидным делом, но ни от кого не зависящим. Он даже хотел перезвонить Варваре и переспросить о Жаворонковой, потому что все еще не верилось в скорбное сообщение, как подчас не верится в самое непостижимое событие.

А еще Елисей вспомнил и подумал о том, что она ждала повторной встречи с ним, хотела договорить то, что, быть может, не успела высказать при первой встрече. У него же дела, заботы, но даже и они не оправдывали поспешного равнодушия, даже не равнодушия, нет, а повседневной непрестанной суеты, когда большие дела заслоняют малые, которые можно выполнять без особенных на то усилий, но на них всегда не хватало времени. Что для него казалось несущественным из-за навалившихся забот, для Марии Петровны, быть может, являлось самым главным в жизни. Надо было все бросить и пойти поговорить, но не успел, не переговорил, опоздал. И от этого упущения теперь навсегда останется на душе заноза, которую никогда не выдернешь.

К вечеру Варвара вновь позвонила, сообщила новость, от которой Елисею стало не по себе.

— Батюшка, такое дело прояснилось, — сказала Варвара и замолчала.

— Ну, говори же, говори — времени нет.

— Тут такое дело... — продолжала староста. — На столе в спальне у Марии Петровны лежала Библия, а в ней я обнаружила бумагу, в которой она отписала вам свой дом... — сказала столь удивленно, будто только узнала о завещании. — И денег шестьдесят две тысячи. В записке просит передать их на храм.

— Это, конечно, не возбраняется, но ведь надо организовать похороны, поминки. Так что держи их у себя, распорядься по мере надобности, а после разберемся. А ты ничего не напутала? — все-таки засомневался Елисей.

— Чего же я — совсем, что ли... И бумага настоящая, заверенная нотариусом и с печатью. На ваше имя. Так и указано: Ковшов Елисей Иванович... Ничего не вижу удивительного в таком поступке: детей-то у нее нет, и о родственниках я что-то не слышала. Только вы остались у нее в душе. Она вот и в записке сообщила, что, мол, поступила обдуманно, и хочет сделать храму подарок. А уж как им распорядятся — ее мало интересует. Так что теперь у вас, батюшка, будет постоянное жилье, перестанете скитаться. А то, когда вы жили в пристройке, у меня сердце кровью обливалось.

— Она как знала о своей кончине.

— Ну, знать, может, и не знала, но предчувствовала. Ведь бывает так, что человек живет в ожидании чего-то важного для себя, и как только это важное случается, то и сил не остается жить — все они израсходовались без остатка.

— Вы хоть врача-то вызывали?

— Вызывали. И скорую, и полицию. Они все осмотрели, оформили, как полагается, и увезли тело в морг, хотя мы и противились.

— Ладно, сохрани бумагу, поговорим об этом после праздника. А сейчас оповести наших прихожан, пусть подготовят все подобающим образом для похорон, — торопливо, как об обыденном, сказал Елисей.

Два дня Мария Петровна напоминала о себе, терзая душу Елисею, словно оставалась живой и пребывала в ожидании. Он, помнится, так не убивался по отцу, хотя и с тем не удалось напоследок поговорить открыто, по-родственному, но здесь был другой, непохожий случай, а вот поди ж ты. Получалось, что после всего лишь одной встречи и недолгого разговора незнакомая женщина стала ближе ближнего.

Похоронили Жаворонкову, по обычаю, на третий день. Отпевали ее в слободской церкви, а Елисей отслужил молебен на кладбище. Потом побывал на поминках, но недолго, так как надо было готовиться вместе с благочинным к завтрашнему освящению храма: отведал кутьи, съел блин с медом и выпил стакан компота. Неожиданно поминки оказались людными, или это так показалось из-за тесноты. Большинство из собравшихся — пожилые женщины, но были и мужчины: Елисей знал лишь одного — как-то после Покрова приходил помогать убираться около храма. Поэтому, заметив, как они опрокидывают стаканчик за стаканчиком, поминая новопреставленную, улучив момент, Елисей вышел из-за стола, покрестился, а потом тихо спросил у Варвары:

— Кто они, эти мужчины?

— Соседи, некоторые из нашей общины, почти все пенсионеры.

Ковшов нерадостно усмехнулся: «Только Зельцова не хватает», но ничего не сказал по этому поводу, а в душе даже укорил себя, торопливо подумав: «Поминки — богоугодное дело, а я к людям цепляюсь. Пусть и про себя». Поэтому внешне не обозначил своих мыслей, понимая, что не вправе корить пришедших помянуть Жаворонкову молитвой и добрым словом. Расставаясь с Варварой, даже стыдился смотреть на нее, словно она знала о его случайных мыслях.

Когда же она спросила:

— Батюшка, а можно ли отдать вам ключи от дома Жаворонковой, завещание и оставшиеся деньги?

— Пусть все хранится у тебя, — сказал он поспешно, будто остерегался иного вопроса.

День перед Крещенским сочельником выдался в Свибле морозным, ветреным. Еще задолго до рассвета Елисей вместе с благочинным совершали последние приготовления к церемонии торжественного освящения храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Елисею казалось, что этот день пришел неожиданно, как всегда бывает, когда очень ждешь какого-то события. Его ждешь, а оно не приходит и не приходит, томит ожиданием, и, кажется, это длится вечность. Но вот просыпаешься в одно прекрасное морозное утро и понимаешь, что этот день наступил. Именно так было и у Елисея.

В храме собрались священники местного благочиния, несколько диаконов, одного из которых Елисей заранее научил пользоваться «компьютерным» колокольным звоном. Были и представители администрации во главе с выделявшимся под-

вижностью Ильей Леонидовичем, создававшим впечатление чуть ли не главного человека в намечавшейся церемонии. Хотя совсем уж главным хотел казаться Антон Михайлович, тот самый лесничий, с сотрудничества с которым у Елисея началось послушание по восстановлению храма. С того времени он забылся, но, видимо узнав о скором освящении храма, сам не раз и не два напоминал о себе в последние дни, чуть ли не замучил телефонными звонками, прямо заявляя, что является давним сподвижником главы, и поэтому просто обязан быть в такой благословенный день с ним рядом. Лесничий, конечно, верно рассчитал, зная, что Елисей не станет проверять его слова у Ильи Леонидовича. Поэтому и настырничал. Елисей все это прекрасно понимал, что настроения ему не добавляло.

Возможно, глядя на Антона Михайловича, и местные депутаты реально напомнили, что они вместе с Ильей Леонидовичем, вместе с народом. Вскоре появившиеся телевизионщики и газетчики едва успевали включать телекамеры и диктофоны то перед одним приглашенным, то перед другим, и приглушенно о чем-то их спрашивали.

Как и обещал, прибыл брат Федор, встал в сторонке. Его прибытие особенно обрадовало Елисея, хотя, представ воочию, Федор сразу предупредил, чтобы его имя нигде не упоминалось, а то журналисты потом воспоют его меценатские способности на всю страну, а ему этого не надо.

В суете и в непонятном, нецерковном движении все ждали митрополита и осматривали храм, вспоминали, как он выглядел до восстановления, и удивлялись тому, с каким похвальному прилежанию был восстановлен, и сколько же на все это ушло денег. Это почетному-то волновало более всего, а особенно лесничего. Все спрашивали у Ковшова цену этой красоты, но он лишь отмахивался или шутливо говорил, что красота и вера бесценны. Елисея по-настоящему волновало совсем иное, даже не визит митрополита: обещал — прибудет, а вот возможное появление Николая могло все непоправимо испортить. Хотя в отделе полиции обещали прислать наряд, но что бы он мог сделать с бессовестным горлопаном, от которого можно ждать чего угодно в самый ответственный момент: ведь рот-то не заткнешь ему. Вывести из храма — и не более того, но это слабое для него наказание. Елисей даже невольно разглядывал собравшихся прихожан, отыскивая глазами Зельцова. Тут он вдруг увидел школьник-близняшек, узнал их по сиреневым курткам. Только вместо белых шапочек на их головы были накинuty сиреневые же легкие платочки, такие же, как и у стоящей рядом с ними молодой женщиной, видимо, их мамы. И все они были удивительно похожи одна на другую: и мама, и ее дочки. Елисей поразился, вспоминая недавний разговор со школьницами. В какой-то момент он упустил их из виду, но зная, что они здесь, в храме, спокойнее стал относиться к всеобщей суете, попытался собрать воедино разбегающиеся мысли.

Когда же прибыл митрополит в сопровождении братии на двух машинах, то здесь уж было не до рассуждений. Особенно, с началом торжественного молебна, когда с колокольни на всю Свиблу разнесся мелодичный праздничный трезвон. Даже прислуживая митрополиту, Елисей внимал доносившейся с небес перекличке колоколов, отчетливо слышимой во храме. Они создавали особую, удивительную атмосферу праздника, пришедшего в обновленные стены храма. Митрополит, в праздничном белом одеянии выглядевший торжественно и значимо, сказал по окончании благословения:

— Благодарен всем, кто помогал материально, всем, кто восстанавливал этот храм, всем, кто сегодня прибыл сюда. Призываю благословение Божие на всех вас и призываю ходить в храм со всеми своими печальями и радостями. И всегда помнить, что Господь дает то, что мы просим — просите и вам воздастся, стучите и вам откроют. Главное, всегда действовать и работать на пользу людям и во славу сего града.

Митрополит обошел храм, окропляя людей и стены святой водой, и после этого произошло движение, когда из алтаря вынесли для крестного хода фонарь — символ Божественного света, разрывающего мрак греховности. За фонарем — образ Божией Матери и запрестольный крест. Следом вышли хоругвеносцы и свещеносцы со свечами в больших подсвечниках, диаконы со свечами и кадилницами, а за ними священники. Священники несли святые иконы, напрестольные кресты. Последняя пара священников несли Евангелие и крест. За священниками шествовал архипастырь, сопровождаемый иподиаконами, еще далее певчие и миряне.

Процессия вышла из храма под праздничный трезвон, выражавший торжество Креста Христова и огласивший окрестности со свибловского холма, далеко разнесшийся в успокоившемся от ветра пространстве дальних заснеженных полей и чернеющих за рекой перелесков. Митрополит окропил храм, участников крестного хода и всех собравшихся свибловчан. Елисей сразу заметил среди них простоволосого Николая, застывшего недалеко от паперти с загипсованной рукой, неестественно торчащей из куртки. Сперва он отвел взгляд, боясь услышать что-нибудь несуразное, но Николай печально и молча смотрел на крестный ход, не решаясь присоединиться к нему. Когда же Елисей встретился с Зельцовым взглядом, то не смог спокойно пройти мимо, подхватил под свободную руку, тихо сказал:

— Пошли вместе.

И тот охотно подчинился, даже, как показалось, чуть улыбнулся замерзшими губами и влился в людское движение. Елисей не успел поговорить с ним, но, возможно, и не надо теперь никаких слов, когда человек сам пришел, дождался, чего хотел, а, по сути, склонил голову в благодарной повинности, словно искупая свои грехи, которые вольно или невольно досаждали ему. И не осталось у Елисея обиды, недоговоренности, он благодарил Бога за представившуюся возможность изменить мнение о человеке, наверняка, неплохом, но заблудшем, шедшем на поводу у своей необузданной гордыни, до нынешнего дня шедшем. И именно сегодня он сделал первый шаг в правильном направлении, за которым последуют дальнейшие. Елисей теперь знал, даже был уверен, что рано или поздно Николай придет в храм и замолит все свои грехи, не такие уж и тяжкие, очистит душу и сердце.

После крестного хода митрополит попросил Елисея высказаться по поводу сегодняшнего праздника.

— Братья и сестры, — обратился Елисей к прихожанам, и было заметно по дрожащим губам, что он волнуется. — Очень рад, что теперь у нас есть постоянная возможность прийти в свой храм и произнести первую молитву: «Слава Богу, что я живой!» Очень рад, что сегодня мы осветили восстановленный храм, который долгие годы использовали не по назначению. Отрадно, что времена меняются. Стараниями неравнодушных людей, на их пожертвования храм восстановлен и обустроен, и освящен. Мы должны помнить, что Господь благословит каждого пришедшего для обновления своей совести, ведь храм есть лечебница, где мы исцеляем свои грехи, страсти, храм нужен для объединения людей. Молитесь, и Божия Благодать будет всегда пребывать с вами.

По окончании службы несколько машин отбыло в архирейское подворье загородного монастыря на трапезу. Елисей, прежде чем сесть в машину к брату, вновь чуть ли не столкнулся с Николаем.

— Приходи завтра на службу — праздник ведь будет великий! — сказал он ему.

— Не, не пойду, молиться нечем! — и указал глазами на загипсованную правую руку.

Распрашивать, что случилось с ней, было некогда, Елисей лишь повторил:

— Приходи. Посмотришь, послушаешь — и рука быстрее заживет.

Николай что-то пробурчал, Елисей не понял, что именно, потому что его окликнул Федор. Пришлось оставить Николая и поспешить в машину к брату. По пути они радостно говорили о сегодняшнем событии, обсуждали ход праздничной службы, особенно словоохотливым казался Елисей.

— Представляешь, Федор, мой дорогой, мы добились своего, освящение состоялось! — сказал он, обнимая брата, мешая ему вести машину. — Мог ли я мечтать, что в столь короткий срок произойдет это чудо. Я все еще не верю, что оно свершилось, что Господь не оставил, а всячески способствовал нашим заботам — и результат налицо!

— Я и представить не мог такого размаха! — удивился Федор. — Ведь столько людей собрал, убедил их в своей незаменимости, да так, что они чуть ли не на руках носят тебя. У тебя очевидный талант к этому!

— Перестань. Если бы не твоя помощь, то и не носили бы! — отговорился Елисей, понимая, что брат подшучивает.

— Не оправдывайся. Вернусь, все маме расскажу, хотя она и без того радуется, привет передает. Говорит, что хоть теперь Еля вздохнет! Разве не так?

— Так-то, может, и так, только кто же заранее знает, как сложится дальнейшая судьба каждого из нас.

— Ну, это уж, как говорится, кто на кого учился...

— Не всегда... Бывает так, что учишься тому, что никогда не пригодится.

— Ну, это не твой случай. Ты оба своих образования используешь на все сто. Разве не так?

— Так, так...

Он отвечал еще на какие-то вопросы, но в мыслях всякий раз возвращался к Николаю, даже и тогда, когда въезжали в ворота монастыря. Думал о Зельцове и сожалел, что не успел поговорить, поддержать именно в ту минуту, когда такая поддержка ему была нужна особенно сильно. И не было сил заглушить в себе эти мысли, словно сегодняшняя встреча для того и состоялась, чтобы постоянно напоминать о том, что не имеется однозначных слов — отталкивающих или притягивающих — и каждый человек всегда может на что-то рассчитывать и надеяться. Главное, чтобы имелось к этому стремление.

Следующий день был днем Крещенского Сочельника, когда отслужили молебн, освятили воду в купели, стоявшей в центре храма, а вечером прихожане разговлялись сочивом. В этот день служба шла без званных гостей, а так, как должна идти в православном храме — спокойно, размеренно, без возвышенных слов. Елисей теперь стал главным действующим лицом. Он и внешне преобразился к этому дню: построился в белой ризе, порозовел после того, как завершился Рождественский пост. Теперь он мало походил на того доходягу, возвращавшегося с холма месяц-полтора назад, измученный мыслями о Елене. Нет, он, конечно же, не забыл ее, она по-прежнему жила в его сердце, но светлый образ матушки теперь будто помогал, придавал сил, будто все, что он творил в Свибле минувшими месяцами, творил совместно с ней — это было их общим послушанием. Он и службу вел духовно, считая ее наградой за все, что пришлось перенести, сохранив в себе, даже укрепив веру в то, к чему был причастен последние годы. От мыслей и чувств он с непривычки даже устал к концу службы, но и усталость свою посчитал бесценным и заслуженным подарком.

А на утро пришел праздник — Крещение Господне. Елисею, как и накануне, помогал приезжий диакон, командированный митрополитом на время торжеств. Провозглашая тропарь Крещения Господня, а затем и праздничный кондак, Ели-

сей, слушая певчих, сумевших освоиться за последние дни, и сам чувствовал себя увереннее. Стройность их пения придавала спокойствие голосу, твердость движениям — всему тому, от чего он слегка отвык за последние полгода.

После литургии прихожане отправились крестным ходом на Свиблу, к иордани — заранее приготовленной проруби в форме креста. Рядом с иорданью укрепили аналой и деревянный крест с ледяным голубком — символом Святого Духа. Испрашивая на воду Божие благословение, Елисей изрек:

— Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствовавше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине, извествоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе...

И трижды погрузил крест в воду со словами: «Во имя отца и сына!»

Прихожане стали набирать из проруби освященную воду и весело плескаться ею друг на друга. Иные удалцы и резвцы тем временем начали купание, чтобы очиститься от грехов. Мало кто из них знал, что это купание не является церковным таинством или обрядом, но именно этой традицией и запоминается празднование Крещения Господня, отличает его от иных праздников. Для многих в этот день важнее показать собственную удаль и широту. Иной, быть может, и в храм-то ходит раз в году, но ему необходимо заявить о себе именно купанием в проруби, проверить свой дух и силу имеющейся воли. К свибловским прихожанам — смельчакам-резвцам, к удивлению многих, и одна отважная прихожанка прибавилась. Разоблачившись до длинной исподней рубахи, она троекратно шумно окунулась в зеленой свибловской воде, всякий раз осеняя себя крестным знамением.

Неожиданно среди купающихся Елисей увидел тонконового, худющего человека с загипсованной рукой и не сразу распознал в нем Николая, старавшегося не замочить гипс. Он также троекратно окунулся, после чего заботливая дородная женщина, в которой Елисей узнал его жену, аккуратно обтерла мужа полотенцем как ребенка и подала сухое белье, одежду. Когда Николай, загородившись простыней, оделся, Елисей подошел к нему, перекрестил, прижал к себе:

— Не заболеть бы тебе, и без того болящий!

— Не, батюшка, от такого купания не болеют — проверено! А вот если не по желанию окунуться, то всяко может быть.

— Дай Бог. Излечишь руку — приходи в храм, в нем и для тебя найдется место.

— Не знаю, отпустит ли Елизавета, — сказал Николай посиневшими губами и указал глазами на ухаживающую женщину, почему-то не смотревшую на Елисея, будто не знала его.

— Если сейчас пришла с тобой, то отпустит. Главное, чтобы у самого такое желание имелось.

— Обязательно приду. Рука заживет — и приду. Спасибо, что не сердитесь... Простите, если что не так делал.

— Бог тебя простит, а я и подавно!

До нынешнего дня Елисей страдал, думая о Николае, избегая встреч с ним, не зная, как избавиться себя от него, не зная, что бы сделать необыкновенно особенное и не опускаться до ответного хамства, пусть и в душе, как-то по-иному завоевать его расположение, а он оказался мудрее и смелее его самого. Но в любом случае, доверие восстановилось, и Елисей очень хотел и впредь видеть Николая рядом с собой, зная, что Господь выправит, остудит, поможет найти себя. Чтобы впредь не было соблазна строить каверзы, обижать людей, насмехаться над ними. Чего уж, казалось бы, проще, но не каждому это по плечу, лукавая сила так и норовит свернуть в сторону, не позволяет подobaюще идти верной тропой, а принуждает

скакать подобно козлицу в буерачной канаве, не разбирая пути и не понимая смысла своего беспутного движения.

Елисею почему-то казалось, что после Великого Праздника Крещения Николай Зельцов по-настоящему приобщится к вере, начнет посещать храм и тогда обязательно наладится с ним окончательное понимание. По крайней мере, так хотелось бы. Но прошла неделя, другая, а Николай не появлялся. Как-то издали увидев его, шедшего навстречу, Елисей собрался поговорить с ним, но тот ловко нырнул в переулок, словно остерегался или даже опасался встречи. «Ну, что же, — решил Елисей, — бегать за тобой никто не собирается и насильно тащить в храм не будет. Созреешь, искренне проникнешься любовью к Богу — сам придешь, а пока можешь бегать по закоулкам и прятаться в сугробах, если тебе это милее».

После таких мыслей поневоле начнешь если уж не сердиться, то остывать к человеку, недавно, казалось бы, не выходившему из головы, но теперь его хотелось просто забыть. Но, как понял Елисей, Николай из той породы липучих людей, от которых и хотел бы освободиться, но они не позволяют этого сделать, пусть и неосознанно, будто репы приставучие.

После Крещения Елисей вдруг обнаружил, что время побежало будто бы скорее. Пока восстанавливал храм, оно тоже не стояло на месте и периодами даже неимоверно ускорялось, особенно когда появлялась необходимость что-то оплатить или с кем-то рассчитаться, а денег в тот момент не имелось. Так и теперь, с той лишь разницей, что времени он не замечал из-за служб, которые шли одна за другой. Он исповедовал прихожан, причащал, благословлял — вел службы от души, с любовью, с неизбытным чувством благодарности, исходившим от него. Благодарность эту принимали прихожане, несли в своих сердцах далее. Ему казалось, что вся Свибла в эти дни побывала в храме, каждого человека приобщил он к молитвам и служению Богу. С особенным благоговением проводил обряды венчаний и крещения младенцев. Иногда принимали крещение и взрослые, кто по чьей-то воле не сумел окреститься в детстве. Он проводил обряд, радуясь тому, что на одного единоверца стало больше. Ему умело помогал диакон Вениамин, получивший в епархии временное послушание на служение в Свибловском храме. Елисей поселился в доме Жаворонковой, чему весьма радовался, потому что никто не требовал с него плату за проживание. Варвара же постоянно напоминала Елисею, что надо думать о том, чтобы оформлять дом на себя и вступать в права, но Елисей отмахивался, сетуя на занятость и оставляя это суетное дело «на потом». А когда уж она совсем допекла, то сказал, улыбаясь:

— Вот ты все оформлять да оформлять. Но ведь даже по завещанию можно вступить в права лишь через полгода. И придумано это на тот случай, если вдруг объявятся какие-либо претенденты из числа родственников или кто-то еще с подобным завещанием, но более поздним.

— Нет же у нее никого. Сто раз говорила вам.

— А для чиновников это неважно. Они свое дело твердо знают: если в течение полугода никто не объявится — тогда, пожалуйста, иди и оформляй, получай свидетельство на владение строением, становись полновластным хозяином, не остерегаясь возможных конкурентов-наследников. Хотя теперь, слышал, и свидетельство не нужно, а если потребуется, выдается выписка.

Варвара проворчала:

— Это что же, теперь будет бумажка вместо документа?!

— Значит, она.

— Что творится-то... — Варвара покачала головой, словно она у нее вдруг заболела, а Елисей порадовался ее понятливости и покладистости:

— Так и есть, раба Божия Непряхина! Так и есть, сестра дорогая! Так что не торопи время, оно и без того не стоит на месте. Уж тебе ли этого не знать.

За повседневной суетой незаметно минул почти месяц со дня возобновления служб в восстановленном храме, они стали привычными, выявились наиболее активные прихожане, многих Елисей теперь знал в лицо. Все это располагало к душевному спокойствию, нарушенному, однако, на другой день после Сретения, когда Елисею позвонили из епархии и сообщили, что на следующей неделе в полдень вторника митрополит будет ждать его в резиденции. Елисею очень хотелось узнать причину вызова, но он не осмелился любопытствовать, не будучи знакомым с помощником митрополита, как тот ему представился. Сообщение показалось Елисею не столько радостным оттого, что митрополит помнит о нем, сколько тревожным. Поэтому не удержался и позвонил благочинному в надежде что-то узнать у него, но тот ответил, что ничего ему не известно и никто ничего не сообщал. Он даже вздохнул, словно речь шла о нем самом, и сказал с едва заметной лукавинкой в голосе, будто со стороны долго наблюдал, что-то загадывая, и вот теперь его долгожданное предположение сбылось:

— Так ведь батюшка Елисей теперь на добром счету у митрополита! Проявил себя завидным строителем, всем нам поучительный пример подал. Попробуй кто иной восстанови храм за полгода?! А Елисей — пожалуйста! Так что теперь ему особое внимание, а по вниманию и послушание будет новое. Видно, наметили в епархии к восстановлению какой-то храм в отдалении, а кого туда послать? И думать не надо — отца Елисея, как самого сметливого из нас. Так что готовься, батюшка, ко всяким неожиданностям!

— Что же, я так и буду до скончания своего века по стройкам кочевать? А людям когда служить?

— Об этом у митрополита при встрече спроси. Он тебе подробно объяснит. А от себя добавлю, что послушания разными бывают. Тебе Господь послал именно такое! — сказал благочинный с вполне очевидной радостью в голосе.

Ничего более Елисей не стал уточнять. Лишь глубоко вздохнул — нерадостно и тяжело.

Не сказать, чтобы благочинный напугал Ковшова, но знобкое чувство от разговора с ним осталось. И шло оно скорее даже не от предположений отца Степана, а от его язвительного тона: мол, наделал шума, выделился среди нас — получи «благодарность»! «Ну, что же, пусть будет так! — решил Елисей. — Любой итог поездки в епархию приму со смирением!»

За последние годы он успел составить для себя простое правило, по которому выходило несложное наставление: исполняй любое послушание так, словно тебе повезло, а уж как сложится на самом деле — не важно. И когда основательно проникнешься этой мыслью, то становится не зазорно выполнять любую работу.

Примерно с такими мыслями и настроением собирался Елисей, а потом и ехал в епархию. Если не считать поездок по делам храма, он редко покидал Свиблу, да и сегодня, собственно, тоже ехал по делам. Или по делу. А вот каково оно, в какую сторону поведет — абсолютно неведомо. Он не хотел раньше времени что-то угадывать, но желание такое было и так прицепилось, что не оторвать, ибо самое неприятное, что может быть в этой ситуации, — это неведение.

В епархию он прибыл с запасом времени, наверное, полчаса сидел в приемной, прежде чем служивый диакон пригласил к митрополиту. Впрочем, он сам вышел из дверей навстречу: невысокий, слегка курносый, с редкой бородкой. Получив от него благословение, Елисей прошел в кабинет, воссел на указанный стул справа от кресла Владыки, показав своим видом смиренность. Легкий и подвижный митрополит легко опустил в кресло, внимательно посмотрел в глаза Елисею,

спросил с едва заметной улыбкой, словно хотел сказать что-то особенное, но об этом особенном до поры был вынужден молчать:

— Как освоились на новом месте, как идут службы?

— Могу доложить, Ваше Высокопреосвященство, что службы идут по полному чину. Спасибо за приданного в помощь диакона, оказывающего неоценимое и незаменимое содействие во всех службах, в том числе в обряде Крещения и Венчания.

— Велико ли число прихожан, сложилась ли крепкая община?

— Извещаю: число прихожан значительно, и община крепка, а братья и сестры в ней оказывают взаимное содействие и помощь храму. Есть староста, певчие, алтарник из числа общины приобщается к службам. Лишь диакона, как вы, очевидно, знаете, нет у нас своего...

— Считайте, что он обретен для вашего храма. Ведь так?

— Воистину так, Ваше Высокопреосвященство! Дьякон Вениамин вполне достойно исполняет обязанности, нареканий к нему нет.

— Ну и слава Господу! А что у вас с механической звонницей? Как она работает? Ведь вы первый в епархии, кто решился на такое отличие!

— Мне она и самому не нравится, но иного выхода нет, ибо не имеем звонаря, да и установлена была звонница меценатским радением.

— Ну что же, звонарь со временем у вас будет. Надо лишь присмотреть достойного мирянина и направить его на обучение. Современная техника — это хорошо, но все-таки не в наших правилах отходить от обычаев, хотя и отмахиваться от жертвователей неразумно.

Услышавшей слова митрополита о звонаре, Елисей сразу вспомнил Николая: «Вот бы кого обучить, но не созрел пока человек. Тянется к религии, но сколь долго это продлится и когда закончатся метания, и закончатся ли, — лишь Богу известно». Вслух же сказал:

— Есть один прихожанин на примете, но все зависит от его усердия.

Митрополит сперва никак не отреагировал на последние слова Елисея; было заметно, что он что-то обдумывает, словно не решается сказать то главное, ради чего и вызвал. Тем не менее, разговор поддержал:

— Вот и прекрасно! К тому времени, когда придет новый настоятель в ваш храм Благовещения Пресвятой Богородицы, думаю, этот мирянин проникнется Святым писанием, а со временем станет истинным помощником... — Митрополит посмотрел на удивленно застывшего Елисея и, улыбнувшись чему-то своему, пояснил: — Да, да... В епархии принято решение назначить вам, отец Елисей, послушание в ином храме. Думаю, возражать вы не станете, а воспримете это решение с воодушевлением сил своих. Вы удивлены?

Елисей сразу вспомнил «предсказания» благочинного, видимо, что-то знавшего, но до поры молчавшего.

— Признаться, Ваше Высокопреосвященство, не ожидал такого опустошающего меня решения, — обиженно, даже сердито сказал Елисей, надеясь услышать имя свибловского благочинного, все это устроившего.

Этот неприемлемый тон уловил митрополит, но не осердился; продолжая недоговаривать, словно это ему приносило удовольствие, пояснил:

— Да, тяжело расставаться с привычным местом, которому отдано много душевных и физических сил, но, скрывать не буду, пришло ходатайство по этому поводу, и мы, посоветовавшись, решили его удовлетворить, учитывая ваши личные заслуги и для вашей же пользы.

— Разве другого строителя не нашлось?! — не сдержался Елисей, понимая, что происходит что-то невероятно обидное, с ног на голову переворачивающее его представление о справедливости, но почти сразу же осек сам себя. — Впрочем, готов принять любое решение епархии.

— Вот и прекрасно, иного ответа было трудно ожидать... Думаю, для вас не столь важно, каким образом было принято решение, а важен результат его. А он таков: согласно ему, вы направляетесь настоятелем в храм иконы Казанской Божией Матери в селе Владыкине нашей митрополии, с которым, как нам известно, вас связывает много личного. А знакомый вам отец Александр войдет для послушания во храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Свибле. Вы удовлетворены таким решением?

Лишь последние слова митрополита привели Елисея к осознанию всего того, что он услышал, привели в чувство, которого он, похоже, лишился на какое-то, пусть и малое время. Его сжавшаяся от обиды душа в единый миг распустилась, расцвела невероятным цветом радости и любви, и, вспомнив о мамушке Елене, он готов был тотчас расплакаться. Встав со стула, Елисей склонился перед митрополитом, скрестил руки, попросил:

— Благословите, Ваше Высокопреосвященство!

— Бог милостив, служите ему истово, и многое вам воздастся! — перекрестив Елисея, изрек митрополит и предложил Елисею присесть, спросил, когда тот вновь застыл перед ним с пылающими щеками и горящими глазами: — Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Свяжитесь с отцом Александром и все обговорите с ним, уладьте хозяйственные дела! Думаю, у вас, как у человека с определенным опытом, с этим трудностей не возникнет. А теперь пришло время обеда.

Вызвав диакона, митрополит напомнил:

— Покормите нас!

От внимания, искренности, за обедом Елисей разговорился, совершенно забыл, где находится, и поэтому мог говорить и говорить с митрополитом обо всем том, что ему пришлось почувствовать в Свибле, а ранее во Владыкине. Как отцу родному, рассказал о тяготах, какие пришлось испытать, хотя и не был уверен, что это интересно митрополиту. Но как не рассказать, если его старание и терпение теперь сполна вознаградились, и награда пришла с той стороны, с какой совершенно не ждал. Очень хотелось спросить имя человека, позаботившегося о нем, чье слово оказалось веским и убедительным, но напрямую не спросишь, да это и не важно теперь. Главное, что все сложилось в правильном направлении, о каком он мечтал, но предполагал, что его мечта никогда не осуществится. И вот такой счастливый, неправдоподобный поворот.

Он мог находиться в необыкновенно приятном расслаблении бесконечно, ведя беседу, в которой в основном отвечал на вопросы, но все-таки встреча завершилась, когда митрополит взял салфетку и негромко сказал, будто для себя:

— Вот и пора.

— Спасибо за прием, добрые слова! — поблагодарил Елисей, встав из-за стола вместе с митрополитом.

— И вам спасибо за терпение и верность! Ступайте с Богом! — и осенил его крестным знамением.

Елисей принял лист с указом о своем новом назначении, упакованный в файл на молнии, подумал: «Если и далее послушание пойдет с такой переменчивой скоростью, то со временем у меня будет значительная коллекция с подобными указами!» И усмехнулся сам над собой, и укорил, понимая, что подобные мысли ничего привлекательного не сулят. А значит, они не свои, чужие, прицепившиеся неизвестно для чего.

Возвращаясь в Свиблу, Елисей до мельчайших подробностей вспоминал встречу с митрополитом, его первоначально непонятную и тревожную инсказательность, показавшуюся желанием покрасоваться, создать театральную интригу, в

которой, пусть даже и не всерьез, заподозрил митрополита, будто решившего проверить своего служителя. Но теперь все разрешилось, путь для него, для тех заветных устремлений, какими он грезил в последние месяцы, открыт, и осталась самая обыкновенная в таких случаях формальность. Даже не огорчало одно щекотливое обстоятельство, о котором он старался не думать, но оно вновь и вновь возвращалось, когда представлял реакцию Федора, в скором времени узнающего о новом переезде брата. Ведь получалось, что старался-старался брат, вкладывал средства, а Еля, хватать, и в другое место утек. И как теперь объяснить Федору, что его помощь навсегда останется Господу Богу и людям. Поймет ли? Пусть не сразу, а поймет. А он, Елисей, со временем обязательно всем расскажет об этом — пусть знают и вспоминают о брате по-доброму, а он будет молиться за него истово и неизменно. Разве этого мало?!

Эту духоподъемность не смогло омрачить ехидное предположение отца Степана, вечером узнавшего от Елисея о его новом послушании и говорившего таким тоном, будто это он сам все устроил.

— Этого и следовало ожидать, если митрополит благоволил отцу Александру, забирая его поближе к себе. А ты для них испытываемый козлице. Я даже думал, учитывая твое усердие, что тебе дадут какое-то новое послушание по строительству, но, к счастью, ошибся. Так что считай, повезло тебе, если идешь на свой прежний храм, который сам же восстановил. А этот Александр, поверь моему слову, очень скоро сделает себе завидную карьеру, да и странно не сделать при таком покровителе.

Елисей пожалел, что прежде времени сообщил благочинному о своем новом послушании. Надо было позвонить за несколько дней до приезда Александра, или вообще накануне. Но ведь и безмерно затягивать с сообщением было бы несправедливым делом, словно бы он таился, словно все так ловко подстроил, чтобы вернуться во Владыкино, преследуя какие-то свои цели и держа их в тайне до последнего момента. А цель у него была одна, вернее, две: быть в постоянном послушании и не забывать о Елене, по возможности, находиться к ней поближе. Поэтому и сказал Степану таким тоном, словно пожалел о звонке ему, хотя это так и было:

— Не к лицу мне обсуждать и осуждать решение епархии. И уж тем более совершенно безразлично, как и кто ко мне относится. Главное, самого себя соблюсти, не скатиться на соблазны мирские, а для этого приходится постоянно держать себя в строгости, исполнять те послушания, которые возлагает на меня Господь Бог... Не мне вам говорить об этом. И нет у меня к отцу Александру ни зависти, ни осуждения. Он ведь тоже исполняет послушания и не волен в выборе их. Так что не будем гневить Всевышнего, а будем просить у него быть милостивым к нам, грешным.

Этим и закончился разговор с благочинным, и Елисей постарался забыть о формальных словах. И это получилось. Зато мысли об Александре не давали покоя. Ковшов еще ранее, во Владыкине, думал об Александре, как о покусившемся на то, к чему не имел никакого отношения, хотя тоже прибыл на послушание. Но тогда это особенно не волновало, хотя можно было понять то обстоятельство, если бы прислали пожилого священника, отягощенного годами и болезнями, по немощи своей неспособного на восстановление храма, отнимающее много сил. Но ведь Александр прибыл сразу после обучения, можно сказать, на все готовое, и не проявлял, по словам Михаила, в последующем особенного рвения. То есть изначально было понятно, что во Владыкине он не задержится надолго, и это наводило на определенные мысли. Но теперь, когда повторялась недавняя история и отец Александр, получалось, шел по его следам, шел на все готовое — поневоле задумаешься о том, что все это, видимо, неспроста. Это подтвердил разговор с благочинным. Но именно после него к Елисею пришел безразличия к административной борьбе.

Ведь чтобы знать подробности, надо быть либо необыкновенно проницательным, либо информированным. «А нужно ли мне забивать этим голову?» — в очередной раз задался вопросом Елисей и постарался не думать о том, о чем не надо было думать, понимая, что это пустая трата нервов.

Поэтому и не стал ничего объяснять благочинному, потому что мало знал его, никогда не откровенничал. Не сказал, что такой поворот вполне устраивает, даже более того — сам желал его в своих мечтах, и Господь услышал, удостоил награды. Совсем скоро он вернется во Владыкино, придет в знакомое место и положит цветы на могилку любимой матушки, почтит память о ней. И все остальное, по сравнению с этим счастьем, покажется мелким, обыденным — все эти недомолвки, мнимые обиды, все то, что отравляет жизнь. Теперь у него будет две заботы: служение Богу и своей Елене. И разве расскажешь об этом постороннему человеку? Поймет ли, захочет понять? Поэтому и не стал ничего объяснять, отговорился:

— На все воля Господа нашего.

25

На другой день, после поездки к митрополиту, к Елисею примчался отец Александр. Вернее, заехал, как он сказал, на машине возвращаясь из епархии. Уж какое дело его занесло в областной город, Елисей не стал допытываться, но пусть и небольшое, а волнение родилось. Ибо показалось, что заехал Александр неспроста, а с некой непонятной миссией, видимо, узнав о своем новом назначении, чтобы посмотреть на храм, в котором предстояло служить, сделать ему ревизию. Только так расценил Елисей это неожиданное появление без какого-либо предупреждения, не говоря уж о приглашении. Видимо, поэтому, как всякий коварный ревизор, тот нагрянул неожиданно. Он разыскал Елисея у Любомировых, попросил показать храм. Простая на первый взгляд просьба показалась лишней, необязательной, ибо порождала недоверие в душе, неудобство, будто Александр в чем-то не доверял, будто что-то могло измениться, если он заранее не осмотрит место будущей службы.

Еще более удивило, когда, знакомясь с утварью в алтаре, храмовыми иконами, тот что-то записывал в блокнотик, словно давал понять, что теперь до его приезда ничего не должно исчезнуть. Спрашивал о певчих, техническом устройстве звонницы, сомневался в ее работоспособности. И все с напором, чуть ли не нахально. И главное, с недоверием. Помнится, год назад он таким не был. Тогда, заранее созвонившись, появился во Владыкине тихим, пугливым, слушал Елисея чуть ли не с открытым ртом, а теперь, видно, заматерел, расхрабрился. И Елисей не мог не вспомнить слова благочинного о высоком покровителе Александра. И, получалось, либо благочинный что-то конкретно знал о нем и говорил лишь намеками, либо догадывался, пользуясь слухами, обычными меж священниками, как, впрочем, и среди иных людей. В любом случае неожиданное появление Александра показалось настолько унижительным, что Елисей перестал смотреть ему в глаза. Говорил с ним как с пустым местом. В конце концов, даже не понимал, о чем говорит. Лишь обрадовался, когда увидел, что гость собрался уезжать. Поэтому, хотя очень не хотел, предложил, наверняка зная, что тот не согласится:

— А теперь пришло время попить чаю... Как смотрите на это, Александр?!

— С удовольствием бы, батюшка, но мне пора возвращаться во Владыкино. Путь, сами знаете, неблизкий. Хотелось бы хоть часть пути проскочить засветло.

— Сейчас дни прибавились. Доедете с Божией помощью!

— Как-нибудь при более удобном случае... — отговорился Александр. — В другой раз.

«А другого случая и раза не будет!» — подумал Елисей, расставаясь. Конечно, он предложил чаепитие для приличия, но представляя, как появился бы с гостем у Любимировых, заставил бы тех суетиться, даже волноваться, но теперь, когда этого не случилось, даже обрадовался. Как говорится, пронесло, отвел Господь, не попустил!

Елисей вернулся к Любимировым, тихо пробрался в свою комнату, так как у хозяев был тихий час. Разные чувства и мысли об Александре посещали его в эти минуты, но одна, ставшая самой главной, не давала покоя. «Так не должно быть, это некрасиво, даже гадко, чтобы появиться без предупреждения и вести себя столь неподобающе! — думал он. — От чего это? От невежества, от природного хамства, от потери уважения, от неспособности быть... православным! Как это ни звучит ошеломляюще, но это, видимо, так и есть!» А если б в этот момент кто-нибудь сказал Елисею обратное, он не согласился бы с противоположным мнением. Даже если бы оно прозвучало из уст авторитетного человека.

От мыслей, от необъяснимого самому себе знобкого состояния души Елисея мало-помалу отвлекло шевеление в коридоре проснувшихся хозяев, изредка переговаривающихся вполголоса. И он порадовался их уважительному отношению к себе, являвшегося всего лишь постояльцем, и не более того. И как права оказалась Варвара, определившая его в этот необычный в современной жизни дом, к этим людям. «Вот все были бы такими», — помечтал Елисей, прекрасно понимая, что его мечты так и останутся ими.

В какой-то момент его размышления прервал телефонный звонок. Трубку взял — благочинный Степан.

— Слушаю...

После короткого приветствия, тот скороговоркой сказал:

— Все-таки я прав оказался! — и сделал паузу, словно позволял Елисею задать вопрос.

— В чем? — невольно спросил тот.

— Сейчас ко мне заезжал отец Александр, доложил, что вскоре перебирается на твое место!

— Ну что же, на все воля Господа!

— У тебя-то он побывал?

— Да, ознакомился с храмом и уехал восвояси... В чем вы все-таки оказались правы?

— В том, что Александр есть самый настоящий протеже какого-то высокопоставленного чина!

— Пусть даже и так, но нам-то какая забота...

— Эх, отец Елисей, отец Елисей, неисправимый вы человек! Как можно не видеть очевидного?!

— Вам-то что от этого очевидного? У каждого свой путь в служении! А все остальное от лукавого. У меня есть свое послушание, поэтому буду его исполнять, не оглядываясь ни на кого. По-моему, такое правило применимо ко всем. Или, по крайней мере, должно быть применимо.

— Все это так, но все-таки есть, согласитесь, лицо определенная несправедливость, когда у какого-то иерея дядя — митрополит, а у кого-то нет такого дяди. Вот ведь в чем неравенство. А от неравенства — обида.

Настырность, желание благочинного плеснуть масла в огонь вывели Елисея из себя, и он не сдержался:

— А вы что — завидуете?! Ну и как вы поговорили с Александром? Надеюсь, нашли общий язык?! Если это так, то поздравляю! Лично я не имею ничего плохого сказать об отце Александре. Держитесь к нему поближе, и вам что-нибудь перепадет. Чем еще могу быть полезен?

Елисей ясно слышал, как благочинный замылся, глубоко вздохнул, видимо, не ожидая от Елисей такой резкости, и свернул на попятную:

— Ну, зачем вы так, отец Елисей? Я ведь по-дружески хотел обменяться с вами мнениями, ведь теперь мы с Александром будем в одном благочинии, и, понятно, нелишне знать друг о друге то, чего не знают другие. Меня, например, интересует, как он общался с вами, удобен ли в разговоре, сдержан ли, либо порывист в суждениях?

Хотел Елисей запросто сказать, что, мол, вы два сапога — пара, но сдержался. Сдержался ради самого себя, не желая выказывать, как говорят в Свибле, все, что на душе, но саркастическую интонацию применил:

— Вполне воспитанный молодой человек, лояльный к мнению других, умеет улавливать это мнение — так что его появление усилит благочиние.

Благочинный то ли не понял иронии Елисея, то ли сделал вид, что не заметил, но на том и распрощались.

Отключив телефон, Елисей долго обдумывал неприятный разговор с отцом Степаном, нерадостное общение с Александром, и от этого легче на душе не становилось, а лишь усиливалось не совсем понятное разочарование, коего он пока по-настоящему не осознавал, а поэтому сомневался. Он не понимал, что движет людьми, в том числе и воцерковленными, служителями Божьими, в их стремлении к тщеславию, к желанию возвыситься над другими, тем самым притягивая к себе искушение. Или это заложено в подсознании, выработано тысячами поколений, и даже явление в свое время Христа не остановило все эти испытания и искушения. Получается, если судить по Александру, это так и есть, если до сего дня многие стремятся к этому, забывая о Христе, и не у всякого получается достойно нести Его в своей душе.

На этой мысли он и остановил в себе сомнения, начал готовиться к вечерней службе, спеша забыть в молитвах, уйти от мирских сует и навязчивых мыслей. В храме он был излишне сосредоточен, может, поэтому сбился в одном возгласе, и диакон Вениамин с удовольствием поправил, а Елисею в этот момент показалось, что диакон сегодня непривычно радостный. Видимой причины его радости он не знал, но в какой-то момент как стрельнуло: «Он ведь тоже от кого-то успел узнать о моем переводе, вот и радуется, стяжатель!» Елисей прекрасно помнил, с каким нескрываемым разочарованием Вениамин принял послушание, пусть и временное, как уверял митрополит, на службу в Свибловском храме. И понять его несложно: кому хочется покидать согретое место в епархиальном управлении и ехать в Свиблу, жить в полуразваленном домишке. А с Александром теперь, глядишь, откроются совсем иные возможности. Наверняка, новый священник в Свибле долго не задержится, дадут ему послушание на епархиальное управление, а вместе с ним, глядишь, и Вениамину повезет, если, конечно, заслужит такое доверие. Но он заслужит, он это умеет, в этом и сомневаться не надо.

От этих мыслей Елисей сбился повторно, и Вениамин грубо спросил под голоса певчих, укоряя:

— Что с вами, батюшка?! — и покраснел от недовольства, отчего из рыжего превратился чуть ли не в кумачового.

Елисей аккуратно отмахнулся, давая понять, что все нормально, и постарался успокоить чувства, сосредоточиться в мыслях. И мало-помалу это ему удалось. Он всеми силами старался удержать в себе это сосредоточение, а когда после службы вернулся из храма, не особенно-то уважительно расставшись с Вениамином, то после ужина, окончательно успокаиваясь, произнес по памяти молитву на сон, тем самым спасая себя от переживаний:

— В руке Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой: Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь.

Федор все-таки узнал о новом послушании брата, но не сразу, а неделю спустя после его визита к митрополиту. Елисей сам позвонил и все откровенно рассказал, не делая никаких оценок, умозаключений, не осуждая кого-то и не укоряя. Все как есть. И заодно повинился, хотя прямой вины за собой не чувствовал. Услышав его невнятное бормотание, Федор ехидно оживился:

— Ну, наконец-то, просто вспомнил и заговорил о брате! А я подумал, что опять что-то понадобилось?! — спросил он, сразу же решив, что останется глухим к новой просьбе, если она хоть как-то будет связана со свибловским храмом или с людьми другим.

Елисей выдержал паузу, давая понять, что ерничанье брата сейчас неуместно, и ответил так, словно пребывал в самом прекрасном жизненном расположении. Даже не стал ерничать в ответ. Сказал легко и просто:

— Можешь подшучивать, язвить, но от этого мое отношение к тебе не изменится.

— И не думал зловредничать. Я по-настоящему рад, что осуществилась твоя мечта, и вновь ты будешь рядом с Еленой... Хотя, не скрою, мне было бы приятно время от времени приезжать в Свиблу на твои службы, и знать при этом, что это место, как и для тебя, мне не чужое. Тебе, может, не понять меня, но я лишь в первые месяцы относился легко к твоему свибловскому послушанию, а потом проникся им основательно, сам того не ожидая. Все твои заботы и проблемы были моими заботами и проблемами.

Федор говорил пространно, с отступлениями, с упоминанием родителей, но их-то он упомянул хотя и по-родственному, но давая понять, что его помощь по восстановлению храма не была случайной, а шла от нестерпимой братской любви. Она была как искупление вины за прежнее семейное гонение, если так можно выразиться, как поручительство на благополучное течение дел в его фирме. Ведь до того, как стать генеральным, он совершенно не задумывался о религии, о том влиянии, какое она может оказать на отдельно взятого человека, и может ли? Но на него она оказывала определенное влияние — это он и не отрицал, потому что теперь сам это чувствовал и стремился к познанию церковных правил. С тех пор, как начал помогать Елисею, несколько раз побывал в ближайшем к месту работы храме. Один ходил. Почему-то стеснясь сказать об этом жене и позвать ее с собой, не говорил об этом и маме, теще, каждую неделю посещавшей храм. Уж она-то только приветствовала бы его стремление. Тем более почему-то не мог пока признаться и Елисею, словно тот насильно побуждал к такому признанию, но не будь его, и мыслей о православии не возникало бы. Получалось, что то, в чем он когда-то упрекал брата и над чем посмеивался еще недавно, теперь захватило его самого, заставило стать другим человеком. И если это внешне никак не отражалось, то внутри все в нем дрожало от нового состояния, и он не знал, как рассказать сейчас об этом брату, но что-то говорил и говорил, не замечая, что говорит совсем не о том, о чем давно хотелось. А Елисей слушал его, слушал, а потом возьми да ляпни:

— Жалеешь о деньгах?

А Федор не сдержался и ответил тоже откровенно:

— Ни капли... Жалею лишь, что теперь, как и ты расстанусь со Свибловским храмом. Он ведь стал родным не только для тебя, но и для меня тоже. Веришь?

— Верю.

— Хотя и видел его только раз, на недавнем освящении, но мне и этого хватило, чтобы он навсегда остался в памяти. Это как первая любовь! Раз — и на всю жизнь. И что бы потом ни происходило, как бы ни менялась она, наша переменчивая житуха, а ту, свою первую, будешь вспоминать и вспоминать. А деньги?

Что о них жалеть. Их жалко, когда их нет и взять неоткуда, а когда они худобно, с Божией помощью приходят, то и поделиться можно. Ведь всех все равно не заработаешь. Так что это вопрос риторический, не заслуживающий пристального рассмотрения. Тем более в телефонном разговоре.

Елисей, конечно, не согласился в душе со словами брата о первой любви, вспомнив Марию, но не стал о ней упоминать, поддакнул:

— Ну, хорошо, что так. И извини, что прямо тебе обо всем рассказал. Я понимаю, ты, наверное, сейчас чувствуешь себя обманутым, но верь, что о твоей помощи храму знает Господь, и он всегда тебе будет помогать и выручать в самые трудные минуты.

— Я в это верю.

— И хорошо, что так. С такой верой жить спокойнее, дышится легче.

Поговорив, Федор какое-то время сидел безмолвно, слыша, как из приемной доносятся телефонные звонки и голос секретаря. Он пытался понять свои мысли, самого себя: жалел ли он все-таки, что его деньги ушли, словно в никуда, — уплыли, утекли сквозь пальцы? Или нет? Или это лишь Елисей думает, что у него такая богатая фирма, что он может направо и налево разбрасываться миллионами. А со счета фирмы он сделал лишь первый перевод, за что потом получил нагоняй от акционеров, указавших ему на недопустимую расточительность, а все остальные переводы делал из своих личных средств, о которых жена не знала; начал понемногу копить на загородный дом, но все, что имелось в записке, ушло к Елисею. И хорошо, что она не знала, в любом другом случае он ни за что не смог бы оторвать их от семьи. А так — ушли и ушли.

Вспомнив о жене, Федор позвонил ей, спросил:

— Чем вы там занимаетесь?

— С Юлькой на фигурное катание собираемся, будто ты не знаешь.

— А потом, вечером?

— Не понимаю, о чем ты... Тебя когда ждать?

— Сегодня не придется долго. Сама говорила, что мы совсем не выходим никуда и тебе надоело сидеть в четырех стенах. Так?

— Так... Ну и...

— Что «Ну и...» Пойдем, поужинаем в каком-нибудь приличном месте. А Юлька с бабушкой побудет.

— Да уж лучше бы в театр сходить.

— В театр пойдем в следующий раз, а то на днях начнется Великий пост, а пока не грех расслабиться.

— Что-то новенькое... Влияние брата? — спросила Лариса.

— Ну, брата не брата, а потихоньку опыта набираемся... Так что часам к восьми заеду, а потом решим, куда рвануть! Договорились?

— Договорились, если, конечно, никакой зарубежной делегации не будет, как обычно!

— Ладно, не подшучивай... Ждите, девушка! — и в прекрасном настроении пожил трубку.

Признаваясь самому себе, Федор понимал, даже знал, что ему не хочется ни в какой ресторан, не хочется пустого шатания туда-сюда. Лучшая ему награда, как обычно в последние месяцы — добраться до кровати и рухнуть, ни о чем не думая, на прохладную простынь. Какое это блаженство — чувствовать, как засыпаешь, как обволакиваешься, словно коконом, негой сна, которому не помеха любой посторонний звук.

Правда, к концу дня он все более оживал, наливался нетерпением, по-настоящему настроившись на поход с женой. Ведь, действительно, после рождения дочери они мало куда ходили — все более дом да дом. Даже и тогда, когда Лариса при-

везла мать, а сама уволилась из школы, по настоянию мужа превратилась из учительницы в домохозяйку. Казалось бы, двое взрослых на одну Юльку-крохотульку — это ли не роскошь. Но, может, потому что они ее очень долго ждали, и была она особенно желанной и любимой. Да и как не любить хрупкое создание, если она часто болела, пока не окрепла. И характер у нее с рождения нежный, ласковый. Подойдет, ткнется в колено и молчит, а потом посмотрит синими глазенками, а от ее взгляда почему-то хочется заплакать — такого печального и трогательного, невыразимо преданного. Поэтому Федор всегда очень сожалел, что не хватало на дочку времени, а ей не хватало его. Поэтому старались, по возможности, надолго не разлучаться. Он за все годы совместной жизни только дважды летал с Ларисой за границу на отдых, да и то до появления Юлии, а так — летом дача, зимой — парк около дома, да теперь вот фигурное катание, на которое Юлька сама напросилась, увидев по телевизору катание очередной юной чемпионки.

Выпив в ресторане вина, Федор раскраснелся, развеселился, пригласил Ларису на танец и, мягко к ней прижимаясь, вспомнил молодость. И все-таки, как ни вольготно им было в этот вечер, но долго в ресторане они не засиделись: знали, что их ждет Юлька, ждет ее бабушка, которая с Рождества начала собираться к себе на родину, и решила ехать в этом году вместе с внучкой. Врачи посоветовали малышке быть по возможности за городом, подальше от Москвы. А у тещи есть еще одна дочь, она покамест держит корову, и разговоры о своем молоке да творожке со сметаной — это первое, с чего начинался любой разговор после Рождества.

По дороге домой Федор рассказал Ларисе о звонке Елисея, о его новом послушании. Услышав, что он возвращается на свой прежний храм, оживилась:

— Ну, слава Богу, хоть немного отдышитесь наш батюшка!

— Когда повезем Юльку в деревню, можно будет заехать к нему во Владыкино, посмотреть, как устроился. Думаю, он будет рад!

— Думаешь или на самом деле это так?

— А как ни поверни, заехать надо будет. И лучше на обратном пути!

— Позвони, скажи ему об этом!

— Успею, чего раньше времени беспокоить. Ему сейчас не до нас. Вот переедет, обоснуется, тогда и разговор будет.

27

Еще с того случая, когда сиганул в сугроб, скрываясь от батюшки, Николай Зельцов если уж не страдал, то переживал по-настоящему. Этого не отнять. Но что было делать, если очень не хотелось предстать перед Елисеем выпившим. Николай хорошо помнил его доброе отношение на Крещенье, обещал ему в скором времени прийти в храм, как только заживет правая рука, чтобы можно было молиться. И дело шло к заживлению, но, спасаясь от Елисея, неудачно ткнулся в льдистый сугроб, руку вновь повредил, опять она отекала и начала ныть. Пошел к врачу, и тот прямо сказал, давно зная Николая, что произошло смещение костей.

— Операцию тебе делать поздно, да и денег на нее нужно много. Живи так, как есть, все равно ведь на пенсии прохлаждаешься и тяжелей стакана ничего не поднимаешь.

— Мне стакан ни к чему, я верующий человек! — сердясь на подначивание коротко стриженного сердитого врача, сказал Николай и ушел от него обиженным.

Недели две сидел дома, а потом сам снял гипсовую лангетку и начал разрабатывать руку. Сначала сделалось страшно, сустав был словно стеклянный, и, казалось, коснись его — рассыплется на мелкие иголки. Но через день-другой, по совету жены, хорошенько попарив руку, повеселел от вида сгибающихся и разгиба-

ющихся пальцев. Преодолевая боль, он каждый день гнул кисть, складывал пальцы в щепоть, представляя, что молится, и это получалось. Поэтому всякий раз говорил: «Спасибо тебе, Господи, что исцелил! Пусть рука стала кривой — это не беда. Главное, пальцы работают, и силенка в них мало-мало есть». Позанимавшись неделю, сходяв в баню, где вволю и сам напарился, и пропарил руку, он доложил жене:

— На следующей неделе в храм пойду! От людей слышал, что будет праздник Мытаря — это как раз мне подходит.

Елизавета лишь отмахнулась:

— Ты уж сто лет собираешься!

Николай не стал более надоедать, зная, что толку не будет, а шугануть она может. У нее всегда так: то ласковая до невозможности, то зверюгой смотрит. Вот и угадай попробуй. Подальше держаться — спокойнее будет.

Зная, что перед храмом имеется стенд, на котором расписано время богослужений, Николай на другой день отправился посмотреть расписание. Запомнил время, даже авторучкой записал на ладони для верности. Собрался домой, а как увидел старосту, выходящую из храма, то быстренько к ней с вопросом:

— Непряхина, когда будет праздник Мытаря?

— Хватился... Он в этом году ранний. Теперь до Благовещения никаких праздников. А тебе-то зачем это знать?

— Желая в церковь ходить, так сказать приобщаться... Заодно с Елисеем поговорить надо — уж очень душевный человек! Или нельзя?

— Приходи, только с завтрашнего дня у нас другой батюшка будет, — вздохнула Варвара.

— Как другой?!

— Тебе-то не все ли равно, с каким батюшкой Богу служить?! А Елисей сегодня отбывает к новому месту послушания. Сейчас соберется и уедет, машина за ним пришла.

— Что же никто не сказал-то о новом священнике?!

— У нас не справочное бюро. А тебе раньше надо было шевелиться. Его недавно по телевизору показывали — заранее предупреждали. Не видел разве?!

И Николай вспомнил, что действительно на днях в областном выпуске местного телевидения выступал какой-то священник, что-то говорил о своем новом послушании, даже, кажется, упомянул Свиблу. Николай еще подумал тогда: «Вот болтун-то! Кто же тебе отдаст только что восстановленный храм?! Совсем, что ли, батюшка зарпортовался!» От неправдоподобности известия, от невозможности такого изменения он о нем забыл, не придав значения, а теперь сразу вспомнил и посмотрел на Непряхину изумленными глазами:

— Что же теперь с нами будет?

— Что Бог даст, то и будет... Ну, ладно, я побежала — дела есть, — отговорила Варвара, не желая распространяться с Зельцовым.

Николай даже не успел спросить, в какое такое райское место направили Елисея, что он столь поспешно покидает привычную Свиблу. А главное — когда, в какой час?! Зельцов знал, что батюшка снимает комнату у Любомировых на монастырском спуске, и сразу же отправился туда, надеясь застать Елисея и хотя бы напоследок поговорить с ним по душам, по-настоящему повиниться. Он заторопился к холму, с которого скатывалась дорога к дому Елисея, и даже издали увидел его, садившегося в машину...

Николай так и осел на подтаявший снег, понимая, что теперь уж ничего не сможет сделать, что-то изменить. От мыслей, что разрушились все планы, ему захотелось тотчас отправиться в магазин, взять маленькую и сразу вышить, чтобы заглушить себя, забыться и забыть такую очевидную несправедливость. И он отпра-

вился, но в последний момент засомневался: зайти в магазин или сразу домой двинуться?! Даже остановился, раздумывая. И уж было дернулся к двери, но все-таки, пересилив себя, прошел мимо, даже не взглянув на витрины.

Дома, едва он снял куртку, жена напористо спросила:

— Ну что, узнал?

— Чего узнавать, когда на бумажке все расписано. Завтра в восемь начало, —

ответил он сердито, чуть ли не плача.

— Пойдешь?

— Не знаю.

— Чего так? Собирался ведь!

— Батюшку, говорят, нового прислали, а я к нему непривычный!

— Не все ли равно какой.

— Тебе-то, может, и все равно, а мне волнительно, поэтому и сомнение берет!

Его недавно по областному телевидению показывали — когда и успел нарисоваться-то. Говорил складно — этого не отнять, мол, в скором времени будет исполнять послушание в Свибле. Елисей-то ему храм как на блюдечке преподнес. А на готовое примчаться — и я не отказался бы.

— Сиди уж, «не отказался бы», грамотей!

Он представлял, рисуя в воображении, где теперь Елисей, с какими чувствами уехал из Свиблы, вспоминает ли о нем и как вспоминает. Наверняка с обидой отбыл, ведь прекрасно видел, как недавно прятался от него в переулке, вместо того, чтобы подойти, попросить благословения и спокойно поговорить. Очень многое хотелось рассказать о том, о чем никоим образом не расскажешь, — ведь не поймут, а если поймут, то совсем не так, да еще посмеяться могут. Мол, совсем мужик с оси съехал, вот до чего допился. И только Елисей никогда ни в чем не упрекал его, а лишь горевал, даже когда ничего не говорил, а молча проходил мимо. Николай это очень хорошо видел, хотя и бывал частенько выпивши. «Ну, что же, — вздыхая, думал теперь Николай, — тужи не тужи, а в храм завтра идти надо, как не послушать нового батюшку... Да и посмотреть интересно, что за птица залетела в наши края».

От этой успокаивающей мысли Николай даже заснул, и жена еле-еле разбудила, а растолкав, сразу дала указание:

— Иди, с внучкой позанимайся чтением. А потом ужинать будем.

— У нее мать с отцом есть. Гони их от телевизора! — не согласился Николай. — А то моду взяли: как с работы прибегут, сразу в «ящик» пялятся!

В день отъезда, после службы, обо всем созвонившись накануне, Елисей встретил Александра вместе с диаконом Вениамином, показал храм, познакомил с Варварой. О хозяйственных заботах было все обговорено заранее, и касались эти заботы более Александра, так как во Владыкине все оставалось без изменений, ибо он, как младенец, находясь в благодушном неведении, за все прошедшие месяцы даже не пытался переоформить документы по коммунальным платежам храма на себя. И это даже радовало Елисея. Получалось, что формально он отлучался из Владыкина в командировку, и вот теперь пришло время возвращаться домой.

Ключи от дома Жаворонковой Елисей сразу отдал Александру, где тот временно будет жить, потеснив Вениамина, а зарегистрируется, как договорились, у старосты. Когда обоснуется основательно, то по доверенности переведет платежи за храм на свое имя... Впрочем, все эти подробности теперь мало волновали Елисея. Он свое послушание исполнил, храм действовал, принимал прихожан, и теперь можно благодарить за это Бога и добрых людей, коих нашлось немало, и двигаться далее. Лишь жалел о том, что не успел отреставрировать икону Благовещения

Пресвятой Богородицы, а тебе скоро праздник, и до него, конечно же, не успеть. Поэтому, когда остановились у этой иконы, Елисей сказал Александру:

— Это храмовая икона с необычной судьбой... О ней со временем расскажет Варвара, а я попрошу исполнить то, что не успел сам: отреставрировать, чтобы она занимала почетное место во всей своей притягательной святости и красоте.

— И давно она в храме... В прошлый раз ее не было!

— В укрытии она хранилась, пока изготавливали оклад... Так что, если отреставрируете саму икону, будет и вовсе хорошо.

— Обязательно сделаем! — пообещал Александр. — Вам спасибо, отец Елисей, за этот храм! Уж в такое благолепие его привели!

Вроде бы правильно сказал отец Александр, но Елисей видел, что говорит он неохотно, через силу, лишь бы отпарортовать. Но пусть хоть так, зато пообещал исполнить просьбу. Это, наверное, и было главное, что хотел услышать Елисей от нового настоятеля. А то, что нелегко оказалось передавать именно ему свой храм, ставший действительно своим за последние месяцы, так это вполне понятно. Но ведь есть еще один, не менее любимый. И когда он вспомнил о владыкинском, то к Елисею, не имевшему детей, пришла мысль о том, что оба эти храма — подарки от Бога, как будто принесла их любящая матушка. И у него теперь одна обязанность: помнить, помогать и любить свои детища, заботиться о них и знать, что они навсегда его, как бы ни складывались обстоятельства переменчивой жизни.

Именно об этом думал Елисей, когда распрощался с Александром и Вениамином, оставшимися в храме. Варвара вызвала его проводить. Но дошла она лишь до ограды, где стояла машина, и выдохнула:

— Батюшка, как же я теперь без вас буду? Ведь привыкла до невозможности!

— Что же делать, Варвара... И к Александру привыкнешь.

— Не смогу, наверное. От него одеколоном так и разит, дышать нет возможности.

— Это не самое страшное. Главное, чтобы распрей не было промеж вас. Ведь одно дело-то делаем, дорогая моя помощница. Не тужи и не переживай — все хорошо будет. Господь не позволит иное, не попустит.

По-настоящему она ему так и не намекнула — никогда ранее, ни сейчас — что в душе считает Елисея прежде всего сыном, и лишь на людях да при нем самом называет его на «вы». Она по-матерински полюбила его и опекала, отдавая ему всю любовь, которую могла бы отдавать своим детям, будь они рядом, или хотя бы почаще вспоминали ее. Ей так не хватало сыновьего внимания, любви, на которую она непременно откликнулась бы заботой, и именно поэтому нерастраченное в последние годы внимание она дарила Елисею, особенно когда не стало Жаворонковой. И теперь получалось, что она совсем осталась одинокой. И приходилось лишь уповать на Бога, который все знает о ней, а значит, не оставит в унынии, поможет превозмочь нынешнее расставание, как во многом помогал ей в долгой и тревожной жизни... Но как обо всем этом сказать Елисею на прощание, если ранее, когда имелось время спокойно поговорить, не удосужилась из-за робости. Считала, вот еще немного — и тогда уж обязательно поговорит, откроет душу. А теперь лишь осталось попросить об одном, что она и сделала, понурившись:

— Батюшка, позвольте иногда звонить вам, хотя бы немного поговорить, поделиться новостями?!

— Звони, конечно, звони, сестра дорогая! Всегда буду рад услышать твой голос, который узнаю из тысячи иных голосов.

Он не стал разводить прощальную канитель, посматривая на Михаила, противравшего в этот момент лобовое стекло. Утром он доставил Александра, а теперь должен был вернуться во Владыкино уже с Елисеем и нетерпеливо ожидал, когда тот введет в курс дел настоятеля-новичка, попрощается со старостой. Когда же

это произошло, то сразу поехали на квартиру к Елисею. За проживание и питание он рассчитался накануне, а теперь переобулся в кирзовые сапоги, в которых когда-то прибыл в Свиблу, обнялся с прослезившейся Анжелиной Георгиевной, простился с выглянувшим из своей комнаты Владимиром Борисовичем, сказавшим: «Жалко, как жалко, что уезжаете. Мы так привыкли к вам!», благословил их, подхватил баул с одеяниями и спешно вышел к машине вместе с хозяином, помогшим нести рюкзак. Прощаясь еще раз, хозяин сказал-похвастался:

— А письмецо-то мое в газете сработало! Вы, конечно, не заметили, а на днях вдоль главной улицы появилось восемь новых фонарей. Вот она, сила печатного слова!

— Вы молодец, равнодушный человек, дай вам Бог здоровья! — осенил Елисей крестным знамением Владимира Борисовича и ехал потом по знакомым улицам, сожалея, даже страдая от понимания того, что уезжает надолго, скорее всего, навсегда.

Мелькали здания знакомых контор, новый Дворец культуры, не будь которого, не было бы и восстановленного храма, ставшего по-настоящему родным, каждый новый кирпич для которого, казалось, был согрет теплом его рук. Вот проехали и городское кладбище — место упокоения Жаворонковой, к которой он так и не успел попасть повторно и поговорить по-настоящему, не спеша.

От волнения и мыслей, нахлынувших обильно и неудержимо, от прощального взгляда на Свиблу, Елисей, сидевший рядом с Михаилом, отвернулся, уставился в окно, пытаясь скрыть подступившие слезы, но они все-таки ненадолго пролились легкой росой. Да и как им не пролиться, если ему все еще не верилось в прощание с полюбившимся городом, в который когда-то не хотел ехать, — вся его душа тогда противилась! Теперь же, привыкнув, он так же горестно покидал этот град, где оставался храм, которому он отдал столько времени, переживаний и сил. И ведь никому не расскажешь, не поделишься, что творилось на душе все эти месяцы.

Чувствуя состояние Елисея, Михаил долго молчал, лишь за городом, зашевелившись, сказал, желая отвлечь:

— Погодка-то сегодня самая подходящая. Душа радуется.

— Да, радуется, — не очень-то весело вздохнул Елисей и попросил:

— Останови, пожалуйста!

Михаил послушно остановился, а Елисей вышел из машины и, оглянувшись, увидел на противоположном обрывистом склоне речной долины свибловский холм, отдаленный маревом, а на нем светившуюся ярким ультрамарином крышу храма и сверкающий в голубом небе золотой купол с крестом, венчавший надвратную колокольню. Луковка купола отсюда казалось крохотной, но все равно ее острый блеск притягивал взгляд. На нее хотелось смотреть и смотреть, как на завораживающий огонек, и Елисей замер душою, понимая, что это и есть его прощальный взгляд на место своего недавнего послушания, ставшего для него словно родным. А со всем, что родное, всегда трудно и горестно расставаться. Поэтому и стоял бы он, вздыхая, и смотрел на горящую под солнцем свечечку колокольни бесконечно, если бы не подошедший Михаил, тоже вздохнувший и напомнивший:

— Надо ехать...

— Да-да, — согласился Елисей, взглянув напоследок на свой храм долгим взглядом.

Какое-то время ехали молча, потом Михаил сказал будто между прочим:

— А во Владыкине уж почти все бугры черные. Грачей полно!

— Вот и я, как птица перелетная, возвращаюсь в знакомые места, — не сразу ответил Елисей, перестраиваясь в мыслях.

— Вас там ждут...

— И Артемка с Настей?

— Они-то — особенно! С утра до вечера спрашивают, когда «дедушка» приедет!

И не только они знают о вашем возвращении. Ведь не зря старались некоторые люди!

— Кто же, интересно знать? — слабо улыбнулся Елисей, не ожидая такого признания от своего диакона, с которым теперь предстояло вновь совместно служить Господу.

— А вы не догадываетесь?!

— Откуда же.

— Наш благочинный постарался. Ездил на прием к митрополиту и поведал вашу историю!

— Вот в чем дело! — Теперь уж Елисей улыбнулся широко и открыто. — А я-то думал, в чем причина, что послужило поводом к новому послушанию?! Уж начал грешить кое на кого из местных. А это, оказывается, владыкинцы отличились! Воистину, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. — Елисей на какое-то время замолчал, что-то обдумывая, а потом спросил пытливо и подозрительно, заглянув в глаза Михаилу, невозмутимо сидевшему за рулем: — Признавайся, что и ты к этому руку приложил! Ведь так?

Михаил промолчал, лишь сдержанно и загадочно улыбнулся, но не выдал тайных мыслей, о которых все-таки очень хотелось рассказать.

